

РОМАН
СЛИШКОМ ЖИВЫЕ ЗВЁЗДЫ

ДАНИИЛ ЮЛИАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Юлианов

СЛИШКОМ ЖИВЫЕ ЗВЁЗДЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58485968

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-92788-9

Аннотация

Сохранит ли Петербург свою красоту во время апокалипсиса? Смогут ли люди, пережившие "светлую" ночь, не переступить грань, отделяющую человека от животного? И как долго в таком мире продержится любовь, когда вокруг рыскают хищники и жаждут крови?

Это предстоит узнать обычным жителям города, у каждого из которых своя история, своя трагедия. Дизайнер женской одежды, преподаватель русского языка, ученики выпускных классов и другие встретятся друг с другом, чтобы разобраться в произошедшем и узнать, какое же надвигается зло.

Но они даже не догадываются, что настоящее зло – это люди...
Содержит нецензурную брань.

Содержание

Посвящается	5
Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	33
Глава 4	54
Глава 5	65
Глава 6	78
Глава 7	81
Глава 8	87
Глава 9	93
Глава 10	111
Глава 11	116
Часть 2	121
Глава 12	122
Глава 13	139
Глава 14	143
Глава 15	161
Глава 16	172
Глава 17	208
Глава 18	221
Глава 19	237
Глава 20	262

Часть 3	264
Глава 21	265
Глава 22	286
Глава 23	313
Глава 24	339
Глава 25	360
Глава 26	389
Глава 27	396

Даниил Юлианов

Слишком живые звёзды

Посвящается

Моим любимым женищинам, которые воспитывали меня с самого детства – маме, Реснянской Алине Ивановне, и бабушке, Пугиной Людмиле Александровне

Моему отцу, который пришёл в нашу семью в тяжёлое время и сделал мою маму вновь счастливой – Реснянскому Сергею Генадьевичу

Моему покойному дедушке, который заложил во мне фундамент мужчины – Пугину Ивану Васильевичу

Моей любимой красавице – Иве

Левиной Владе Владимировне, раз я тебе пообещал

Стивену Кингу и его шедеврам. В особенности – «Противостоянию», вдохновившему меня на написание этой книги

И отдельно посвящается Петровой Екатерине Александровне, подарившей нам всем такого замечательного персонажа – Катю. Она вдохновляла меня все пять месяцев, что я писал книгу, и всегда поддерживала меня

Я это сделал, Кать

Твоя улыбка – лучший мотиватор

Часть 1

НАЧАЛО КОНЦА

It's a long way to the finish

"Glory", Future Royalty

Глава 1

За кулисами

– Красивый город, правда? Только взгляни на эти огни!

Ветер ничего не ответил Алексею. Он лишь холодными пальцами прошёлся по чисто выбритому лицу и ласково взъерошил волосы. Воздух пах свежестью – такой, какая наступает в городе только ночью, после того, как большинство жителей смыкает глаза. Вообще ночью тонкую грань мира прорезает магия, которую вдыхают поэты, когда пишу стихи, втягивают в лёгкие художники за созданием картин и выкашливают маньяки, возбуждённые тем, что им наконец удалось поймать жертву. Город пестрил контрастами, добро и зло растворялись в свете фонарей и сливались в нечто единое, целое, похожее на огромное каменное сердце, находящееся, конечно же, под Дворцовой площадью.

– Я остановлю его, вот увидишь. Я стану свидетелем последнего удара этого сердца.

На красивом лице, не лишённом мужской эстетики, расплылась тёплая улыбка счастливого или почти счастливого человека. Под тёмными глазами на щеках появились ямочки, и от подобной улыбки растаяли бы многие женщины, если б сквозь зубы не сочилась смесь слюны с чужой кровью, запачкавшей всю нижнюю половину лица. Из-под верх-

ней губы выглянули клыки, показались зубы, и теперь луна освещала уже не улыбку, а звериный оскал. Глубоко в груди, под крепкими рёбрами, зарождалось тихое рычание. Алексей чувствовал вибрацию внутри своего тела, чувствовал, как она волнами пробегает под кожей и бьётся о кости, возвращаясь к мышцам слабым электрическим зарядом. Алексей чувствовал внутри себя жизнь. И как же это приятно! Свежий воздух заполнял собой альвеолы, в венах бурной рекой протекала кровь, а суставы – все до единого! – двигались так, будто их только-только смазали. Крепкое тело... Наконец-то крепкое тело... А самое главное – мужское.

Он заработал себе ещё одну жизнь, чтобы продолжить отбирать чужие.

– Это красивый город. – Голос звенел подобно лучшей в мире мелодии, приятный бас ласкал уши, а осознание того, что он принадлежит тебе, грело то, что люди называют душой. – Это город ночи, а не дня. Я бы переименовал его в Луноград или Мунсити. Чертовски красивая луна!

И ведь правда, луна сегодня напоминала женщину, впервые вышедшую на свидание после декрета. Как только эта мысль пронеслась в голове Алексея, на его лице вновь засияла улыбка – в обрамлении чужой крови, безумно вкусной после долгого перерыва. От карих глаз, глубину которых можно сравнить с Марианской впадиной, отражался круглый серебряный диск, плавающий в небе, усеянном звёздами. Тысячами, миллионами звёзд. Они равнодушно взирали на Зем-

лю, на её жителей, оставались холодными ко всем событиям, что происходили в эту ночь на петербургских улицах. Как бы сильно поэты не хвалили звёзды, последние не изменяли своему безразличию и в самые тёплые ночи светились так же холодно, как и в самые морозные, тёмные, бессонные. Звёзды мертвы, это люди наделяют их жизнью, видят в их сиянии то, что хотят видеть, восхищаются ими, хотя тем всё равно.

Но не всё равно Алексею. Он стоял на одной из крыш жилого дома Петербурга (из тех, что строились ещё в Империи) и смотрел на простирающиеся внизу дороги, напоминающие вен огромного существа. И да, он слышал биение сердца города. Чувствовал его каждой клеточкой тела, вдыхая свежий ночной воздух, пропитанный магией и легкомыслием. Да, именно с приходом луны люди становятся легкомысленными. Поэтому всё произойдёт ночью, чтобы жёлтое сияние растворялось в свете уличных фонарей. А звёзды... звёзды всё так же будут равнодушно смотреть вниз. И только одна – одна-единственная – отличиться среди остальных.

– Санкт-Петербург... – медленно сказал Алексей, чётко выговаривая каждую букву. Словно он пробовал слово на вкус, облизывал его, изучал. Вдали на фоне почти чёрного неба в лунных лучах поблёскивал купол Исаакиевского собора – символа этого города, шедевра архитектуры. – Знаешь, мне здесь нравится, правда. Почти как дома, только здесь меня ещё не знают. Совсем, совсем не знают.

Ветер опять промолчал и в ответ лишь встрепал полы

длинного светлого пальто, в котором был Алексей. Его волосы тонули в густой черноте, а скулы слегка проступали под кожей; казалось, его лицо было идеально-симметричным, слишком выточенным для человека. И только засыхающая кровь выдавала в нём хищника. Воздух прорезали автомобильные гудки, звяканье колокольчиков, повешенных при входе в кофейни, гул прохожих и рычание моторов сотен, сотен машин, мчащихся внизу и сменяющих друг друга. Все эти звуки смешивались в единое целое, и именно из них выливалось биение огромного сердца города.

Петербург жил, всё в нём кипело даже под покровом ночи. Кто-то в этот момент заливался краской при первом поцелуе, кто-то склонялся над близким родственником, попавшим в кому, кто-то разговаривал по телефону с женой, поглаживая в это время грудь любовницы, а кто-то другой ехал на красный, потому что незнакомый голос вдруг сообщил им, что, к сожалению, нужно приехать, опознать тело. В одном городе такие разные судьбы... Люди проходят в метре друг от друга, не зная, что их линии жизни пересекаются незаметно для них самих. Каждого что-то гложет, каждый чем-то озабочен, каждый чего-то боится. И все они смотрят на купол Исаакиевского собора, когда проходят рядом. Всех этих людей объединяет одно – они живут в одном городе, внимая биению его сердца. И какие же разные у всех судьбы!

– Жёлтый настигнет многих, я тебе обещаю. – Алексей сжал в карманах пальто кулаки. – А потом жёлтый сменит

красный, вот тогда и поиграем. А ещё... ещё мне чертовски нравится свой голос!

Алексе рассмеялся, и некоторые прохожие подняли головы, услышав смех какого-то сумасшедшего. В это время на радиостанциях пропал сигнал, и несколько секунд водители слушали только помехи.

Когда смех прекратился, сердце Петербурга вновь заби-лось ровно.

– Скоро ты обо мне узнаешь. Совсем скоро, и произойдёт это ночью. Мне нравится Петербург под луной.

***

– Давай поцелую.

Вика аккуратно прильнула губами к костяшкам его пальцев, и от одного этого соприкосновения всё внутри полыхнуло огнём. Егор закрыл глаза, чувствуя боль в те моменты, когда нежная кожа губ касалась плоти. Только недавно костяшки начали заживать, и теперь они вновь были избиты в кровь.

– Такими темпами ты себе руки отобьёшь.

Егор не ответил, решив промолчать. После драк всегда так: бушевавший в крови адреналин куда-то выветривается, эмоции бледнеют, и совсем неожиданно возвращается ясность ума – только после того, как чья-то челюсть выбита из суставов. Конечно, к этому букету прилагалась и боль – в случае поражения в драке, но последний раз Егор побили в седьмом классе, то есть три года назад. Туалет, раковина,

плитка, голова, сотрясение мозга, перепуганная мама – тот день он запомнил хорошо, а потому не хотел вновь прочувствовать подобную боль.

Но вот драться Егор любил. Это было его страстью, и пусть он даже отдалённо не был знаком с единоборствами, уличные драки его кое-чему научили. Используй окружение – вот самое главное правило уличных драк. Не концентрируйся только на противнике, рассей своё внимание на окружение и думай. Как ни странно, в бою надо думать, и чем быстрее, тем лучше. Дедукцию никто не отменял.

– Не обижайся на меня, Егор, но ты больной. Я бы назвала тебя сумасшедшим, если б не любила.

Она отпрянула от его кулаков и взглянула в глаза.

Издаലെка, сквозь густую тишину доносилась музыка, исполняемая богом забытой кантри-группой, самому молодому участнику которой было 58 лет. Егор и Вика находились за кулисами небольшого рестораника, какие обычно открывают на окраине города. Они сидели на одной-единственной скамейке, укутанные тенью, которую лишь совсем немного разбавлял свет. Лучи прожекторов заглядывали сюда, но в целом уступали место полутьме. Но даже в ней Егор отчётливо видел яркие, безумно яркие рыжие волосы Вики.

О. эти огненные волосы!

Наверное, именно в них сначала влюбился Егор. Не в глаза, не в округлости тела, не в улыбку, а в первую очередь – в волосы. Казалось, их соткали из пламени и сам бог поце-

ловал их, подарив такую яркость. Стелились они чуть ли не до самой поясницы, прикрывая спину узором игривого огня. А светло-зелёные глаза и вовсе смотрелись в их обрамлении подобно двум ярким изумрудам, красивее которых на свете не было. Вика – единственный человек, перед которой Егор мог потеряться, не найдись с ответом. Её красота поражала, её харизма, проявляющаяся в улыбке, голосе, смехе, движениях рук, околдовывала.

Но цепляла Егора больше всего не красота, а...искренность, понимание того, что с ним Вика настоящая. Порой в изъянах кроется такая красота, какую не найдёшь в общепринятом идеале. Для многих Виктория Краева была самым воплощение красоты, но Егор видел в ней куда больше изъянов, чем остальные, и любил их сильнее. То, что после приёма душа она всегда рисует на запотевшем зеркале смайлик, что после секса она никогда не забывает почесать Егору волосы; то, как блестят её глаза, когда она начинает о чём-то страстно рассказывать, и как смешно она хрюкает, не в силах противостоять смеху – все эти мелочи Егор любил сильнее, чем красоту Вики, сразу бросающуюся в глаза. Потому что такие мелочи мог видеть только близкий, невероятно близкий человек. Именно искренность способна завоевать сердце – сексуальность и красота даже рядом не стоят. Искренность – вот тот ключик, открывающий самые прочные двери.

– Мне, конечно, приятно, но не мог бы ты перестать на меня так смотреть? Ты меня слишком заводишь, а нам ещё

выступать.

Егор рассмеялся и, накрыв огненную макушку ладонью, поцеловал Вику в лобик. Губы её в этот момент расплылись в улыбке. Да, в улыбке тёплой, искренней, сияющей счастьем в полутьме за кулисами. До них двоих всё ещё доносилась музыка, но сейчас Вика слышала только биение сердца мужчины, что нежно её обнимал. Как это приятно – тонуть в объятиях сильных мужских рук, которые так жёстки с обидчиками, но так нежны с тобой! Ради таких моментов и хочется жить. Всё-таки любовь – это прекрасно. Особенно когда она разбавляется хорошим, горячим, приятным для обоих сексом.

А у Егора с этим проблем не было.

– Почему я больной, а? Из болезней у меня только хроническое отсутствие юмора.

– Чувства юмора, умник. – Вика освободилась от объятий и посмотрела на Егора. – Ты, правда, не понимаешь, о чём я?

Его яркие голубые глаза чуть ли не светились в темноте. Радужки переливались цветом поверхности моря в спокойное утро, когда на небе нет ни единого облачка. Часть русских волос чуть спадала на лоб, и почему-то взглянув именно на неё, Вика подумала: «Я люблю его. Я действительно люблю его». Егора природа тоже не обделила красотой, а уж со скулами и вовсе не церемонилась – контуры челюсти прямо сияли эстетикой. Его завораживающее лицо никак не вязалось с характером, что скрывался под голубыми радужками

глаз. И только избитые в кровь костяшки пальцев показывали нутро.

Вика убрала упавшую на лоб Егору прядь русых волос и заговорила, старясь сохранять в своём голосе и мягкость, и жёсткость одновременно:

– Ты, конечно, преподавал тому парню урок. Думаю, ты будешь ему сниться несколько ночей, а то и вовсе будешь казаться повсюду. Ты напугал его, Егор, но... – Вика взяла его ладони в свои. – Но ты напугал и меня.

Брови над голубыми глазами сошлись домиком. С большим трудом Вика подавила в себе желание улыбнуться (он так мило это делает!) и крепче схватила нить мысли, которая так и растворялась в радужках цвета чистого моря.

– Я давно хотела с тобой об этом поговорить, Егор, но всё никак не решалась. Ты... милый, ты не будешь злиться, если я скажу, что сейчас – лучший момент?

И к её удивлению Егор сделал нечто необычное. Вместо того, чтобы уйти от разговора или начать спорить, он с нежностью мужа провёл пальцами по ярким рыжим волосам. Медленно, очень медленно, но от касаний этих Вике сразу стало легче. Она ни на секунду не сомневалась в своей любви к Егору точно так же как и в его – к ней. Но всё же кое-что настораживало... Эти избитые в кровь костяшки, драки, крики – один сплошной ужас. Самое страшное заключалось в том, что этот ужас нравился Егору. Он жил им, а кожа на руках не успевала заживать. Будто внутри Егора жил монстр,

насытить которого с каждым разом становилось всё труднее и труднее. И однажды этот монстр...

– Вика, если я и буду злиться, то только на такие вопросы. Хочешь спросить что-то – спрашивай. Если считаешь, что сейчас лучший момент, значит, оно так и есть.

Его слова тронули сердце, окутав его теплом. Голос Егора сочетал в себе приятный бас и странную, почти неосязаемую нежность, которую не улавливал ни одни из пяти органов чувств – нежность ощущала душа, а ей Вика доверяла. Руки воина могут быть нежны с принцессой. Ладони, совсем недавно испачканные чужой кровью, с невероятной любовью могут легонько сжимать грудь. Воин никогда не поднимет руку на близких. Никогда.

И всё же...

– Егор. – Вика надела на лицо маску серьёзности и вцепилась в голубые глаза, стараясь ни на секунду их не отпустить. – Мы знакомы с тобой три года, с того момента, как нас обоих заперли в раздевалке.

Он улыбнулся, она – нет.

Он перестал улыбаться.

– Я, конечно, не считала, но по-моему ты избил по меньшей мере двадцать парней, которые хоть как-то обозвали меня. И это только при мне! Уверена, за моей спиной ты тоже отстаивал мою честь.

– Я не очень понимаю, о чём ты гово...

– Сейчас поймёшь. – Вика опустила голову, сделала глу-

бокий вдох, медленно выдохнула. Всю жизнь она руководствовалась правилом «Начала – закончи» и не собиралась сейчас нарушать его. Она долго собиралась с силами, но всё же собралась. – Я люблю тебя, наверное, так же сильно, как и маму. Мне хорошо рядом с тобой, нам хорошо рядом друг с другом, но кое-что меня в тебе пугает. Это твоя страсть к гневу.

Ладони Егора в руках Вики тут же напряглись. Сама она старалась оставаться спокойной, но жар уже начал разливаться по телу, сердце застучало быстрее, а воздух в лёгких нагрелся, стал чуть ли не обжигающим. И тем не менее когда Вика вновь заговорила, голос её не дрожал:

– Гнев – твоя слабость, Егор. Ты падок на него, понимаешь? Тут дело даже не в том, что ты меня защищаешь или не позволяешь другим оскорблять меня, тут дело в другом. Тебе просто нравится быть в состоянии войны с кем-то. Ты относишься к тем людям, которым противны мир и покой.

– Ты опять своей психологии начиталась? Слушай, Вик, я выброшу эти книжки и...

– Не перебивай меня! – Её крик эхом разнёсся в темноте, но его почти сразу же поглотила льющаяся со сцены музыка. – Дай мне, пожалуйста, договорить. Я просто хочу сказать, что ты перманентный воин, и тебе постоянно нужен кто-то для битвы. Этот парень, который сегодня назвал меня шлюхой, лишь дал тебе повод. Уверена, если бы все в мире относились ко мне как к ангелу, ты бы всё равно нашёл, ко-

му вмазать. Тебе нравится это, Егор – бить людей. Это видно по твоим глазам. Ты вообще задумывался, как выглядишь в драке?

– Наверное, как дикий зверь.

– Хуже. Как неконтролируемый дикий зверь. Ну и... к чему я всё это говорю? В общем... – Вика вновь опустила голову, огненные пряди её волос частично закрыли лицо, спрятав от всего мира. Пухленькие губы слегка сжались, ладошки вспотели, так что теперь пальцы скользили по коже Егора. А он ждал. Даже не перебивал её молчание, что было ему очень несвойственно. Наверное, именно ожидание Егора заставило Вику собраться с мыслями и озвучить главную из них: – Я боюсь, что когда-нибудь ты забудешься, и тогда гнев перейдёт на меня или мою семью. Знаю, звучит стран...

Егор взглянул на неё как на сумасшедшую. Вика терпеть не могла такой взгляд – под ним ты действительно чувствовала себя сумасшедшей, – но сейчас она чуть ли не с облегчением встретила его. Значит, ему показалась бредовой эта идея. Хорошо, очень хорошо. Зная Егора, можно было подготовиться к разным сортам ответов – от остроумных до откровенно тупых, – но этот простой взгляд был лучшим, на что только могла рассчитывать Вика. «Ты больная?», – спрашивал он. «Да, я больная! – отвечали её глаза. – И я хочу, чтобы ты об этом знал».

По большому счёту, в любви не бывает здоровых.

– Ты боишься, что когда-нибудь я ударю тебя?

Вика коротко кивнула, не в силах выдавить из себя ни слова, ни даже стопа. Она чувствовала удары сердца в горле, чувствовала, как по венам протекала горячая кровь, но больше всего она чувствовала другое – дыхание Егора. Почему-то весь мир уместился в его вдохах и выдохах; остальные звуки побледнели, почти растворились в закулисной полутьме. Вика продолжала смотреть в два ярких голубых огонька и ждала ответа на свой вопрос. Вопрос, который наконец-то задала.

– Господи, Вика, ты шутишь или нет? Ты... ты что, реально думаешь, что я могу тебя ударить? – На лице Егора медленно расплылась улыбка, а потом он и вовсе рассмеялся – так, как смеётся человек, только что понявший шутку. – Егор обнял Вику за плечи, прижал к себе и прильнул губами к огненной макушке, замерев на несколько секунд при соприкосновении губ с головой. – Послушай меня, детка, очень внимательно. Я люблю драться, да, здесь ты права. Может, иногда я слишком вспыльчив, но я работаю над этим, ты знаешь.

Его руки согревали Вику подобно домашнему камину. Она позволила себе расслабиться, закинуть ноги на скамейку, после чего медленно закрыла глаза. Теперь весь-весь мир уместился в приятный бас Егора. Такой голос хотелось слушать, такой голос нежно ласкал уши и поглаживал душу.

– Иногда я думаю, что мог бы вести себя спокойнее, мог бы не бить, а решить вопрос словами, ну, знаешь, как это де-

лают люди. Но никогда в жизни я не поднимал и не подниму на тебя руку. Шлепки по попе не в счёт. – Оба они улыбнулись, одновременно вдохнув горячий воздух. – Ты моя крепость, Вика. Я защищаю тебя, твою семью тоже, я никого из вас не ударю даже под пыткой. Тем более у твоей мамы божественные пирожки! Так, наверное, кормят в раю.

– Я ей передам.

– Теперь ты не переживаешь, моя дорогая Виктория? Я доказал тебе, что твои опасения напрасны?

Она чуть поёрзала и, найдя удобную позу, ещё сильнее прижалась к нему. Никто из них и не заметил, что дышали они в унисон, будто были единым целым, одним организмом: их груди одновременно поднимались, когда воздух насыщал собою лёгкие, и так же синхронно опускались. Казалось, даже их сердца бьются в одном ритме. Её аура, её энергетика слились в нежном союзе с его аурой, его нравом. Каждый из них дополнял другого, приумножая его положительные качества и отсекая дурные. Они были зеркальным отражением друг друга, но в то же время были и абсолютно разными. Они были примером друг для друга и помогали этому примеру становиться только лучше. Такие отношения являются редкостью в этом корыстном мире, и яркий их пример сидел сейчас за кулисами маленькой сцены в дешёвом, находящемся на краю банкротства ресторане.

– Ладно, я верю тебе, тигр. Я просто испугалась, когда сегодня посмотрела в твои глаза во время драки. – Перед Ви-

кой в темноте вспыхнула картина, которая запечатлелась в её памяти на всю оставшуюся жизнь: блестящая от лака барная стойка, осколки разбитых бутылок на полу, Егор, склонившийся над поваленным телом, и его кулак, что подобно рычагу взлетал и опускался, взлетал и опускался на чужое лицо – на физиономию того, кто назвал Вику рыжей шлюхой. – Я чувствую себя под защитой рядом с тобой. Просто на какие-то секунды я испугалась. Я уже поняла, что это бред. Прости, что задала такой тупой вопрос: «Ударить ли ты меня?» Ну, только если по попе – это я разрешаю.

Егор чувствовал, как голос её слабеет, как последние буквы её слов растворяются в воздухе и какой тяжёлой становится её голова на его плече. Она засыпала. Проваливалась в страну сновидений, туда, где с самого детства хранятся самые тёплые моменты – вымышленные и не совсем, – самые страшные отрывки ночных приключений по закоулкам собственного сознания и безумно личные переживания, создающие такие сны, большинство из которых останется с ней до конца жизни. Веки её прикрыли глаза, а пухленькие губы чуть приоткрылись.

То, как она засыпала, согревало Егору сердце и разливалось теплом по всему телу: от груди и до кончиков пальцев на руках. Видеть, как отдыхает твой любимый человек после и вправду тяжёлого дня, смотреть на то, как уголки его губ медленно поднимаются, пока мозг режиссирует приятный ему сон – наверное, одно из лучших чувств в челове-

ке, порождающее заботу к спутнику своей жизни. Даже если этот спутник скоро покинет орбиту.

Вика задремала и уже приближалась к хоть и не глубокому, но всё же сну. Егор положил ладони ей на предплечья и, чуть сжав их, резко начал трясти её:

– ПОДЪЁМ! ПОДЪЁМ! ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ! УИИИИИУУ! УИИИИИУУ!

– Ай! – Она дёрнулась и поджала плечи. Егор ослабил хватку и тут же вскрикнул, когда Вика ущипнула его за ладонь. – Дурак, блин! У меня чуть сердце не остановилось! – Игривая улыбка засияла на её лице. – Фиг я тебе дам заснуть сегодня ночью!

Их взгляды снова встретились, и, не говоря ни слова (лишь улыбаясь друг другу), они успели перехватить все мысли, пролетавшие друг у дружки в головах.

– Да нет! Не в этом смысле, дурашка! – Вика засмеялась, и смех её спросонья ещё не успел набрать ту силу, что заряжала позитивом всех окружающих её людей, поэтому он просто слабо разнёсся по комнате и отозвался мелодичным пением в груди Егора. Он прижал её к себе и тут же прильнул к губам. Поначалу она ещё пыталась что-то сказать, но в итоге сдалась, и теперь её огненные, палящие ярким пламенем волосы не скрывали их лиц. Их губы не желали отпускать друг друга, их языки танцевали бурное танго, и каждый раз, когда они соприкасались, нижняя часть живота Егора наливалась свинцом, а в паху, казалось, с каждой секундой становилось

всё меньше и меньше места.

Он пустил ладонь ей под футболку и, пройдясь по гладкому горячему животу, нащупал чашечку её бюстгалтера, сдерживающего упругие груди. Он чувствовал пыл, исходящий от неё. Она чувствовала страсть, кипящую в нём. И никто из них не заметил, что их сердца хоть и бились с бешеной скоростью, но всё же смогли поймать ритм друг друга и стучали в одном такте, отдаваясь общими ударами в разных грудях. В разных, но крепко связанных меж собой мужчине и женщине.

– Помогло взбодриться? – шепнул он ей на ухо.

– Не здесь. – Она накрыла его руки своими и потянула их вниз, с неохотой, но с пониманием, что именно так и нужно сделать. Её спина резко выпрямилась, и слабый стон вырвался из груди, когда подушечка его большого пальца проскользила по её напрягшемуся соску. – Егор... – Дыхание стало неровным и обжигающим кожу. Частым, опережающим удары сердца. – Егор, хватит. – Слова просили об одном, а нотки желаний в её голосе – совсем о другом. И Егору больше нравился второй вариант.

Температура их тел превысила температуру поверхности солнца. Они пылали. Они горели. И не давали погаснуть друг другу ни на секунду.

– Ёк-макарёк! Шо за страсти!

Они замерли, будто попали на плёнку фотоаппарата. Их глаза широко раскрылись, и первые пару секунд они так и

сидели в той позе, будучи в которой слышали лестный комментарий: сцепленные намертво губы, приподнятая на Вике футболка, под которой копошилась чья-то ладонь, и её ручки, слабо сдерживающие его более сильные руки, украшенные выступающими вдоль венами.

Будто по команде они оба оторвались друг от друга и обернулись в сторону отвлѣкшего их голоса. Перед ними стояло четверо пожилых мужчин, и на лице каждого из них играла озорная улыбка. Застукать целующуюся парочку, когда ты уже размениваешь шестой десяток, и видеть, как их щѣки со скоростью света заливаются краской, заставляет вспомнить, как когда-то ты сам, уже дряхлый старик, своим орехоподобным попенгагеном привлекал взгляды многих девчонок со всего двора. Вспоминал, как извинялся перед своей любимой (тогда казалось, что в мире не сыскать девушки лучше) за то, что случайно, в порыве страсти порвал её блузку. Целующиеся пары напоминали им их самих в молодости. Пожилые мужчины с завоёвывающей голову сединой, чей аппарат хоть и стал подводить всё чаще и чаще, но всё так же был не против прокатить на себе случайно забредшую ковбойщицу. Они будто бы смотрели в зеркало, показывающее их старое доброе прошлое.

И надо ли говорить, вызывало ли это у них улыбку?

К четырѣм мужчинам – двум ударникам, одному гитаристу и саксофонисту – присоединился пятый – судя по всему, их солист. Они закончили своё выступление и, явно до-

вольные собой, собирались прогнать пару кружек пива, пока их жёны – хвала Господу за болтливых подруг – не узнали об окончании «гастролей». Да и пойдут; что может отбить желание ощутить вкус прохладного пива во рту? Да ничто! Просто у них теперь появилась ещё одна тема для бесконечных разговоров – их славное прошлое и их игривые девчонки, большинство из которых вот уже несколько лет смотрят влюблёнными глазами на крышку гроба.

– Ну что вы смущаете молодых-то, а? Старые пердуны! – сказал солист и залился смехом – отрывистым, дающимся с трудом после такой нагрузки, в нотках которого была слышна слабая-слабая хрипота. – Пойдём, Bad Boys! – Он махнул всем рукой и направился к гримёрке, подмигнув Егору, когда проходил мимо.

Все Bad Boys – старые телами, но молодые духом – пошли за ним, и один из них (вроде бы ударник) схватил Егора за локоть и, чуть нагнувшись, шепнул ему на ухо:

– Не позволяй никому сбить тебя с пути.

И ушёл. Просто ушёл, оставив после себя витающее облачко сухих духов, смешанных с резким запахом мужского пота. Дверь в гримёрку закрылась, и до Егора донеслась фраза: «Ты уже задолбал всем это говорить!». Скрипучий смех старых голосовых связок. Обмен любезностями в сторону друг друга а-ля: «Влад, это что за страхолюдина только что пробежала? Твоя жена?» – «Это было зеркало, кретин». Снова прерывистый смех, всё удаляющийся и удаляющийся.

И в конце концов – полная тишина. Лишь звон посуды да голоса посетителей раздавались из зала.

– Что он тебе сказал?

Вика смотрела на него, и он с удивлением заметил слабую тревогу в её глазах. Лишь бледный её призрак, но всё же достаточно видимый, чтобы заметить его.

Егор выбрал лучшую улыбку из своего арсенала и натянул её на лицо. И это сработало. Вика улыбнулась в ответ, но в глазах её всё так же стоял вопрос.

– Да предложил выпить с ним. Я бы пошёл, да вот только, – он взглянул на неё, – думаю, рядом с нами постоянно будет ошиваться какая-то девица с ярко-рыжими волосами, всё время прикрывающаяся газетой.

– Да вы посмотрите на него! – обратилась Вика к отсутствующим зрителям. – Будто я всегда слежу за тобой! Можно подумать, я только и делаю, что хожу за тобой по пятам с биноклем в руках!

– Тогда почему у меня никогда нет непрочитанных сообщений?

– Ты... – Она запнулась, не зная, что ответить. Он всегда умел выбрасывать именно те фразы, что вгоняли её в ступор, заставляя напрягать все извилины мозга, чтобы вынудить хоть какой-то ответ. – Ты сам их читаешь! И вообще, какая разница, что я д...

– Тишшш... – Он прижал палец к её пухленьким губам – таким манящим и сладостным, что Егор с трудом подавил в

себе желание поцеловать и почувствовать слабое движение её языка. – Слышишь?

Весь ресторан заполнил мелодичный голос мужчины, объявляющего горе-исполнителей и те песни, что они будут петь (или пытаться петь). Без всякого интереса, но с ласкающим уши тембром и тоном голоса, мужчина произнёс в микрофон:

– Дамы и господа, собравшиеся этим вечером в нашем любимом ресторане «У Жоры». Да, какой раз я уже говорю, что можно было бы выбрать название и получше, но теперь, когда основатель этого заведения уже давно покоится на небесах, мы без зазрения совести можем сказать, что вы здесь заказываете только райскую еду! – Мужчина широко улыбнулся, демонстрируя всем посетителям идеальные белые зубы. – Но помимо райской еды у нас ещё есть юные таланты, которые – кто знает? – в будущем могут стать...

– Долго он будет трещать? – спросила Вика, наполовину стоящая в полутьме за кулисами.

– Без понятия. Он обычно любит языком поработать.

Она посмотрела Егору в глаза и не смогла сдержать улыбки, образовавшей небольшие ямочки на её щёчках.

– Прямо как ты.

Он заулыбался и легонько шлёпнул её по ягодице, скрывавшейся под подолом платья. Склонил голову, чтобы сказать ей на ухо, что её язык с его просто не сравнится, но тут мощный голос сотряс их барабанные перепонки:

– ...на этих ребят, эту пару! Встречайте! Егор Верёвкин и его верная спутница – Виктория Краева!

– Погнали. – Юный кавалер обнял свою даму за талию, и они вместе направились навстречу свету, выходя из мрака; навстречу слабым аплодисментам, быстро затухающим на фоне бешеных ударов сердец; навстречу крохотной сцене и Великим мечтам, что начинаются с маленьких шажков.

Они ещё секунду пробыли в тени и вышли на свет.

Глава 2

Герои

Они уже не первый раз выступали на этой сцене. Те же поскрипывающие досочки, та же неработающая разбитая лампа одного из прожекторов и те же незаинтересованные лица, изредка отрывающиеся от своих тарелок. Все поглощены своими проблемами. У молодой девушки, сидящей за самым неприметным столом, неделю назад случился выкидыш. А ещё за неделю до этого её молодой любовник поимел совесть смыться, предварительно поимев её ещё раз.

Зрелый мужчина, прислонившийся лбом к недопитой кружке пива и в волосах которого слишком рано стала просвечиваться седина, вновь и вновь прокручивал в голове тот момент, когда к нему в кабинет без стука зашла секретарша и сказала, что его сын умер. Сбила чёртова машина.

Смеющиеся за большим столом женщины, которые в кое-то веки смогли оставить детишек с их отцами и теперь могут отдохнуть в кругу своих школьных подруг. Каждая из них сейчас счастлива, и улыбки сияют на их лицах. Но и на их пути – на пути каждой индивидуально – встанут такие трудности, которые покажутся самыми страшным, самым ужасным испытанием в их жизни, что лучше и не пытаться преодолеть. Но если они переселят ту боль и найдут в себе силы

идти вперед, то дальше – насколько дальше, никто не знает – их обязательно, да, обязательно! – встретит сияние, освещающее их дальнейший путь. И как они будут счастливы, чувствуя, как этот яркий свет счастья своими лучами согревает их кожу. Как они – люди, преодолевшие тьму на пути к свету – будут улыбаться, понимая, что заслужили отдых после столь тяжёлой работы. Физической, моральной, интеллектуальной или душевной – неважно. Важно то, что эти люди смогли найти в себе силы и стать героями для самих себя.

Героями...

Ни Егор, ни Вика не знали о проблемах посетителей ресторана; они сохранялись в головах своих хозяев, будучи прочно запертыми за стальными дверями разума. Но сейчас, когда их силуэты появляются на крохотной сцене, они, сами того не подозревая, скоро станут колоссальным источником вдохновения для каждого, сидящего сейчас в зале ресторана. Когда голоса Егора и Вики слились в унисон, а фраза «Инакрыла сознание всех посетителей, у каждого из них что-то мелькнуло в голове – какой-то образ, расплывчатый и непонятный, но почему-то безумно знакомый. Это был образ их героя. И лишь единицы, выйдя из ресторана в поток ночи, поняли, что этот образ – это они сами.

Каждый человек является героем для самого себя и своей жизни.

Пока микрофоны усиливали голоса поющих – этой прекрасной пары, символизирующей вечную юность и влюблён-

ность, – сердца всех слушающих вспыхнули ярким пламенем и загорелись надеждой; вспыхнули желанием действовать и ввели силу в их кровь, что разносила её по всему телу. Энергетика, исходящая от молодой пары, заставила волной пробежать мурашки по телам посетителей, помогла им найти в себе очаг их сил и подсказать, как разжечь его ещё больше, суя под руку банку с керосином. И только сам человек решал, что делать с этой банкой: кинуть её в центр огня и почувствовать, как расправляются плечи под приливом сил, или просто поставить её на пол и убежать прочь, обманывая себя, что ты никогда и не находил этот чёртов источник, этот грёбанный очаг.

Мы нуждаемся в героях. Каждый из нас. Нуждаемся в тех, кто будет дарить нам веру в самих себя и вдохновлять нас – людей, потерявших себя в сером потоке течения жизни – поднять голову и увидеть то, что может ослепить многих. Прочувствовать это недостижимое, почувствовать твёрдость стержня внутри себя и начать прорываться сквозь давящую толпу, пока ты один идёшь в совсем другую сторону. Туда, откуда бегут они.

Герой для каждого может быть свой – индивидуальный образ, к которому мы стремимся и чьими качествами мы восхищаемся. Именно герои любых произведений – фильмов, книг, видеоигр или реальные личности, – в которых мы влюбляемся, делают нас лучше, заставляя расти, работать над собой. И лишь немногие люди способны найти героя в

себе – казалось бы, самом обычном человеке, который даже не подозревает, что способен перевернуть мир.

Но пока над Санкт-Петербургом сияли звёзды, а ночной воздух влюблял в себя гуляющие пары, в маленьком ресторане на отшибе города голоса Егора и Вики сливались в сердцах слушающих, показывая им, что герои их жизни – они сами.

И некоторым это подарило надежду.

Глава 3

Пиво с молоком

Чайник достиг предела кипячения воды и издал характерный звук, после чего стал утихать. Его шум продолжал доноситься, когда на кухне – точнее, жалком подобии кухни, которую они еле-еле смогли обставить – включился свет, слышались шаги босых ног по дешёвому линолеуму, и через секунду открылась дверца жужжащего холодильника.

Владислав Боркуев стоял на кухне в одних семейных трусах, тупо пялясь в содержимое холодильника. Уже начавшийся зарождаться пивной живот был чуть выпучен вперёд, явно давая понять своему владельцу, что недалёк тот час, когда только ремень будет способен сдерживать нависшее пузо. Его широкие плечи и хорошие мышцы на руках напоминали о тренировках в молодости, хоть ему и было всего тридцать три. Вены, обволакивающие его руки, ясно говорили, что тело всё ещё в тонусе, но, продолжи он соревнования по количеству выпитого пива, мало что останется от его мышц и атлетического телосложения, восхищавшего всех девчонок в школе, когда он снимал с себя футболку.

Сейчас же его взгляд упёрся в орду различных йогуртов, расположившихся на средней полке – прямо напротив его усталых зелёных глаз, под которыми начали пролегать сла-

бые тени недосыпа. Его тёмно-русые волосы плавно перетекали в густую бороду, в последнее время достававшую всё больше и больше. Таким взлохмаченным и неопрятным, как сейчас, он никогда в жизни не осмелился бы показаться перед своими учениками – подростками, твёрдо уверенными в том, что всё они знают и всё они контролируют.

На деле ни хрена никто ничего не контролирует. По крайней мере, Влад в это не верил.

Он закрыл холодильник, так ничего и не взяв. Вместо этого открыл верхнюю дверцу шкафчика, достал молотый кофе и небольшую сахарницу. Проявив навыки кулинарии, он насыпал в кружку смесь сахара и молотого кофе, залил это кипячёной водой, размешал всё добро, стараясь не греметь ложкой о стенки кружки, чтобы не разбудить спящую жену, и добавил холодное молоко, после чего вновь размешал полученное зелье. Кофе это назвать было тяжело, так как этот порошок, что он залил кипятком, мог сойти разве что за прах погибшего.

Эта мысль ужаснула его, но лишь на мгновение. Зная, что он здесь один, позволил себе улыбнуться, найдя эту мысль забавной и по-своему привлекательной.

Влад взял кружку с нарисованным на ней весёлым зайчиком и поставил её на скатерть стола, после чего вышел из кухни. Спустя некоторое время вернулся с небольшой стопкой тетрадей тех учеников, что соизволили сдать сочинения сразу, а не доносить их неделями, придумывая нелепые отго-

ворки, как только он начинал на них давить. Положив стопку на другой край стола – как можно дальше от кружки, – Влад взял верхнюю тетрадь и, вооружившись красной ручкой, стал их проверять.

Пока он подвергал своей оценке работы учеников, он наливал кофе ещё два раза, успокаивая себя тем, что нашёл достойную замену пиву. С каждой проверенной тетрадью он всё больше разочаровывался в своих учениках и всё больше удостоверялся в примитивности содержания их сочинений. Оставив пару непроверенных тетрадей, встал из-за стола, сделал себе бутерброд с колбасой (мысленно наказав себе обязательно помыть руки), заварил чай с двумя пакетиками и добавил ложечку сахара. Размешав его и не вынимая пакетиков, Влад подошёл к окну – с бутербродом в одной руке, с кружкой чая – в другой, одетый лишь в одни семейные трусы.

Он смотрел на простирающееся внизу шоссе и уходящие вдаль жёлтые огни. Чем дальше располагались освещающие дорогу фонари, тем меньше становился интервал между маленькими жёлтыми огоньками. Они слились в одну солнечную линию, ползущую вдоль дороги, скрываясь вместе с ней за горизонтом. Влад откусил четверть бутерброда и, прожёвывая деяние своих кулинарных способностей, посмотрел на звёзды, сияние которых сегодня было не тусклым, как это бывает всегда, а невероятно ярким, манящим и сладостным. Блеск свободы и независимости был в этих звёздах, и, каза-

лось, Влад влюбился в них . Влюбился и полюбил. Так, как не любил ни жену, ни мать, никого на свете. Лишь звёздам полностью открылось его сердце. И, сам того не замечая, он заулыбался. Заулыбался искренней, излучающей простую, ничем не прикрытую радость улыбкой счастливого человека.

Прикончив бутерброд и запив всё чаем, Влад последний раз взглянул на звёзды – такие близкие и далёкие одновременно, – помыл руки и, хорошенько вытерев их, снова сел за стол. Ему осталось проверить две тетради. Всего две тетради, а сон уже утаскивал его в свою кроватку и напевал убаюкивающую колыбельную, хоть он и выпил три чашки кофе. Читать и уж тем более анализировать ту чушь, что ученики написали в сочинениях (точнее, что их заставили написать), никак не представлялось возможным. У него уже просто не оставалось сил. И Влад уже решил отложить проверку этих двух тетрадей на завтра, когда взглянул на одну из них и прочитал на ней имя владельца: «Егор Верёвкин». Что-то (что конкретно, Влад так и не понял) заставило повременить его со своим решением и заглянуть в тетрадь.

Он открыл её.

Она была исписана вся, от корки до корки. В спешке записать свои мысли парень перешёл на обложку, сокращая интервал между словами. Почерк его, по мере заполнения страниц, становился всё хуже и неразборчивее, уступая место скорости, нежели красоте и эстетике. Сочинение было огромным, и любой другой проверяющий, лишь взглянув на

бесконечные потоки синих чернил, не задумываясь, поставил бы «два». Но Влад не был обычным проверяющим. Он многим отличался от таких, хоть и преподавал детям русский язык наравне с коллегами. В отличие от всех них (за исключением разве что старика Степана Арсеньевича) у Влада имелись мозги. И разум его не смогли промыть и запрограммировать, как сделали это со многими учителями, которые сейчас сами программируют мозги новому поколению.

И это выводило его из себя.

Он терпеть не мог систему образования своей страны – оупляющую, создающую глупых роботов, выполняющих одну и ту же работу и неспособных мыслить. И Влад даже не подозревал, как схожи его мысли с мыслями Егора Верёвкина, чью тетрадь он сейчас держал в руках.

Расходились их мнения лишь в одном, но всё равно продолжали течь в одном русле общих мыслей: Егор оценивал ситуацию со стороны ученика, Влад же – со стороны преподавателя.

Он взглянул на крупный заголовок сочинения и тихо засмеялся. Жирные, несколько раз обведённые буквы кричали со страницы: «**ГРЁБАНОЕ СОЧИНЕНИЕ**». Влад отложил тетрадь, подошёл к холодильнику и, так уж и быть, разрешил себе достать одну баночку пива. Открыв её и услышав приятное шипение, он удобно устроился на стуле и, предвкушая приятные минуты за чтением сочинения мыслящего ученика – а Влад давно заметил, что Егор относится к меньшин-

ству тех людей, что ещё не разучились пользоваться своими мозгами, – взял его тетрадку. Он сделал небольшой глоток и ощутил приятную горечь во рту. По стенкам горла волной пробежал приятный холодок только что вынутого из холодильника напитка, и после долгого перерыва от алкоголя первый глоток подарил ему слабые помехи в голове и приятное, чуть расслабляющее состояние.

Он снова взглянул на исписанную тетрадь, снял оковы, сдерживающие его бушующие мысли, и позволил им встретиться с мыслями молодого парнишки, образовать некий симбиоз общего видения.

Влад выпил ещё немного пива и начал читать.

ГРЁБАНОЕ СОЧИНЕНИЕ

Сразу хочу попросить у Вас прощения, Владислав Викторович. За то, что я планирую изложить в этом сочинении, и за то, каким – если можно так выразиться – тоном я буду рассказывать Вам всё то, что накопилось во мне, перенеся все свои суждения – верные или нет (скорее всего, верные) – чернилами на бумагу.

И ещё хочу попросить прощения за то, что – я более чем в этом уверен – займу своим «творением» у Вас довольно много времени. Хотя, кто знает, быть может, мой поток слов иссякнет так же быстро, как и начался.

Сам не люблю подобные прелюдии, но перед тем как я перейду к главному, должен попросить Вас о кое-чём важном.

Я не хочу, чтобы моё сочинение попало в руки кого-то другого, кроме Вас. Я в Бога не верю, но для красоты словца скажу: Слава Всевышнему, что именно Вы – мой преподаватель русского языка и литературы. И я говорю серьёзно. Вы, в отличие от многих учителей – да чёрт! практически всех! – не лишены чувства понимания. Но что самое главное – Вы **учите** детей, а не подводите их под уже придуманный кем-то алгоритм. Ну, или пытаетесь учить. Потому что, к великому сожалению, помимо Вас нас обучают (пardon – делают вид, что обучают) другие учителя, выполняющие свою работу исключительно ради денег. Поэтому, раз уж Вы задали сочинение на свободную тему, я решил написать его про наше образование. И написать его именно Вам. Да, своему препода по русскому. Любой посчитает меня сумасшедшим, но я уверен в правоте своих действий, как и в том, что пишу я это человеку, способному меня понять.

Что ж, пожалуй, начну.

Не хочу показаться лицемерным, но и для Вас не является секретом, что моё поколение в большинстве своём – отупевшие ослы, видящие радость в таких примитивных вещах, как встретиться вместе и бухнуть до полусмерти, повтирать в дёсна новенький порошок, курить всякое дерьмо, убивая свои лёгкие, и, мать его, гордиться всем этим! И раз я принялся говорить искренно, то признаюсь, что пробовал покурить сигарету, но только единожды и то лишь из любопытства.

Все ж мы люди.

Так вот, о подростках нашего дивного нового мира. Точнее, о большинстве из них; всё же остались драгоценные рубины юных талантов в плавно текущей серой массе, на плечах которых и будет держаться этот мир.

Ставлю ва-банк на то, что моя тетрадь уже провоняла цинизмом, да? С неприязнью я начинаю замечать, что циники во многом бывают правы. Это бросается в глаза, но я отказываюсь верить в их правоту. Слишком уж она отвратительна.

Многие юноши и девушки, ещё не достигшие психологической зрелости, пускают свой организм по весёлому аттракциону, проходящему через тоннели пьянства, мёртвые петли ломок, карусели сексуальных оргий и разбросанных вокруг них порванных презервативов. И делают они это не по собственному желанию, хотя им именно так и кажется. Они считают это **правильным**. Но вся соль в том, что их **заставили** считать это правильным, хоть сами полны уверенности в том, что это **их** личная воля, **их** осознанный выбор. Но угадайте, откуда у них такая уверенность в выборе собственного пути и самое главное – почему многие соскальзывают именно на эту дорожку, ведущую, казалось бы, через одни лишь наслаждения?

Вопрос достаточно сложный и уж тем более не предназначен для моего семнадцатилетнего мозга. Такими вопросами должны заниматься профессиональные психологи, но всё же я попробую на него ответить.

Я считаю, что главной причиной всего является страх, который порождает глупые, но оказывающие огромное влияние на молодёжь стереотипы. Косвенный это страх или прямой – неважно. Важно то, что мозг подростка подобен пластилину, способному принимать любые формы, и губке, впитывающей в себя всё, что только может впитать.

И вот здесь я хочу плавно перейти к теме воспитания, прежде чем начать обсуждать образование. Ведь именно из воспитания личности со временем появляется образование, что, несомненно, необходимо нашему обществу, но не в том виде, в котором его преподносят в нашей стране.

В современном мире огромное влияние на воспитание детей оказывают теперь не только родители, но и всё окружение их детишек. В это число входят сверстники, преподаватели, обычные прохожие и, конечно же, СМИ. И под СМИ я имею в виду не телевидение или прессу, а различные видеохостинги, наполненные каналами всяких придурков, которые становятся кумирами подростков и даже детей благодаря своим поступкам. И весь ужас в том, что поступки эти отвратительны.

Но основное влияние на мировоззрение подростков после родителей (всё же они оказывают самое большое влияние) находится у сверстников – их основного круга общения. И здесь я хочу напомнить, что человек – существо социальное, поэтому старается быть «своим» (зачастую именно в юношеском возрасте) в том обществе, в котором больше всего про-

водит времени. В нашем случае – в школе. А там, как мы знаем, нет особых критериев поступления, поэтому не редкостью являются ослы, шатающиеся по школьным коридорам.

Страх. Снова возвратимся к нему.

Первым, на мой взгляд, является страх быть непринятым обществом, окружающим тебя каждый день. То есть сверстниками. И если кому-то вдруг в голову ударила какая-то идея – как правило, не самая лучшая, – её подхватывают все, если она соблазнительна и пахнет запретом, бунтарством, неповиновением прописанным правилам. И что делает тот подросток – парень или девчонка, – когда видит, что его начинают признавать вне круга сверстников, потому что его мнение противоречит мнению общества, окружающего его или её? Конечно, поддается общему потоку и, по его мнению, вливается в социум и становится «своим». И вот поэтому, чтобы не потерять себя, следует научиться говорить «**НЕТ**» и не бояться быть непонятым. По-моему, подростку нужно ответить самому себе на очень интересный вопрос. Точнее, даже два: *«Кем я хочу стать»* и *«Чего я по-настоящему хочу»*. И уже отталкиваясь от своих ответов, следует смело говорить «**НЕТ**» тому, что будет мешать тебе становиться тем, кем ты хочешь стать, кем ты хочешь видеть себя в будущем.

Как сказал Элайджа Камски: «Идеи – это вирусы, поражающие общество». И если чувствуешь, что идеи эти способны навредить тебе и не принести абсолютно никакой пользы, то

тогда нужно научиться отказываться от них, даже если это развернёт тебя в потоке общества.

Если поинтересоваться биографией знаменитых людей – и здесь я говорю о людях, достигших славы своим трудом, – то можно с удивлением заметить, что все из них в разной степени шли против общества или против системы, ломая любые стереотипы и не боясь говорить «**НЕТ**» соблазнам. Именно на таких людях и держится мир. На тех людях, что не боятся разжечь яркий огонь в своей голове, пока головы всех остальных окутаны во тьму и никогда не увидят ослепляющей искры бушующего внутри пламени. Огонь всё разрастается в твоей груди, голове и глазах, пока остальные, поглощённые чернотой, начинают критиковать твою отличность от всех, твою излишнюю яркость, и критика их, неконструктивная и глупая, порождена страхом твоего успеха и завистью, вкупе с презрением к себе, к собственной лени и трусости. Они хотят гореть так же, как горят те, что начали идти к своей мечте, но боятся, что не смогут преодолеть это без общества; что будут слишком отличаться. Они попросту боятся зажечь свой фитиль. Но некоторые, увидев это яркое пламя решительности в идущих вверх людях, вдохновляются ими, ловят пролетающую рядом искру и поджигают себя ей, усиливая силу огня свои сердцем. Они идут – люди, горящие ярким пламенем мечты, окутанные контуром огня, пока все остальные – критикующие их и говорящие, что каждый из них делает что-то неправильно – отходят, отступают

во мглу, спотыкаются и падают вниз, а в это время пылающие силуэты поднимаются вверх. К свету. Мечтам. Успеху. И Славе.

Поэтому и следует обращать внимание на своё окружение и проводить время с теми людьми, что не будут тянуть тебя вниз и мешать расти, а с теми, что имеют подобный огонь в своих глазах; людьми, поддерживающими тебя, которые способны искренне радоваться твоему успеху.

Вот это меня занесло, да? Я же даже не перешёл к образованию. Бывает у меня такое: начну развивать мысль и по ходу её развития подхватываю ещё парочку, по полвека рассматривая каждую. Поэтому у меня было всё хреново с краткими сочинениями и изложениями. О Господи, последние – вообще чудища, рождённые Министерством образования.

Как раз об образовании – этой больной теме нашей страны. Полагаю...

– Чего не спишь?

Влад подпрыгнул, чуть не расплескав оставшееся пиво на страницы тетради. Он поднял глаза и увидел стоящую у входа в кухню жену. Прислонившуюся к дверному косяку, с чуть опухшим ото сна лицом, щуриющимися глазами, взлохмаченными светлыми волосами, доходившими ей до плеч, пухлыми красными губами и полностью голая, одетая лишь в тапочки. Её упругие груди выпирали вперёд, а бёдра, по-женски округлые, свободно дышали, освободившиеся от по-

стоянно прикрывающей их одежды. Её ноги, не модельно стройные и не созданные для обложек журнала, всё равно привлекали Влада своим видом и каждый раз заводили в постели.

Он отложил тетрадь и поставил наполовину выпитую банку пива на стол, но не отпустил её, а продолжал держать. Улыбнувшись, спросил:

– Это ты чего не спишь, Оля? Мне можно – я сочинения проверяю.

– Да я молочка выпью и лягу. – Оля подошла к холодильнику и открыла его, поёжившись от веющего из него холода. Её соски набухли, а кожа покрылась мурашками. Нетронутой ими она осталась лишь на левом плече, чуть выше ключицы, где был неровный, с отрастающими ветками шрам. Чуть выпуклый, обведённый контуром алого по краям, он принял форму той части осколка, что прорвала плоть Оли в том месте при аварии.

Влад встал и подошёл к ней, положив руки на её бёдра и прильнув губами к шраму, сильно выделяющемуся на таком бледном теле.

– Как он?

– Почти не болит. Проходит потихоньку, с ним всё хорошо. А вот холодильник сейчас начнёт трещать, если я не возьму молоко. Отойди-ка.

Но Влад не успел отойти, как Оля перегнулась через него и выхватила из холодильника почти пустую бутылку моло-

ка. Подошла к столу и, театрально вздохнув, повернулась к Владу:

– Вот скажи мне, красавчик, сколько раз я просила тебя ставить грязную посуду в раковину, а не оставлять где попало? – Она взяла кружку с нарисованным на ней весёлым зайчиком и налила туда молока. – Но тебе повезло. Я буду из неё пить.

– Неужели? – Влад добавил нотки игривости в свой голос и, как ему показалось, слегка переусердствовал. – На меня не обрушится гнев суровой хозяйки?

Улыбка заиграла на её лице, и тут он впервые заметил слабые сеточки морщин у голубых глаз. Первая седина просочилась в её волосы ещё шесть лет назад, когда ей только-только исполнилось тридцать – этот пугающий молодых девчонок возраст. Влад хорошо помнил тот вечер, когда один из боингов, пролетая над Атлантическим океаном, резко начал снижаться, с каждой секундой приближаясь к густым облакам, хотя сам он в этот момент находился дома. Хоть Оля и стюардесса и должна в таких ситуациях успокаивать впавших в истерику людей, но тогда её саму окутал страх, перемешавшийся с быстро нарастающей паникой. Она позвонила Владу и полчаса признавалась ему в любви, захлёбываясь слезами и пугая его самого до самой глубины души, пока пилот не выровнял самолёт и не сообщил всем пассажирам, что их жизни снова в безопасности. Никогда в жизни Влад ещё не слышал такой мёртвой тишины, повисшей в трубке теле-

фона. Спустя пару часов он встретил её у порога, и их губы ни на миг не отрывались друг от друга до самой спальни, после чего у них был самый чувственный секс за всё время – полный безумной любви, наполнивший всю комнату сильнейшей энергетикой, что, казалось, будто витает в воздухе, мыслях, сердце, душе, и каждая клетка их горячих тел была пропитана ею, дышала ею, пульсировала с бешеной скоростью, пока слёзы остывали на её пылающих щеках.

И вот тогда, сразу после секса, когда вдвоём они пошли в душ, Влад впервые заметил нити серебра на её висках, но решил промолчать. На следующий же день она покрасила волосы, не изменяя своему природному цвету – сводящему с ума блонду. Влад больше никогда не видел ни одного её седого волоса, и никогда меж ними не поднимался разговор об этом.

Сейчас, смотря на её слабые морщинки у самых глаз, образованные улыбкой, он невольно вспомнил всё это. Увидев, что Влад так пристально в неё вглядывается, Оля спросила:

– Что-то не так?

Он пришёл в себя и ответил так же быстро, как и забыл про её седые волосы:

– Да до сих пор поверить не могу, что из самых вредных вредин в этом мире мне досталась самая вредная.

Оля мгновенно улыбнулась, подошла к Владу и, всё ещё держа кружку, легонько ударила его в грудь кулачком. Глядя на него снизу вверх, она сказала:

– Сейчас вылью это всё тебе на лицо, остряк.

И поставила кружку в микроволновку, колыхнув бёдрами из стороны в сторону, зная, что он смотрит на неё. Установила минуту нагрева, вышла из кухни и практически тут же вернулась, по ходу надевая его футболку – слишком большую для неё и висящую на ней полотном.

– Так что за сочинения, мой дорогой любимый муж?

– Очередной бред. У них была свободная тема, и вот здесь их мозги начали биться в панике. Кто что понаписал. Один, самый отбитый в классе, поведал мне историю о своём первом сексуальном опыте, – польщённый Олиным смехом, Влад продолжил: – Я так понимаю, половина, если не больше, его увлекательных приключений в борделе – сплошная выдумка больного гормонами мозга.

– Ну почему сразу больного-то? – Оля хихикнула. – Может, мальчишка просто мечтает о чьих-нибудь сисечках, вот и решил поделиться с тобой своими желаниями.

– Думаю, его мама будет очень рада, когда увидит его похотливый рассказ. Я же их предупреждал, что это будет показательное сочинение. Чем он только думал, когда писал это? Сомневаюсь, что головой.

– Головой, – Оля медленно улыбнулась, – но, похоже, не той.

Микроволновка коротко пискнула, прервав их разговор. Оля вытащила кружку и, усевшись на стул и подтянув к себе ноги, начала маленькими глоточками пить разогретое моло-

ко. Влад видел лишь яркие голубые глаза, пристально смотревшие на него. Он прожил с ней достаточно долго, чтобы по одним только искоркам в её глазах понять, когда она улыбается. И у него самого поднялись уголки губ, когда Оля, отпрянув от кружки, с белой линией молока над верхней губой, сказала ему:

– Решил побаловать себя? – Она мотнула головой в сторону стоящей на столе банки пива и с удовольствием заметила лёгкое смущение, возникшее на лице Влада, что читалось для неё подобно открытой книге.

– Да, немного. Среди кучи этого бреда, – он указал на стопку проверенных тетрадей, – откопалось что-то достойное. У меня есть такой ученик – пришёл только в этом году из другой школы – Верёвкин Егор, и он с первого дня мне сразу понравился. Его нрав и стремление к чему-либо восхищают меня. Его суждения бывают неверны, и зачастую его упёртость может граничить с упёртостью быка, но я вижу, что он хороший парень, и он мыслит, Оль! Мыслит! Ты не представляешь, какая это сейчас редкость среди учеников!

– Мной бы ты так восхищался, как этим твоим Егором. – Она помыла кружку и, вытирая руки, спросила. – А как это относится к пиву?

– Он написал отличное сочинение на тему образования и воспитания.

– Настолько отличное, что аж заставило тебя открыть холодильник и достать пиво? – Она улыбнулась и, подойдя к

нему, поцеловала в губы. – Долго не засиживайся, хорошо?

– У меня завтра выходной.

– А ты разве не хочешь начать день с утреннего секса?

Оля вновь поцеловала его и почувствовала улыбку, растянувшую его губы. Он положил ладонь ей на бедро, прикрытое свисающей футболкой, и плавно провёл по нему. После того как их губы разъединились, он тихо проговорил:

– Умеешь ты уговаривать.

– А то. Я, конечно, бабулька, но всё ещё помню кое-какие приёмы.

Напоследок она ещё раз прильнула к его губам, прямо как тогда, будучи подростками, стоявшими в тених подъездной арки, они также прильнули друг к другу, целуясь страстно и неумело, не жалея своих языков и не обращая внимания на взгляды редких прохожих.

Влад с лёгким удивлением заметил, что полон гордости как за себя, так и за свою красавицу, сохранившую к тридцати шести годам фантастическое тело, естественно, не лишённое изъянов (недавно появившийся варикоз пролил краски чернил на её ноги), но вполне удовлетворявшее Влада. Он был горд за них, и в первую очередь за то, что пройдя множество трудностей, бытовых проблем, так часто рушащих только создавшие брак пары – два выкидыша, страшный диагноз врача о бесплодности Оли – и справившись с последствиями той автомобильной аварии, оставившей на его жене вечную память о себе, они, совсем недавно без ума влюблённые

подростки, смогли сохранить друг в друге нежность, искреннюю любовь и взаимоуважение. Влад гордился Олей за то, что она никогда не позволяла себе даже думать о том, чтобы потушить огонь их семейного очага, и уважал её за силу, что она смогла в себе найти после того, как они покинули кабинет гинеколога – оба шокированные, будто только что вернувшиеся из многолетней комы. Они оба любили друг друга. Дарили друг другу любовь, перемешавшуюся с энергетикой подростковой любви и здравостью мысли зрелой. Они могли быть парой горящих тел, пульсирующих в такт движениям друг друга, и могли быть обычной семьёй. Правда, не имеющей ребёнка. Но даже так они были счастливы, находя источник счастья и красоты в глазах своего партнёра, настоящего друга по жизни.

Оля отпрянула от Влада и тихим голосом сказала:

– Ладненько, спокойной ночи тебе, красавчик.

– Спокойной ночи.

Она вышла из кухни и уже у самой спальни крикнула:

– Не засиживайся долго! – Небольшая пауза. – И сбрей уже свою бороду! Колется жуть!

И Влад остался на кухне один, в полной тишине. Лишь двигатели проезжающих под окном машин разбавляли её. Он допил оставшееся пиво и, забыв выбросить опустевшую банку и оставив её на столе, взглянул на две непроверенные тетради: на одну – раскрытую и заполненную чернилами сверху донизу, на другую – ту, которую он даже не открывал.

Лень, щедро разбавленная с сонливостью выпитым пивом, накатила на него медленно застилающей волной. Егор хорошо писал, и проблем с русским языком у него явно не было, но уж с очень далёкого края он заходил, чтобы изложить свою мысль. Как он выразился: «По ходу развития мысли я подхватываю ещё парочку и рассматриваю каждую по полвека». Да, это он в точку.

По полвека.

Влад лениво махнул рукой и сказал пустой кухне:

– Завтра всё проверю.

Он выключил свет и уже совсем скоро лёг рядом с Олей, забравшись под общее одеяло и позволив себе расслабиться после долгого дня. Через пару минут сон завладел им.

Их окно являлось такой же копией многих других десятков окон, как и их дом – повторным чертежом всех остальных в этом дворе. Звёзды, показавшиеся Владу такими безумно яркими, равнодушно смотрели на простирающийся внизу мир, полный одинаковых и одновременно разных людей. Им было наплевать на чувства, что влюблённые пары испытывали, глядя на их завораживающее сияние. Наплевать на войны, топящие мир в полной крови чаше, и на катаклизмы, рушащие планету, так ненавидящую поселившихся на ней людей, но всё же терпящую их.

Покров ночи нависал над городом, пока свет в окнах потухал один за другим. Мимо одного из них, показывающего спящего бородатого мужчину и женщину со светлыми

распущенными волосами, пролетал светлячок, подмигивающий миру своим жёлтым сиянием. Он приземлился у окна, и его маленькие глазки ещё долго изучали эту спящую пару. Лишь когда рассвет начал легонько касаться неба, он взмахнул крыльями и взлетел вверх, растворяя свой свет в сиянии звёзд.

Глава 4

Пересекая океан

– Мы почти дошли до твоего дома, – сказал Егор, указав на возвышающееся над ними прямоугольное здание, почти ничем не отличающееся от двух других, за исключением одной красивой детали.

В половину торца здания был написан рисунок, уже успевший разозлить всю администрацию района, но так понравившийся Егору. На верхней половине здания был изображён тёмный силуэт человека без лица, одетого в будто развевающееся на ветру такое же чёрное пальто. Силуэт тянулся к двум сторонам – светлой и тёмной. Сияющая бледно-голубым светом сторона отрастающими веточками будто бы манила к себе, подзывала и приглашала. И силуэт уже было протянул к ней руку, но щупальца тёмной стороны, полные такой же бездонной тьмы, как и сама сторона, крепкой хваткой обвили другую руку силуэта, создавая впечатление, будто они тянут его на себя, приглашая в бездну. Так, силуэт без лица стремился к свету, пока его держала тьма и даже не думала отпускать.

На светлой стороне чёрными буквами было выписано слово «СВОБОДА». На тёмной же – «СИСТЕМА

– Его ещё не поймали?

– Кого? – Брови Вики выстроились домиком, и Егор непринуждённо улыбнулся.

– Да того, кто нарисовал это. – Он замолчал, продолжая разглядывать тянувшегося к свету, но сдерживаемого тьмой человека.

Егора восхищали подобранные художником цвета. Глубина чёрного приковывала к себе взгляд, создавая иллюзию бездны, дна которой ещё никто не видел. Бледно-голубой свет был готов пролиться на прохожих со стен дома, освещая своими мягкими лучами ночные улицы, отражаясь бликами в простирающихся внизу лужах. И невидимый ветер, колышающий тёмное пальто человека, вырисовывался в воображении ясно и чётко, заставляя чувствовать призрак его дуновения даже в самые жаркие дни. Талант художника был неоспорим, и дерзость его рисунка неприкрыто кричала проходящим людям, чтобы те подняли свои головы, открыли глаза и наконец увидели, что же держит их крепкой хваткой тёмных щупалец, запрещаая окунуться в море бледно-голубого сияния. Рисунок требовал, чтобы люди осознали, что имеют собственное сознание и не обязаны подчиняться системе, если она топит их в чаше, полной сомнений и страхов; если она начинает губить внутреннее «Я», что с каждым годом становится всё труднее и труднее сохранить; если все мечты, что проносились в голове бессонными ночами, разбиваются об острые скалы, воздвигнутые владыкой Системой. Рисунок призывал действовать, обрубить, вырывать щупальца,

выбрасывая их из своей жизни, и принимать объятия света.

Вся администрация района считала это вандализмом, Егор же считал это искусством. Искусством тем, что так недостаёт нашему современному миру, большинство в котором способно оценить красоту картины лишь по её рыночной цене.

Его мысли перебил донёсшийся издали голос Вики:

– Нет. Его или её ещё не поймали. Наверное, всё-таки её. Что-то мне это подсказывает, хотя искусство же не знает гендера, так ведь?

– Так.

– Похоже, этот художник довольно приткий, раз смог разукрасить половину стены и никому не попасться на глаза. Думаю, он использовал трос или что-то вроде этого.

– Гениально, Ватсон! Должно быть, объект нашего внимания ещё использовал и краску с кистью. Мои напрягшиеся извилины подсказывают мне, что кто-то явно собирался разозлить наших дядюшек в пиджачках, сидящих в администрации.

– А мне что-то подсказывает, что кое-кто сейчас получит по жопе, потому что Шерлок Холмс говорил: «Элементарно, Ватсон», – а не твоё «Гениально!».

Улыбка мигом появилась на лице Егора – вызванная небольшим удивлением, полная азарта и чуть нахальная. Ветер играл с его тёмно-русыми волосами, и Вика невольно залюбовалась его красотой – простой и непринуждённой, не

поддерживаемой тонной косметики и регулярными посещениями салона красоты.

Свет уличных фонарей порождал тени на их лицах, и тени эти плясали на их скулах, щеках, шеях и телах в целом, пока сами они – пара, что, кажется, готова прожить друг с другом всю жизнь, не переставая восхищаться своим партнёром – медленно подходили к серому дому Вики, торец которого привлекал взгляды всех прохожих. Молодая парочка неторопливо проходила под светом фонарей и снова пропадавала в тени, но неизменным оставалось мерное хлюпанье их ботинок по лужам, оставшихся после весеннего питерского дождя. Звёзды над их головами холодно сияли, но и такой красоты им хватало, ведь взаимная их влюблённость, уверенно перерастающая в любовь, преумножала красоту всего, что не было её лишено. И пока Вика смотрела на по-юношески красивое лицо Егора, чьи голубые глаза могли бы стать проблесковыми маячками в кромешной тьме, он резко остановился и подтянул её к себе.

Смотря ей в глаза и азартно улыбаясь, он сказал:

– Моя жопка уже дрожит от твоих угроз, но давай мы сначала дойдём до твоего дома, хорошо?

– Так пошли.

– Ты собираешься проверить себя в плавании? – Он мотнул головой в сторону, куда теперь смотрела Вика.

На подходе к её двору расстилалась огромная лужа, образованная в углублении плохо положенного асфальта. Блики

фонарей весело им подмигивали, отражаясь в этом маленьком море. Глубина его была достаточной, чтобы вода смогла дойти до лодыжек, полностью намочив их обувь, и Егор с сомнением посмотрел на лёгкие кроссовки Вики, что истошно бы закричали в холоде этой лужи. А уж ноги её точно бы намочились и замёрзли под дуновением прохладного ветра.

Не дождавшись ответа, Егор обхватил колени Вики и поднял её, держа за спину и ноги. Она коротко ахнула и когда посмотрела на него снизу вверх, он ей сказал:

– Я тебя донесу, бэйба.

И сам же улыбнулся тому, как напыщенно это прозвучало. Он поудобнее устроил её на своих руках и двинулся вперёд, старясь не споткнуться и не упасть в лужу вместе с ней. Это было бы шикарное завершение дня, но Егор приложил все силы, чтобы исключить его из появления. Перейдя лужу и промочив кроссовки и низы джинсов насквозь, он донёс её до двора в целости и сухости.

Пока он прокладывал путь через океан, Вика не отрывала взгляда от его лица, в котором ясно читались целеустремлённость и решительность, пусть и слишком фальшивые и забавно выглядящие со всей серьёзностью на его лице. Вика улыбалась тому, каким храбрым и смелым хотел показаться перед ней Егор, хоть доказательства тому и не требовалось. Но пусть доказывает, раз того хочет. Мальчишкам иногда нужно давать такую возможность.

Во дворе он её отпустил и, сняв маску серьёзности, улыб-

нулся:

– Вы спасены, мэм. Можете не благодарить.

– А я поблагодарю.

Она чуть привстала на носочки, и их губы заключили друг друга в сладостные объятия. Её чуть напряглись, и Егор почувствовал, как она улыбнулась. Улыбалась же она тому факту, что в десяти метрах от них лужа заканчивалась, поэтому совсем не было необходимости пересекать её напрямую. Следовало лишь немного принять влево и пройти по суше. Но раз её кавалер хочет побыть героем, то она не будет ему мешать и уж тем более портить его заслуженную гордость замеченным ею фактом.

Герой так герой.

Вика чуть отпрянула и тихо сказала:

– Спасибо, что проводил, герой.

Ветер сбросил огненные пряди волос её на лоб, и Егор тут же вернул их обратно, нежно и аккуратно.

– Может, тебя проводить до квартиры? Вдруг в подъезде тебя ждёт кровожадный маньяк-насилъник?

– Если он там, – ямочки появились на её щеках, – то он очень сильно пожалеет, что поджидал меня. Знаешь ли, я хорошо готовлю яичницу.

Смех пробрал Егора, и от этого Вика заулыбалась ещё больше. Его смех нельзя было назвать красивым или влюбляющим в себя, но для неё он был приятным бальзамом на сердце, успокаивающим и вызывающим искреннюю радость.

Успокоившись, Егор произнёс:

– Я тебя всё равно провожу.

– Хорошо, проведёшь. Я уже давно поняла, что с твоей упёртостью не сравнится никто. – Она взглянула на его промокшие кроссовки. – Лучше скажи, тебе не холодно? Не замёрзли ноги?

– Нет. Ты же знаешь, я горячий парень.

– Ага, горячий. Значит так. – Улыбка не успела покинуть его лицо и вновь засияла на нём. Она опять включила командиршу, и Егор не стал ей мешать. Хочет покомандовать, пусть командует. Девчонкам иногда нужно давать такую возможность. – Ты сейчас пойдёшь ко мне домой... – Вика надолго замолчала, уставившись в одну точку. Егор уже хотел вернуть её в реальность, когда она снова заговорила. – Да, мы сейчас пойдём домой, и я налью тебе тазик с горячей водой. А кроссовки пока посушатся вместе со стельками. Понял?

– Да, моя госпожа. Ваши родители не будут против?

– Не будут. Пошли.

Скоро они зашли в подъезд, и он тут же проклял компанию, строившую этот дом и, видимо, не знавшую про существование лифта. На площадке между шестым и седьмым этажами до них начали доноситься приглушённые стенами истерические крики женщины, просившей кого-то успокоиться. Вслед за её выкриками слышалось бормотание какого-то мужчины, повышающего тон с каждым словом. И чем ближе был седьмой этаж – тот, на котором находилась квар-

тира Вики, – тем громче становились крики.

Она резко остановилась на площадке и с невероятным отчаянием в голосе сказала:

– Чёрт...

И уткнулась головой в шею Егору, обняв его. Её объятия были похожи на объятия утопающего, схватившегося за своего спасителя. Она тяжело выдохнула весь горячий воздух, скопившийся в лёгких, и Егор почувствовал нарастающий жар в её теле. Она прижалась к нему, обвив его спину руками – слегка трясущимися и непослушными. Егор чувствовал, как страх и истерика начинают окутывать девушку, спрятавшуюся в его объятиях, и ощутил вес груза ответственности.

Быть парнем какой-либо девушки не значит лишь ублажать её по спонтанно возникшему желанию и временами нырять под её юбку, мастерски работая языком. Это ещё и включало в себя доверие, что девушка испытывала к своему парню. И в первую очередь, доверие себя и своей безопасности. Мужчина – защитник в глазах женщины. И каждый кавалер, ухаживающий за своей мадемуазель, должен быть готов принять ответственность за её защиту и не испугаться этого. Ведь истинная любовь означает желание сохранить всё самое красивое в своём партнёре. И желание это порождает защиту.

Егор накрыл её голову своей рукой и поцеловал в макушку. Вика не желала его отпускать и хотела как можно дольше оставаться в его объятиях – крепких и нежных, создающих

внутри себя комфорт и безопасность. Крики доносились до её сознания мощными ударами, заставляя сердце разрывать грудную клетку, внезапно показавшуюся ей невероятно маленькой и тесной. Она прислонила губы к его напрягшейся шее и еле слышно прошептала:

– Егор...

Он аккуратно приподнял её голову, и внезапный силуэт злости пронёсся в его голове, когда на него взглянули блестящие от готовых сорваться слёз глаза.

– Отец?

Она молчала, и лишь трясущиеся губы ему всё рассказали. Ладони взметнулись к лицу, и Вика отпрянула от Егора, закрыв лицо руками и отвернувшись. До него донёсся слабый всхлип, который ей не удалось подавить. Тело её слабо тряслось, и от резкого глухого удара замерло, освещённое кислотно-жёлтым светом лампочки. Егор увидел, как расправились её плечи и как выпрямилась спина.

Вика повернулась.

Тушь, превратившаяся в текущую под глазами кровь при таком освещении, медленными ручейками скатывалась по её лицу. Жёлтый свет положил тени на слабые морщины, которые Егор не замечал до этого момента. Её дрожащие губы плотно сжались, сгоняя с себя всю краску. И Егор с ужасом осознал, что сейчас впервые увидел её некрасивой и (это он сохранит лишь у себя в голове до самого конца жизни) страшной. Её лицо представляло собой маску нараста-

ющей ненависти и страха, покрытую нездоровой жёлтой кожей. Сам того не осознавая, Егор сделал маленький шаг назад, поражённый тем существом, в которое превратилась его девушка. Этого жеста не заметила и Вика. Она лишь тупо на него уставилась и произнесла:

– Ты слышал? – Ручейки туши продолжали течь по её щекам. – Слышал удар? – Она подошла ближе и, сама не веря своим словам, выпалила: – ОН УДАРИЛ МОЮ МАМУ!

Крики прекратились, и до них начали доноситься слабые женские стоны. Вика опустила голову и сжала кулаки, чувствуя, как недавно покрашенные ногти впиваются в кожу. Она вскинула подбородок, и вместе с тем вернулась её красота. Блик света лампы отразился от решительности в её глазах, сверлящих лицо Егора. И голос её был спокоен, когда она заговорила:

– Егор, послушай меня сейчас очень внимательно. – Она сглотнула, ощутив, как слюна прорезает стенки её пересохшего горла. – Я пойду туда. Мне всё равно рано или поздно придётся пойти туда. – Она содрогнулась от ещё одного удара и со злостью выдохнула воздух. Грудь её яростно поднималась, но голос не терял своего спокойствия. – Ты не иди, слышишь? С тобой будет всё только хуже. Тебя он не знает, а я его дочь. – Она заговорила быстрее. – Не вздумай идти за мной, Егор. Если я не выйду через десять минут, вызывай полицию. Понял?

– Вика, я...

– НЕТ! – Её спокойствие пропало так же быстро, как и уступило место крику. – ТЫ НИКУДА НЕ ПОЙДЕШЬ! ОСТАВАЙСЯ ЗДЕСЬ И НЕ СМЕЙ ВСТУПАТЬ В КОНТАКТ С МОИМ ОТЦОМ!

Её крик разнёсся по всему подъезду, отражаясь эхом от голых стен. И прежде чем дверь её квартиры успела бы открыться, она рванула к ней и дёрнула на себя ручку. Дверь не поддалась. Вспомнив про замок, она достала ключи. Дрожащие руки не позволяли ей вставить ключ, и истошные крики матери заставили её ускориться. Взяв ключ у изголовья, Вика вставила его, резкими движениями провернула внутри и как только открыла дверь, сразу ворвалась в квартиру, с шумным хлопком закрыв за собой.

На миг повисла тишина, давящая на Егора своей тяжестью. Он собирался сделать всё так, как сказала Вика, и понимал, что так будет правильно. Но всё же он не мог остаться в этом провонявшем подъезде и слушать мёртвую тишину со своим прерывистым дыханием.

Он уже собрался подойти к двери, когда уши пронзили женские крики и последующий выстрел.

Глава 5

Койот

Он потерял себя.

Адреналин, вызванный грохотом выстрела, впрыснули в его кровь и заставили с бешеной скоростью стучать его сердце. Оно было подобно двигателю, мерно работающему до этого момента, пока в него не залили закись азота, разогнавшую его до безумия. Все органы чувств обострились как по команде. То же ощущение испытывали далёкие предки Егора, услышав вой подбирающихся волков или стоя перед рычащим зверем. Зрению поддавалась каждая деталь. Самые мелкие вибрации в стенах и воздухе ощущались всем телом, пока слух переключался на шум текущей крови в висках. Внезапно Егор полностью ощутил всю мощь своего тела и то, что тело это ему подвластно. Он чувствовал каждую клетку своего тела; чувствовал контроль над ним, силу, растущую в его груди, и уверенность, создающую эту силу.

Он рванул на себя ручку, и дверь тут же распахнулась перед ним. От узкого коридора отходила пара комнат и, миновав прихожую, Егор помчался к единственному источнику света в квартире – на кухню. Из неё лился мягкий тёплый свет, освещающий конец коридора. Когда Егор остановился в шаге от границы тьмы и света, он услышал собственное тя-

жёлое дыхание и то, как передёрнули затвор пистолета.

Он знает. Знает, что я здесь, и уже готовится встретить.

Ему оставалось сделать лишь шаг, чтобы оказаться в дверном проёме кухни, откуда доносился тихий плач двух женщин. Егор понимал, что выйдет мишенью из тени, но также понимал, что уже успел сообщить о себе шагами и громким открытием двери. Единственным и верным решением оставалось...

– ВЫХОДИ!

Голос на удивление был чуть выше, чем полагается мужчине. Но щелчок предохранителя не имел проблем с тональностью и смог убедить Егора показаться из тени.

Свет пролился на вставшего в арке кухни мальчишку, поднявшего руки ладонями вверх, и чьи голубые глаза были широко раскрыты. Один из сосудов лопнул от напряжения, залил небольшую часть белого моря алой кровью.

Кухня была небольшая, практически вся заставленная мебелью. Огромным же было нечто иное, находящееся в этой комнате. Большой чёрный глаз, смотрящий на Егора из глубин ствола пистолета. Глаз наблюдал за ним, чуть покачиваясь из стороны в сторону, и не давал свести с себя взгляда. Егор впервые посмотрел в глаза смерти и почувствовал её запах.

Оказывается, она пахнет порохом.

Он краем глаза заметил два смутных силуэта, прижав-

шихся друг к другу на полу под окном. У одной из женщин по лицу стекала кровь, замазавшая весь подбородок и верхнюю часть шеи, но у кого из них – он не видел. Слышал лишь сдерживаемые всхлипы и видел пугающую пустоту смотрящего на него глаза.

Внезапно ему захотелось развернуться и со всех ног рвануть прочь и бежать, бежать, бежать, пока ноги не принесут его к своему дому. Он вызовет полицию, и на этом всё закончится. Хеппи-энд. Но он знал, что не простит себе такого поступка, хоть он и кажется более рациональным. Он должен был завершить начатое. Раз поимел смелость начать, следует иметь смелость закончить.

С большим трудом он оторвал взгляд от качающегося круга бездны и посмотрел в наполненные кровью глаза отца Вики. Попытавшись убрать дрожь из голоса, Егор сказал:

– Рад познакомиться.

И улыбка расплылась на его лице. Напряжённая, фальшивая, но улыбка. И факт её появления придал ей большей искренности, образовав слабые морщинки у самых глаз. Губы его были напряжены, а дыхание эхом отзывалось в голове, но он продолжал улыбаться, не позволяя панике завладеть им и пряча её под маской спокойствия. Его руки начали слегка подрагивать. Он медленно убрал их за голову, скрыв ото всех. Все сейчас смотрели на него, в том числе и глаз Ада, нашёптывающий ему колыбельную смерти.

– Ты кто такой?

Егор с удивлением заметил дрожь в этом голосе, но в то же время лицо его оставалось неизменным. Уголки губ чуть опустились, но улыбка всё так же продолжала сиять. Он внимательно стал оглядывать отца Вики – главную проблему всей её жизни.

Лысеющая голова, сохранившая островки бывших когда-то чёрными волос по бокам и сзади. Широкий лоб, прорезанный кривыми линиями глубоких морщин. Таких же глубоких, как и над носом и у уголков его узких губ, что были опущены вниз. Глупое, где-то даже тупое лицо неуспевающего по программе школьника-подростка, заросшее трёхдневной щетиной. Егор не мог поверить, что этот человек – отец его девушки. Что этот человек воспитывал такую прекрасную личность, как Вику, и пытался уничтожить её. Растоптать и не позволить вырасти, не дав начаться жизни его дочери и погубив жизнь жены.

Егор почувствовал, как магма злости всплывает на поверхность его вулкана, именуемого Гневом. Отвращение и неприязнь к этому человеку начали перерастать в набирающую силу ярость, вызванную лишь одним вопросом. Он показал дрожь в голосе, символизирующую страх. И страх этот, скрывающийся в сознании отца его возлюбленной, он зря вытащил на свет. Егор заметил его и тут же успел найти козырь в своей колоде, который припрятал в рукаве. Пусть у этого мудня и был пистолет, утверждаться он мог исключительно на женщинах. И увидев пришедшего мужчину – со-

всем молодого мальчишку, – почувствовал, что теряет своё доминирование, свою власть и силу, дающую ему преимущество над женским полом.

Не веря себе, Егор начал ощущать, что злость вытесняет страх и нерешительность. Он не верил, что выстрел принёс свои плоды и пуля пронзила чьё-то тело. Скорее всего, она вгрызлась куда-нибудь в пол или стену, но не более. И догадка эта стала превращаться в уверенность. Да, этот человек, чей огромный пивной живот мешал ему быстро двигаться, не способен был спустить курок. А если и мог, то разве что перед женщиной, пустив в неё пулю. С мужчинами же он тягаться не мог. Увидев силу, такие как он сразу втягивали голову в плечи и начинали поскуливать.

Егор забыл, что он лишь семнадцатилетний школьник, стоящий под дулом пистолета, который направил на него человек, что был в два с половиной раза старше и являлся отцом его девушки. Весь мир вокруг потерял свои краски, и все они сконцентрировались на нём. Тихие всхлипы умолкли, и лишь они вдвоём, стоящие друг напротив друга мужчины, остались в этом мире. Егор превратился во льва, пойманного в ловушку хитрым койотом, имеющим у себя смертельное оружие. Но стоит только потряхнуть гривой этому зверю и начать наступать на «смелого» койота, как тот начнёт отступать, пока не прижмётся к стене.

Егор стал львом и потрянул гривой.

Его руки перестали трястись, и он начал медленно опус-

кать их вниз. Этот ублюдок хотел знать, кто он такой? Хотел знать, что он из себя представляет? Что ж, он обратился по адресу. Егор выскажет ему всё, что тот захочет знать.

– Кто я? – Он сделал небольшой шаг вперёд, обратив внимание на то, как метнулся к его ногам взгляд кровавых глаз. – Вы правда хотите знать, кто я такой? А я вам скажу. – Ещё один шаг. – Я парень вашей дочери, о существовании которой вы, похоже, не знали, а считали её мешком нервов. Как и свою жену. – Небольшой шаг, и Егор почувствовал холод, окутывающий его мокрые ступни. – Мне противна ваша слабость, которую вы пытаетесь скрыть за этим. – Он указал в сторону забившихся в угол женщин, но сам продолжал смотреть в глаза Койоту, чувствуя следящую за ним бездну.

Взгляд Егора ни разу не сводился с покрасневших глаз, когда они перебежали с молодого лица на приближающиеся кроссовки. Отец Вики отступил на шаг и упёрся в стол. Жест этот стал мощным взрывом в вулкане ярости, и теперь в небо сознания вырвался огромный всплеск бушующей ярости. Теперь он желал наказать эти испуганные глаза, наполненные свиной кровью. Желал скрутить ему руки и с улыбкой услышать хруст ломающихся костей. Он собирался съесть Койота, не запачкав свою гриву.

Упёршись в стол, отец Вики выставил пистолет, уже казавшийся Егору игрушечным, и завопил во всё горло:

– ЕЩЁ ОДИН ШАГ И Я ВЫСТРЕЛЮ!

Он боится меня. Боится, как маленькая сучка, и не

осмелится спустить курок.

Егор сделал небольшой шаг вперёд и остановился. До пистолета он уже мог дотянуться рукой. Он не верил в то, что Койот сможет выстрелить в него, но верил, что с такими трясущимися руками он вполне способен случайно нажать на курок.

– Я стою, видишь? – Переход на «ты» укрылся от него, и, наплевав на все формальности, он продолжил: – А вот тебе, говнюк, я советую лучше отойти. Ты испортил жизни двум женщинам, и какое, сука, ты имеешь на это право?! – Он стал повышать тон, но не сходил с места. – Ты слаб! И сам это знаешь! Признаёшь свою трусость и ничтожество! И вот у тебя появилась пушка, которой ты мне угрожаешь! – Егор искренне рассмеялся, пока сам еле справлялся с мечущейся в голове злостью и яростью. Гнев заменил кровь в его венах, и, казалось, они пульсировали в такт бешено стучащему сердцу, ломающему его рёбра своей силой. Но гнев этот он сдерживал, хоть и чувствовал непреодолимое желание наброситься на это испуганное существо, стоящее перед ним, и начать выбивать из него всё дерьмо, закончив лишь к утру.

Единственное, что могло остановить Егора от львиного броска, так это забившиеся в угол женщины, затихшие и наблюдающие за ним. Он уже не верил в то, что выстрел вообще прогремит. Не верил в то, что мужчина этот способен дать ему отпор. Не верил в страх, начавший душить его у дверного проёма. Его вера в себя и свои слова была сильна.

Они сияли ею, и сияние это ослепляло испуганные кровавые глаза.

Егор резким рывком сократил расстояние меж ними и с силой сжал трясущееся запястье. Пальцы на мгновение разжались, и мгновения этого хватило, чтобы Егор успел выхватить пистолет. Как только тёплая рукоятка оказалась в его руке, он метнул оружие в коридор, где оно лязгнуло о плиты сталью. Не теряя времени, Егор ударил отца своей девушки под грудь, в солнечное сплетение. Почувствовал поддавшуюся под кулаком плоть и увидел, как массивное туловище резко согнулось, и лишь редкие попытки схватить воздух удерживали его на ногах. Егор же просто стоял и смотрел, практически не напрягавшийся. Злость грозилась выплеснуться за края, расплавив все замки, сдерживающие его ярость. И когда та вырвалась на свободу, сам он расквасил нос Койоту, пока тот поднимался. Его голова резко задралась, расплескав капли крови на куртке, шее и лице Егора, после чего всё его тело повалилось на скрипнувший стол.

К окну подлетел небольшой светлячок.

Растёкшееся тело слабо застонало и попыталось встать. Больше Егор не считал этого человека отцом своей девушки. Это был просто монстр, которого следовало наказать. И наказать как следует.

Он взял голову монстра, койота, отца-мудака и забил ей невидимый гвоздь в крышку кухонного стола. С лица крупными каплями падала кровь, окрашивая алым белую ска-

терть. И Егор соврёт, если скажет, что не испытывал в этот момент сладостного наслаждения, граничащего с оргазмом. Он ещё раз ударил голову о стол и почувствовал, как лысая башка из-за пота выскользывает из-под его рук. Он крепко обхватил её и начал стучать ею об стол и уже не мог остановиться. Этому мудаку удалось найти ключ от клетки, сдерживающей его голодного льва. И лучше бы он не находил этот сраный ключ. Он выпустил демонов из Ада, что были прочно там заперты. Разбудил спящий вулкан, и магма его поднялась с котла самого Сатаны. Егор видел кровь на лице Койота и утолял свой гнев, размазывая её по тупому лицу и оставляя её следы на скатерти. Утолял голод льва, вникая каждому удару окровавленной головы о стол. Приносил в жертву своему дьяволу алые рисунки на стонущем лице, что скрывала кровавая маска.

Он бы забил его до смерти, так и не поняв, как это произошло, если бы не услышал истерический крик:

– ПРЕКРАТИ!!!

И только лишь благодаря ужасу, что звенел в голосе Вики, он остановился. Разжал руки, и получившая свободу голова сама ударилась об стол и больше не поднималась. Егор обернулся и тут же получил пощёчину, сильнее которой просто не могло существовать. Она была сравнима с сильным ударом, пропитанным искренней ненавистью, и сила эта добралась до его сознания, уничтожив и выбросив злость и гнев. Заперла льва в клетке, дав ему пинок под зад. Загнала демо-

нов обратно в Ад и заставила вулкан потухнуть. Лицо Егора загорелось, но пыл его чувств и эмоций охладился. Он взглянул на того, кто подарил ему такой мощный удар и увидел заплаканное, покрытое обширной паутиной морщин, что скрывалось под засохшей кровью лицо старой женщины, из глаз которой так и сочились ненависть. Она была настолько ощутимой, что казалось, будто она передалась ему вместе с пощёчиной, и теперь он чувствовал, как растёт её гнев. Гнев матери Вики, которая, по словам дочери, была светлым огоньком во тьме их семейного очага.

И теперь, когда правая его рука была окрашена кровью её мужа, Егор стоял перед ней, и до них доносилось лишь слабое хрипение обмякшего на столе тела.

Он посмотрел поверх плеча ударившей его женщины и встретился взглядом с парой зелёных глаз – широко раскрытых, испуганных и... сочащихся той же ненавистью. Ненавистью к нему.

И глаза эти говорили: **«УХОДИ! ПРОВАЛИВАЙ К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ! ТЫ ИЗБИЛ МОЕГО ОТЦА!**

– ОТОЙДИ! – Мать Вики оттолкнула его и на удивление довольно сильно. Егор ударился о стену, но не заметил этого. Взгляд его был прикован к внезапно постаревшей женщине, что с ропотом подбежала к хрипящему телу и начала осматривать его, плача и целуя.

Егор же стоял ошарашенный. И это та женщина, чьи стоны он слышал на лестничной площадке? Та женщина, чьё

лицо чуть ли не превратилось в кровавое месиво, если бы не вступилась её дочка? Та женщина, что до дрожи боялась своего мужа и с соплями, смешанными с текущей кровью, стонала в углу?! Эта самая женщина сейчас рыдала над избитым мужем и пыталась помочь ему встать, забыв про кровавую маску на своём лице. Егор, на чьей шее и лице остались маленькие алые капельки, с разукрашенной в красный рукой, стоял, всё ещё чувствуя жар на коже от полученной пощёчины.

Но он поступил правильно. Так следовало поступить. Не мог же он оставаться в подъезде после того, как услышал выстрел? После того, как слёзы Вики скатывались по его шее, и руки её вцепились в его толстовку, не желая отпускать. Её плач и дрожащий голос заставили его заступиться, поступить правильно и защитить её и маму. И совесть его должна быть чиста.

Ведь так?

– Уйди.

Голос этот принадлежал Вике, и сердце Егора слегка колыхнулось, когда он уловил в этом голосе нотки искренней ненависти, готовой сорваться на него вместе с её жгучими слезами. Он посмотрел ей в глаза, и волосы на его загривке встали дыбом. ТАКОГО взгляда... такого взгляда он никогда ещё не видел. Это был взгляд мужчины, что смотрит на убийцу своей дочери в суде, окружённый готовыми его удержать охранниками. Это был взгляд девушки, перезаря-

жающей пистолет, приготовленный для сбившего насмерть её отца-инвалида депутата, которому удалось выйти сухим из глубокого моря закона. Егор был более чем уверен, что если бы пощёчину ему дала Вика, то она просто вышибла бы мозги.

– ПРОВАЛИВАЙ, ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ?!

Егор развернулся и, решив молча уйти, направился к дверному проёму.

Но остановился.

Он огляделся и увидел в окне маленького светлячка, сидящего на подоконнике с внешней стороны дома. Его маленькие глазки пристально вглядывались в Егора. Сияние небольшого солнышка то гасло, то вновь загоралось, что, как полагал Егор, не было присуще светлячкам. Он будто ему подмигивал. Тёмные глазки насекомого смотрели в широко раскрытые голубые глаза человека, пока сердце каждого из них билось в своём ритме.

Светлячок расправил крылья и улетел, подмигнув своим переменным сиянием.

Егор развернулся и начал уходить. Остановился он лишь на секунду, когда случайно пнул выброшенный им пистолет, и вскоре вышел из квартиры. Захлопнул за собой дверь и уже через минуту почувствовал дуновение ветерка в мокрых кроссовках и носках.

Он ударил железную дверь, оставив на ней вмятину своего кулака, и двинулся домой, произнеся лишь одно слово:

– Койот...

Глава 6

Огоньки

Он не заметил лужу и снова прошёл через неё. Вода залилась в его кроссовки, вонзив в стопы иглы холода, но Егор их совсем не почувствовал. Пожар, нёсший сейчас пламя в его душе, был самым сильным в истории человечества. Самым сильным катаклизмом, подвергающим сознание невероятным испытаниям. Монстр внутри скрёб стены клетки и завывал, просясь наружу, и вой этот не давал Егору покоя. Он напоминал о той его тёмной сущности, что билась в экстазе при размазывании крови на чужом лице. Вой напоминал ему о дьяволе, в которого он сегодня превратился. Напоминал о рёве льва, рвущемся из мощной груди. О его собственном рёве.

Егора пугал этот монстр. Но ужас его исходил из понимания того, что чудовищем этим является он сам. И боялся того, что однажды не сможет удержать его под контролем.

Мимо него пролетел светлячок.

Егор остановился и стал следить за летящим жёлтым фонариком. Это не мог быть тот же светлячок, что наблюдал за ним по ту сторону окна, но почему-то Егор знал – знал, чёрт возьми, – что это именно он, и словно в подтверждение его мыслей жёлтое сияние погасло и вновь зажглось. Засветив-

шись ещё ярче, оно взмыло в небо.

Егор провожал его взглядом, пока не заметил два крошечных огонька, появившихся из-за угла дома и присоединившихся к уже летающему в небе светлячку, образовав три ярких звезды. Они сияли подобно трём солнцам, и вскоре три превратилось в квартет, а после стремящиеся друг к другу светлячки начали появляться отовсюду и застилали собой небо. Своим сиянием они затмили сияние звёзд. Они всё слетались и слетались, пока все прохожие, не веря своим глазам, стояли, уставившись на небо и следя за ним. Егор слышал вздохи удивления вокруг себя, и вызваны они были огромной гирляндой из жёлтых в ночи огней, повисшей над их головами. Светлячки зависли в воздухе и оглядывали смотрящих на них людей. Тысячи пар глаз изучали каждого человека, и с одной из них Егор встретился взглядом. Он не видел устремлённых на него глаз – лишь маленькую жёлтую точку, – но он **чувствовал**, что маленькие глазки насекомого смотрят в его глаза.

Люди стали доставать телефоны, чтобы успеть сфотографировать такое аномальное, но до жути красивое явление природы. Каждый из них был переполнен удивлением, возбуждением и чувством созидания красоты. Улыбки засияли на их лицах чуть ли не ярче неба, заполненного тысячами маленьких солнц.

Но Егору это всё не нравилось. Он будто ощущал, что через глаза этих маленьких существ на него глядит сам Сата-

на. Бред, конечно, но его тревога всё равно продолжала нарастать и полностью охватила его, когда все светлячки вдруг замигали, подмигивая уставившимся на них людям.

Егор лишь выдохнул:

– Чёрт...

В это же время на другом конце Санкт-Петербурга перед окном стоял Влад, внезапно пробудившийся среди ночи. Что-то заставило его пойти на кухню и посмотреть на улицу. Сейчас же он стоял, свесив непослушные руки вниз, и глаза его чуть ли не вылезали из орбит. За окном небо превратилось в утыканный жёлтыми лампочками потолок, и лампочек этих было бесчисленное множество. Сотни, тысячи, может, десятки тысяч, и все из них имели глаза, наблюдающие за находящимися внизу людьми.

И за ним.

В особенности – за ним.

Влад нервно сглотнул и, сам того не зная, сказал то же самое, что в этот момент во многих километрах от него сказал Егор:

– Чёрт...

Глава 7

Волчица

Медсестра наконец вышла, и Катя тут же подскочила и перекрыла ей проход:

– Что с ним?

Голос её чуть хрипел, и хрипота эта была вызвана бесчисленными криками ярости, на которые сбежались все её любопытные соседи. Глаза, заполненные алыми молниями крови, лишь недавно стали сухими, полностью выдавив из себя все слёзы. Светло-русые волосы были взлохмачены и не причёсаны. Белая майка, плотно облегающая её торс, полностью вымокла от выделившегося пота, а джинсы, что подчёркивали манящую крутость её бёдер, в различных местах были порваны. Там, где широкими ручейками засохла кровь. Руки же, несмотря на всю их женственность, были сильными и рабочими. Скулы ясно выделялись на напрягшемся лице, пока тело её продолжало трясти. Губы превратились в тонкую бледную линию, и весь её вид говорил о том, что в коридоре больничного отделения стоит не дизайнер женской одежды, а сумасшедшая девушка, чьи поступки невозможно было предугадать. Взгляд серых глаз был безумным и, казалось, одновременно пустым, но за безумием этим, так напугавшим молодую медсестру, скрывались два года страданий

и нервных срывов, о которых Катя никому не говорила.

Майка прилипла к телу, чёткие контуры её груди виднелись через дешёвую ткань. Она сняла с себя бюстгальтер сразу, как поняла, что он мешает ей разбирать завалы, под которыми находился её ребёнок. Все зеваки с широко раскрытыми глазами уставились на её упругие груди, и ей было совершенно наплевать на это. Она слышала плач своего малыша и сама полезла под завалы, по пояс голая и блестящая от пота, в поисках своего сына. Он звал её и умирал, будучи под тяжёлыми, нависшими друг над другом плитами. Чувствуя, как горячая кровь стекает по её ногам, она продолжала преодолевать завалы. Маленькие камешки вспарывали кожу на её голых плечах и застревали в мягкой плоти. Плач приближался, и скоро она увидела окровавленный комок, придавленный небольшим деревянным комодом и имеющий лицо её сына. Его крик разрывал уши и тонкие стенки сердца. Катя метнулась к нему, чудом не вогнав себя на выставленную арматуру. Она уже не помнила, как выбиралась обратно. Не помнила, как орала на всех, держа наполовину живой комочек в руках. По её грудям текла кровь и, собираясь на сосках, алыми каплями падала вниз. Неаккуратный, но знающий своё дело художник раскрасил горячий живот Кати в неровные, соединяющиеся и хаотичные красные линии, из которых тоненькими веточками к ногам простиралась вытекающая кровь.

Она кричала до потери сознания. Кричала на нанятую ею

няню, что должна была следить за ребёнком, а не оставлять его одного, чтобы он выпал из окна. Кричала на сотрудника сраного ЖКХ, который не смог уследить за грёбаным бойлером, взорвавшим на хрен всю половину их дома. Дым застилал ясное небо, не пропуская лунный свет к собравшимся у догорающего здания людям. Слабые языки пламени уже стали потухать, а голосовые связки Кати продолжали неистово напрягаться, и истерика её не прекращалась. Одетая лишь в одни порванные джинсы (несколько осколков вспороли их заодно с кожей) и в покрытые грязью кеды, она кричала и вопила на всех людей, пока окровавленный кулёк, что она прижимала к своей голой груди, делал несчастные попытки втянуть как можно больше воздуха. Вены вздулись на её шее, а оскал её зубов напоминал оскал волчицы, увидевшей рысь рядом со своим раненым волчонком.

И в этот момент Катя больше всего была похожа на волчицу – опасную, рычащую на врагов и готовую в любой момент сорваться с места и наброситься на обидчика своего детёныша.

На эту суку Смерть.

Она лишь убаюкивающе махала своей длинной косой перед лицом малыша, падающего вниз с третьего этажа. И, видимо, решила не забирать жизнь этого молодого мальчишки, только начавшего познавать мир в свои два года. Он упал с мощным шлепком маленького тельца о твёрдый асфальт, и только благодаря проходившей мимо студентке малышу уда-

лось выжить. Она, простояв минуту, пустыми глазами уставившись на плачущее тело, мигом подбежала к нему, схватила в свои руки и рванула на всей скорости от того места, где осталось расплывшееся пятно крови. Лишь когда студентка, полагаясь исключительно на свои инстинкты, добежала до края двора и услышала, как за её спиной взорвалось здание, осознала, что спасла малышу жизнь.

Она улыбнулась, и её придавило плитой.

Погибла она сразу же, даже не поняв, что с ней случилось. Её череп мгновенно раскрошился, и на крышку чьего-то ноутбука выплеснулись её мозги, похожие на ту кашу, которую она ела сегодня со своей мамой. Мальчику же опять повезло, и он отлетел от женщины, больно ударившись маленькой попой. Смерть его обошла и тогда, когда в метре от его головы попадали друг на друга огромные плиты, удерживаемые выброшенными холодильником и шкафом.

О подвиге студентки никто не узнал.

После того как голосовые связки Кати стали не выдерживать такой нагрузки, она начала терять сознание. Её с ребёнком подхватил какой-то мужчина, и очнулась она уже в этой больнице, одетая в свою мокрую майку и с полностью очищенным торсом от их общей с сыном крови. Все раны её продезинфицировали, а голос, хоть и с ощутимой хрипотой, вернул себе былую силу.

Но у неё не было Миши, её ребёнка.

Она вырвалась из палаты, не заметив тянущуюся за ней

капельницу. Подбежала к сестринскому посту, напугав всех своим обезумевшим видом, и после того, как узнала, где находится её сын, молча развернулась и зашла за угол коридора, сорвав с себя все лишние трубки, оставив капельницу стоять одну в белом свете флуоресцентных ламп.

И сейчас, когда её тело снова начало трясти от долгого ожидания, а сухость снова выплаканных глаз начала их раздражать, Катя преградила медсестре проход и ждала ответа. Ответа, самого важного во всей её бессмысленной жизни.

Но медсестра молчала, опустив взгляд вниз.

Неприятная, ужасная мысль закралась в сознание Кати, и она тут же её отбросила, запретив себе о ней думать. Она схватила медсестру за грудки и резко дёрнула её, да так, что зубы последней чётко клацнули. Скулы вновь угрожающе прорезались на напряжённом лице, казавшемся сейчас портретом одной из пациенток психбольниц.

Катя набрала в грудь побольше воздуха и крикнула в лицо медсестре:

– ЧТО С МОИМ СЫНОМ?!

Медсестра, только взглянув в эти безумные серые глаза, сразу поняла, что молчать ей не следует. Эта женщина могла натворить всё что угодно, и, судя по её виду, явной адекватностью она не отличалась. Поэтому, снова оперев взгляд в пол, медсестра тихо произнесла:

– Большая потеря крови и... ну, у него было внутреннее кровоизлияние... и... в общем... – Их взгляды встрети-

лись. – Ваш сын погиб.

И в её душе взвыла волчица.

Глава 8

Джонни Райз

Эта девчонка была славной.

Её приятная полнота, чётко выраженные формы и такие сладкие губы, подобные сахарной вате, что он ел в детстве, безумно возбуждали его. Но до полного апогея его доводили её блестящие слёзы и оглушающее рыдание, когда он с силой заходил в неё, чувствуя, как горячий член скользит по её влажным стенкам, пока холодный ствол пистолета давил ей на щёку. Глаза его были безумны и полны детского восторга, а слюни капали с широко раскрытого рта. Эта девчонка визжала как резаная свинья, и чем громче были её крики, тем быстрее ходил в ней его член. Когда оргазм стал приближаться, девчонка попыталась вырваться, но он её удержал. Он всегда всех удерживал. Когда же его мозг взорвался эндорфинами, он нажал на спусковой крючок и снёс девчонке голову, расплескав вокруг все внутренности и кончив на вытекающие мозги.

Соседи не услышали выстрела, ведь каждый из них давно уже спал вечным сном.

Через час, отдохнув и прогулявшись по Невскому проспекту, он вернулся и трахнул уже мёртвое тело, правда, не получив такого же удовольствия, какое получил от перво-

го раза. Кончив в оставшуюся часть головы, пошёл в ванную, оставляя за собой кровавые опечатки своих ступней. Как только он лёг, собравшись принять горячую ванну, но забыв открыть кран, благополучно заснул, полностью голый и довольный. Спал он тихо и спокойно, как спят мужчины после хорошего секса. А секс у него сегодня выдался просто отменный. Во сне снова и снова прокручивался тот незабываемый момент, когда голову девочки разорвал мощный фонтан крови, и как же он был счастлив в этот момент! Как тряслось его тело в оргазме, когда повисший на ниточке глаз тупо уставился в пол! Как он смеялся, искренне и непринуждённо, когда водил стволом пистолета у неё во рту, царапая дёсны, язык и нёбо! Её губы нехотя смыкались на твёрдой головке его напрягшегося члена, когда сам он держал её макушку на качающемся прицеле. Сейчас же верхняя губа девочки валялась под комодом, а нижняя, разорванная в клочья, была разбросана по всей кухне.

Он спал и улыбался, пока мать той девочки в истерике доказывала участковому, что её необходимо искать уже сейчас, а не оформлять эти чёртовы документы. Улыбался своему сну и слабо причмокивал, вспоминая, как до боли сжимал её пухлые груди, оставляя на них лиловые синяки. Он слабо стонал во сне, прокручивая в голове снова и снова те чудесные моменты, когда она – полностью голая, вся взмокшая от пота и крови – давилась его горячим членом. Это было прекрасно, и ради этого стоило жить. Ради их истошных криков

на фоне его быстрых стонов. Ради того, как **они** его умоляли. Боже, как они просили о пощаде! Какую дрожь в ногах он при этом испытывал! Их скачущий голосок, трясущийся подбородок, текучие рекой слёзы и мокрые груди, которые он так любил сжимать до посинения! Всё это заполняло его сладостным счастьем, плавно растекающимся по телу.

Проснулся он через два часа и ещё с минут десять неподвижно сидел, тупо уставившись в обвалившуюся штукатурку и по-детски улыбаясь. Открыл кран и следующие полчаса наслаждался тем, как горячая вода расслабляла его мышцы, освобождала сознание от сотни оков и впускала в море мысленной свободы. Чувствуя лёгкую вибрацию в паху, он с большим трудом заставил себя подавить её и не поддаться ещё раз манящему соблазну. Он вылез из ванны и, вытирая голову, взглянул в запотевшее зеркало. Протёр его рукой и замер, уставившись на своё отражение.

Звали его то ли Виталий Барлиев, то ли Виталий Барлуев – он точно не помнил. Но что он помнил предельно ясно, так это то, что мать называла его чмом. Смысл этого слова до сих пор оставался для него тайным секретом, но он чувствовал плохую, негативную энергетику, исходящую от этого слова – его имени.

Нет. Не моего имени. Меня зовут Джонни Райз и никак иначе.

Он не помнил, как и когда получил это имя. Но именно оно – такое звучащее и невероятно красивое – крепко укор-

нилось в его сознании, заняв место собственного «Я». Когда внутри родился Джонни – смелый, харизматичный и сводящий девушек с ума (в отличие от скромного, зажатого вглубь себя Витали) – родился и он сам – человек, что мстит этому миру, этим женщинам, вот уже около тридцати лет.

Его лицо привлекало своей особой, мужской эстетикой. Широкие скулы покрылись жёсткой щетиной, и он снова с печалью заметил прорастающую седину в своих волосах. И теперь это были не просто мелкие снежинки на чёрном асфальте, а окрас чёртовой зебры, контрастирующей меж глубоким чёрным и ослепляющим белым. Чёлка его представляла собой завитушки жёстких волос, и в запотевшем зеркале ясно светились два холодных огня – его голубые глаза.

Джонни, которому уже исполнилось сорок три года, не был довольно высоким, и тело его было достаточно крупным, но тем не менее он обладал той грацией кошки, что демонстрируют модели на всемирных показах. Движения его были быстрыми, но в то же время и мягкими, будто он назубок выучил собственное тело. Одевался по-скромному, ибо кассирам в наше время много не платили. Джонни старался не выделяться из толпы, ведь уже слышал городские слухи, что по городу бродит какой-то конченный маньяк-насильник, охмуряющий девушек и хладнокровно их убивающий, но вот только никто не знает его лица, поэтому и следует глядеть в оба. Он же лица не прятал, а наоборот – смело улыбался идущим прохожим, глядя им прямо в глаза.

И многие улыбались ему в ответ.

Джонни ещё раз оглянул себя в зеркале и подумал, что его лицо неплохо бы смотрелось на плакатах «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» – на таких, какие показывали в его самых любимых старых фильмах. Разыскивается ковбой ДЖОННИ РАЙЗ, скрывающийся от всей полиции штата и грабящий банки страны; наказывающий обидчиков и насилующий всех женщин; гоняющий на лошади по диким просторам и убивающий любого, кто осмелится встать у него на пути. Да, именно таким он и был. Неудержимый Джонни Райз и его грёбаная улыбка.

Он оделся и, вспомнив про труп на кухне, тихо выругался, после чего пошёл в гостиную за топором для разрубки тела. И как только он переступил порог комнаты, застыл, широко раскрыв рот. В его голубых глазах отражалось маленькое жёлтое сияние.

Казалось, весь мир куда-то исчез, и лишь это сияние осталось здесь, в реальном мире. Оно было живым, и Джонни это чувствовал. Оно глядело на него своими маленькими, но невероятно умными глазками, и взгляд их был оценивающим, пронизывающим насквозь. Он продолжал идти навстречу этим глазам, не замечая того, как преодолевает гостиную. Он всё шёл и шёл, пока светлячок проходил по нему взглядом и притоптывал на подоконнике. Когда Джонни подошёл к окну, он, улыбаясь от уха до уха, открыл окно, и прохладный ночной ветер прошёлся по его телу свои-

ми пальцами. Светлячок залетел в комнату и уселся на поднятую Джонни руку, продолжая вглядываться в лицо. Они смотрели друг другу в глаза на одном уровне, внимательно изучая друг друга. Сколько они так простояли, он не помнил. Но зато на всю жизнь в его память врезалось то, как он поднёс ладонь к губам и, улыбаясь, поцеловал маленькое солнце.

Светлячок радостно пискнул.

Глава 9

Подвиг

Он услышал слабый писк и остановился.

Ветер подхватывал его чёрные волосы, и сияние луны – такой ясной в эту звёздную ночь – усиливало их глубину. Блики призрачных лучей отражались от многих луж, освещая узкие тёмные переулки, по которым он шёл. Холодный свет проникал во дворы сквозь чистое небо и покрывал собой всё, что под него попадало. Тени разбитых фонарей лениво тянулись по выложенным камням, упав на которые можно было бы с лёгкостью вспороть себе кожу, пустив струйки алой крови.

Его спортивное тело, укреплявшееся тренировками, было очерчено чётким контуром умелого художника, и контур этот лишь подчёркивал красоту его фигуры – по-настоящему мужской, несмотря на его шестнадцатилетний возраст. От прохладного ветра кожа покрылась мурашками, и нетронутой ими она осталась лишь на костяшках правой руки, избитых в кровь и потерявших свою чувствительность. Чёрный рюкзак, содержащий всю экипировку для тренировок, висел на одном плече, слегка покачиваясь на ветру.

Остановившись, Женя напряг слух и внимательно прислушался.

Приглушённые стоны доносились до него, и доносились они из-за угла, ведущего в ещё более узкий коридор этого лабиринта переулков. Подойдя к самому углу здания, Женя снял портфель и облокотил его о кирпичную стену, пока сам успел уловить грубые мужские голоса. Их было двое – это точно. А голос третьего, более высокого в сравнении с остальными, оставался неразличимым призраком на грани слышимости. Сохраняя холодный рассудок, он оглянулся и не увидел ни одного человека рядом с собой – ни ребёнка, ни взрослого. Взглянув на окрашенные в бордовый костяшки, он подумал: *“Если там и вправду какая-то заварушка, я буду наитупейшим человеком на свете, зная, что никого поблизости нет. И что тогда?”* – Ответ пришёл сразу. – *Вызвать полицию*

Женя прижался к углу дома, чувствуя ладонями холод кирпичей. Аккуратно, стараясь не засветиться, он выглянул из-за стены.

В просвечиваемом лунной переулке чётко виднелись четыре тёмных силуэта. Как он и предполагал, трое из них – мужчины, одна – женщина. Силуэты мужчин окружили прижавшуюся к стене женщину, и Женя ясно услышал басовитый смех одного из них на фоне женского плача. Фигура девушки дрожала, и всеми силами она пыталась провалиться сквозь стену, слиться с ней или просто стать невидимой, да что угодно, лишь бы эти мужчины отстали от неё! Она просила их о чём-то и жалобно умоляла, предлагая им вза-

мен своё тело. Именно это предложение стало первой каплей, растворяющей клетку его внутреннего орла. Женя почувствовал лёгкий огонёк в своей груди и мелкую дрожь в прижатых к кирпичам ладонях.

Орёл легонько встрепенул крылья, но всё так же продолжал наблюдать.

Один из мужчин приблизился к девушке и мигом прильнул к ней, прижав её к стене и не давая возможности выбраться. Она пыталась его оттолкнуть, чувствуя исходящую от него грубую, животную похоть. Поняв, что силой своей она его не возьмёт, врезала ему коленом меж ног. Мужчина взвыл, и Женя невольно сморщился, увидев мощный удар по самому сокровенному, но тут же его глаза зацепились за ладони ещё одного силуэта, крепко державшего мечущуюся женщину. Она кричала и просила о помощи, пока рот её не прикрыли рукой. Её крики оставались неслышанными; лишь один мальчишка нервно глядел на пляску силуэтов. Их тени сливались друг с другом на выложенных камнях, и призрачный свет луны вливался в тёмный переулок, создавая армию мёртвых фантомов, прятавшихся в каждом тёмном уголке. Женя почувствовал слабый страх, крадущийся к его сердцу рысёй походкой, и тут же возненавидел себя за этот страх. Отогнал его и глубоко закопал, но всё равно ясно слышал истерические крики из-под утрамбованной земли, требовавшие, чтобы он вызвал полицию и ни в коем случае не всовывался сам, а лучше вообще унёс бы отсюда ноги, пока

эти трое парней его не заметили. Женя хоть и был плох в математике, но всё же понимал, что сейчас разница между единицей и тройкой была очень существенной.

Он мечтал о подвиге. О подвиге великом, который запомнят, и запомнят на века. Избивая руки в кровь и оставляя на груше крупные бордовые пятна, он видел, как забегает в горящее здание за кричащим ребёнком, пока его мать в панике просила пожарных спасти её малыша. Видел себя в одном из отделений банка, обезоруживающим грабителя и спасающим жизни невинных людей. Просыпаясь в пять утра и бегая по спящему городу, он ясно представлял, как ныряет в мутную озёрную воду и плывёт к тонущей женщине, после чего подхватывает и вскоре выносит на берег – еле живую и спасённую. Женя ни с кем этим не делился, потому что знал, что многие, если не все, посчитают это бредом юного мальчишки, полным детской глупости и невероятно раздутого эго, которое нужно подкормить доказательством своей стоимости с помощью этих самых «подвигов».

Но он всё равно жаждал подвига. Считал и искренне верил в то, что был рождён не просто для обычного существования. Он был рождён не для того, чтобы ползать среди сотен подобных ему червей, а для того, чтобы летать, расправив свои мощные крылья подобно орлу. Он ждал испытаний и был готов принять их, ведь знал, что крылья перед полётом в небеса не могут не иметь ни одного шрама. Он жаждал совершить подвиг и ждал, когда жизнь предоставит ему такую

возможность.

И, похоже, прямо сейчас она это и делала.

Женя продолжал колебаться, и ветер пробежал по его телу прохладными кончиками пальцев, пока луна неподвижно висела на небе, будто подвешенная игрушка над кроватью гигантского малыша. Один из мужских силуэтов продолжал стонать и стоять на коленях, ухватившись руками за пах, в то время как другой, более крупный, удерживал рвущуюся на волю женщину. Женя увидел очертания её поднявшихся рук и услышал полный боли и удивления крик, когда длинные женские ногти впились в мужскую шею. Мужчина не на шутку разъярился и ударил девушку по лицу. До Жени донёсся чёткий хруст, и внезапно его грудь резко сжалась. Ей нужна была его помощь, и нужна была прямо сейчас. Он ждал подвига, но в глубине души всегда боялся, что когда такой момент наступит – такой, как сейчас, – в самую последнюю секунду он струсит и изменит своим принципам.

Изменит себе.

И сейчас он чувствовал, как его внутренний трус собирается взять рычажки разума и поддать своему управлению. Его руки вновь начали дрожать, и страх, зарытый им под тоннами земли, восстал из мёртвых и теперь всё громче и громче нашёптывал ему на ухо. Но Женя решил действовать, и действовать как можно быстрее, пока не успел передумать, пока его мысли не сковали руки и ноги. Он должен был защитить эту девушку или хотя бы попытаться это сделать. Он

должен был совершить подвиг. Прямо сейчас, и к чёрту эту полицию!

Он справится сам.

Женя сделал первый неуверенный шаг из-за угла, тут же услышал резкий звук рвущейся ткани и увидел, как лунный свет скользнул по маленькой оголённой груди женщины, которую тут же с силой сжал крупный силуэт, вызвав пронзительный крик боли. Именно он отозвался эхом в голове орла, породил пламя в его мощном сердце и заставил выбить дверцу сдерживающей клетки, расправив сильные крылья и вылетев на свободу.

Женя полностью вышел из-за угла, и теперь луна очертила контуры уже его тела, лаская кожу своими холодными лучами.

– Эй! – Его голос, на удивление мощный и спокойный, разнёсся по узкому коридору меж домов, отражаясь от кирпичных стен. Четыре силуэта замерли, и его сердце тоже.

Зная, что сам себе перекрыл путь назад, он двинулся вперёд.

– Уберите от неё свои руки! – Женя слышал шлёпанье своих ног по лужам и видел, как в его сторону поворачиваются тёмные, неразличимые лица. – Я вызвал полицию, и скоро она будет здесь! – Он перевёл дыхание, удивляясь своему блефу. – И лучше вам сейчас уйти и оставить эту девушку здесь, прежде чем они явятся сюда!

На последних словах его голос предательски сорвался и

коротко пискнул. Ненависть, медленно, но уверенно набирающая в нём силу, вытеснила собою страх и наполнила его сосуды текучей злостью. Ярость закипела в напрягшихся венах, и гнев застлал сознание, когда он увидел текущую на голую грудь девушки алую кровь, вытекавшую из разбитого носа.

Женя остановился, и теперь их разделяло всего пять небольших шагов, преодолеть которые можно за секунды. Теперь он мог разглядеть уставившиеся на него лица – страшные маски, тени которых были вызваны лунным светом, опьяняющим и отрезвляющим одновременно.

Парень, чьи яйца были взбиты вкрутую, выглядел намного старше самого Жени, и дело было не только в густой чёрной бороде. Бледная паутинка слабых морщин на лице, чуть впавшие глаза и его взгляд ясно давали понять, что человек этот уже работает, и работает давно. Оттого, что Жене, возможно, придётся противостоять мужчине на порядок старше и сильнее его, по спине пробежал холодок.

Здоровяк же оказался примерно его ровесником, и понял он это по тупому детскому лицу и падающей на лоб чёлке. Только подросток мог выглядеть именно так, как выглядел этот толстяк в своей безвкусной разноцветной толстовке.

Третьей, к удивлению Жени, оказалась девушка, очень походившая на юного мальчишку. Коротко подстриженные волосы, мужская одежда, довольно низкий для женщины голос и свирепый взгляд подростка-бунтаря.

Все они смотрели на Женю в мёртвой тишине ясной ночи. Лишь удары крупных алых капель о грудь вжавшейся в стену девушки разносились по пустынному переулку. Кровь, гонимая бешеными ударами сердца, текла шумной рекой в пульсирующих висках. Все чувства внезапно обострились. Воздух прожигал собою лёгкие, а тёмные лица, чьи блестящие глаза устремились на Женю, казались ему лицами умерших душ, восставших из глубин ада.

Бородатый выступил вперёд, выйдя из тени на лунный свет.

– Что ты сказал? – Он подошёл ещё ближе, и Жене с большим усилием удалось подавить желание сделать шаг назад. Он продолжал стоять на месте, пока Бородатый всё так же не спеша подходил. – Ты вызвал полицию? Вызвал полицию, чтобы они повязали нас? – Он чуть хромал, и вызвано это было тупой, ноющей болью в паху, что ему подарила плачущая женщина. – Малыш, послушай меня сюда. – Расстояние между ними сократилось до минимума, и теперь они стояли вплотную друг к другу. Тёмно-зелёные глаза прямо смотрели в карие глаза Жени, и да, он сдерживал этот взгляд.

Бородатый продолжал говорить:

– Если ты и вправду вызвал полицию, то тебе хана. Ты срываешь нам большой куш и портишь всем праздник. Мы всё равно тебя найдём. Она сможет, – он мотнул головой в сторону девочки-мальчишки. – Понимаешь? Но даже если ты вызвал ментов, то тебе всё равно кранты, и знаешь поче-

му? Потому что ты срываешь нам грёбанный куш! ЭТА СУКА ДОЛЖНА ПОПЛАТИТЬСЯ ЗА СВОЁ, И ТЫ НИ ХРЕНА О НЕЙ НЕ ЗНАЕШЬ, МЕЛЮЗГА!

Женя прекрасно понимал, что под этой луной, в этом переулке уже точно состоится драка, и кровь окрасит освещённые бледным светом кирпичи. Вопрос оставался лишь один: кто станет здесь победителем, а кто – проигравшим, и останется ли проигравший лежать здесь, пока жизнь будет медленно вытекать из него по каплям?

И ответ на этот вопрос пришёл мгновенно. В голове ясно прозвучали слова бывшего друга: *«Если чувствуешь, что сейчас будет жопа, бей первым»*.

Он взглянул в тёмно-зелёные глаза и расправил плечи. Слегка их развернул, стараясь делать это как можно незаметнее, медленно отставил правую ногу назад и перенёс на неё вес, подготовившись к атаке. Сначала он нанесёт удар Бородатому, и пока остальные двое не успеют сообразить, что произошло, схватит девушку и помчится с ней прочь из переулка на улицу. А там посмотрим.

Но Бородатый заметил призрак боевой стойки в движениях Жени. Не теряя времени на подобные прелюдии, он нанёс мощный удар над левым глазом, и попал бы точно в него, если бы в последний момент мальчишка не увернулся.

Женю отбросило, и лишь когда он сделал несколько шагов назад, понял, что пропустил удар. Перед глазами заплясала армия чёрных точек, и вскоре их сменили алые шторы,

окрашивающие мир в красный цвет. Похоже, парень умелый и рассёк ему бровь, откуда сейчас мерно стекала кровь. Он вытер её с глаза и, удивившись её яркости в лунных лучах, поднял взгляд.

– Меньше прелюдий, сопляк.

Он вновь видел три силуэта. Один, идущий на него, – по центру, двое других, оставшиеся стоять на месте, были по бокам. Ещё один, едва различимый, сливался со стеной. Все эти силуэты на фоне ясного неба, обрамлённые лучами равнодушной луны, напоминали тени из самых жутких кошмаров, и одна из них стремительно приближалась, сжимая тёмные кулаки.

Но он здесь не для того, чтобы получать по морде. Женя мечтал совершить подвиг и не мог позволить себе не то что сдаться, а проиграть, и проиграть не только свою жизнь, но, вероятно, и чужую. Злость – этот мощный генератор безумной энергии – закипела вновь, и теперь им двигало не только желание совершить подвиг, но и разmozжить голову этому ублюдку, что позволил себе прижать женщину в переулке. И тому толстяку, сломавшему ей нос, он прикажет собирать собственные зубы в луже из своей же крови. Девчонку он трогать не будет. Иначе ничем не будет отличаться от этих мудаков.

Женя вновь вытер с глаза кровь и расправил плечи. Он пошёл навстречу идущему на него силуэту. Навстречу сиянию луны и своему подвигу.

Орёл расправил крылья.

Как только они стали достаточно близко друг к другу, Женя нанёс невероятно быстрый удар под дых, и даже когда воздух рывком вышел из груди Бородатого, тот всё ещё не понимал, что произошло. Пользуясь моментом, Женя ударил его в лицо и расквасил нижнюю губу. Почувствовал на кулаке кровь и резкую боль в своей кисти. Ударил он неправильно, и пальцы его теперь пылали огнём. Зная, что делать дальше, он крепко схватил руку и начал её заворачивать Бородатому за спину, пока не почувствовал, как его собственные руки сцепили оковы, резко дёрнули на себя, и с какой болью свелись лопатки.

– Я держу! Держу его! – Голос доносился сзади, и пухлые руки сдерживали тело Жени. Он видел, как обозлённый силуэт поднимался, и в истерике задёргался в объятиях толстяка. – БЕЙ ЕГО! БЕЙ!

– ОТПУСТИ МЕНЯ, УРОД! – Он сам удивился звериному рёву в своём голосе и понял, что рёв этот показывал лишь малую часть всего гнева.

Страх заставил его разум мчаться и действовать быстро. Женя с силой наступил на ногу державшему ему толстяку, услышал, как тот вскрикнул, и почувствовал, как мёртвая хватка ослабла. Он тут же вырвался из неё, и тут крепкие руки сжали его плечи. Женю метнули в стену, и он будто ощутил, как душа его отделилась от тела после такого удара. Как только он снова овладел своим телом, кулак врезался в его

нос, и оттуда брызнул фонтан крови. Голова сильно откинута назад и ударилась о твёрдые кирпичи. Женя получил слабое сотрясение мозга, но здесь, в бесконечном коридоре пляшущих теней, он этого не заметил. Глаза его горели, и огонь этот гасил собой боль в кисти, голове и спине, к которой начала прилипать футболка несмотря на холод.

Мир перед глазами начал расплываться, и лишь когда Женя ударился лицом об камни, он понял, что его повалили. Не позволяя себе медлить, он упёрся руками о землю и начал вставать, но тут же носок тяжёлого ботинка вырвал кусок его верхней губы. Он снова рухнул, и кровь стекала с его лица бесчисленными ручьями. Женя попытался встать, но сразу же с двух сторон по его рёбрам прокатился град ударов, и по-настоящему он испугался именно тогда, когда услышал хруст собственных костей.

– **ТЫ МЕНЯ ВЗДУМАЛ УДАРИТЬ?! МЕНЯ?!** – Голос был полон ярости, и ярость эта ясно чувствовалась в мощных ударах. На футболке Жени стали проступать пятна крови, и текла она с его тела, казалось, отовсюду, окрашивая собой молчаливые камни. – **ТЫ РЕШИЛ ПУСТИТЬ МНЕ КРОВЬ, СОПЛЯК?!** – И мощный удар взорвал его правый бок болью.

Женя услышал быстро удаляющиеся шаги и улыбнулся бы, если б не умирал. Та девушка бежала и спасала свою жизнь. Значит, он всё же помог ей, а не просто выступил окровавленным мешком для битья. Хоть и под градом уда-

ров, он всё же стал героем, совершившим подвиг и спасшим чужую жизнь.

Главное теперь остаться в живых.

Женя использовал последние силы и резко вскочил, почувствовав острую боль в верхней части живота. Он вцепился в Бородатого, не без удовольствия заметив кровь на лице последнего, но его тут же откинули назад и с силой сжали шею. Женя видел перед собой скрытое тенями лицо здоровяка, искажённое маской возбуждения и гнева, и почувствовал, как толстые пальцы давят ему на шею и перекрывают доступ к кислороду. Его рот бесшумно шевелился в попытках схватить хоть немного воздуха, а руки вцепились в руки толстяка. Он видел стоящую во мраке девчонку и её светлые глаза, с тревогой смотрящие прямо на него. Видел подходящий силуэт, всё отдаляющийся и отдаляющийся в сознании. Его лёгкие превратились в пустой вакуум, и боль от душащих пальцев стала бледнеть, утопая во тьме.

Понимая, что теряет сознание, Женя со всей силы врезал здоровяку меж ног, и воздух тут же ворвался в грудь, породив неистовый кашель. И пока Женя приходил в себя, а толстяк, стоя на коленях, его проклинал, крепкие пальцы вжались в его плечи и мигом развернули. Бородатый нанёс мощнейший удар в челюсть, откинув Женю на несколько шагов. Он пытался держаться на ногах, но всё же рухнул, и колено его взорвалось болью, когда угол камня распорол кожу.

– ОСТАНОВИСЬ! – Голос принадлежал девчонке, и Же-

ня не смог подавить сдавленный стон облегчения, вырвавшийся из его груди. Казалось, он был глубоким колодецем, доверху залитым свежей кровью, и сейчас все жители безудержно пали жертвой жажды, из-за чего практически опустошили этот колодець, оставив лишь малую часть крови на самом дне. – ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА! **ТЫ Ж ЕГО УБЬЁШЬ!**

За этими словами не последовало ни единого удара, и Женя так и остался лежать на земле. Холодный ветер пронизывал его тело насквозь, и он не сомневался, что проснётся завтра больным, если вообще сможет проснуться. И несмотря на то, что сам он был разукрашен собственной кровью, вытекавшей из разбитой и вспоротой кожи, что боль устранивала пожар чуть ниже груди, а затылок его был готов взорваться, и мир уходил у него из-под ног, всё-таки Женя смог встать, хоть перед этим и упал два раза. Кровь стекала по лицу, образуя алую маску ненависти, и луна осветила блики горящих, полных злости глаз.

Он поднял руки, сжал кулаки и принял боевую стойку.

Орёл истекал кровью, но не опускал крылья.

– ТЫ ХОЧЕШЬ ЕЩЁ ДРАТЬСЯ?! – Бородатый был не в себе, и слюни слетали с его рта при яростном крике. – ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я ПРЯМО ЗДЕСЬ ТЕБЯ ПРИКОНЧИЛ?! – К нему подбежала девушка и через секунду обняла, что-то торопливо нашёптывая на ухо.

Девчонка, похоже, успокаивала его, и у неё явно это по-

лучалось. Бородатый обнял её и остался так стоять. Женя смотрел на них и прилагал последние усилия, чтобы не рухнуть прямо перед ними. Мир потихоньку уплывал от него, постепенно превращаясь в маленькую тёмную точку, но всё же Женя не позволял себе терять сознание и продолжал стоять, чувствуя текущую по лицу кровь.

Бородатый мягко отпрянул от девчонки и направился к нему. Когда он подошёл вплотную, их взгляды встретились, и оба они смотрели друг на друга с палящей ненавистью.

– Послушай сюда, говнюк. – Он положил руку Жене на плечо, и тот невольно вздрогнул от этого жеста. – Тебе очень, сука, повезло, что моя девушка здесь. Если бы не она, то я бы точно размазал твои мозги по этим камням. Ты в это веришь? – Женя молчал, и Бородатому пришлось продолжить без ответа. – Мы уходим. Ещё раз встретишься у меня на пути, – он понизил голос, – я тебя прикончу, понял? И не вздумай идти в полицию, парень. Ты об этом очень пожалеешь, ты это понял?

Он развернулся и зашагал прочь от Жени. Обнял за талию девчонку и махнул здоровяку рукой, чтобы тот следовал за ними. Все трое покидали этот лунный коридор, и когда они полностью скрылись за углом, ноги Жени подогнулись, и он тут же рухнул вниз, позволив себе застонать.

Он понимал, что ему, скорее всего, сломали пару рёбер, и будто чувствовал их – палящих ярким огнём боли. Правая кисть продолжала ныть и, по прогнозам Жени, после то-

го, как адреналин исчерпает себя в его крови, наутро он не сможет сжать её в кулак или хотя бы пошевелить пальцами. Голова раскалывалась, и крупные трещины головной боли шли именно от затылка, этого эпицентра нарастающих помех. Всё тело болело и казалось неисправным механизмом, скрипящим и разваливающимся на ходу. Силы покидали его, и лишь подступающая рвота смогла их вернуть. Стоя на четвереньках, Женя извёрг из себя обед, издавая тяжёлые стоны и задыхаясь от колющей боли в верхней части живота.

Но он не жалел, что заступился. Пусть сейчас он и был похож на живой труп, всё же был уверен, что поступил правильно, и поступок его спас жизнь той девушке. Лицо Жени покрывала кровавая маска, и на маске этой появилась невероятно слабая, но победная улыбка человека, осуществившего свою мечту.

Хоть и окрашенный собственной кровью, он победил. Победил свой страх и все сомнения окружавших его людей. Всё же он совершил подвиг и стал героем. Героем безызвестным, тихо умирающим в узком коридоре из тёмных кирпичных домов. Героем для самого себя и для той девушки, которую он спас. Скорее всего, она забудет его уже через пару месяцев, но это не важно. Он защитил её и поступил правильно. Так, как поступил бы настоящий герой.

Он осуществил свою мечту, и сильный орёл взлетел в его душе, ворвавшись в небо победы и счастья.

Женя пополз на четвереньках к ближайшей стене с одним

лишь желанием: прислониться к ней и немного отдохнуть. Но вспомнив про ранец и находившуюся там бутылку тёплой воды, пополз туда, стараясь не царапать колени об углы камней.

Мимо него пролетел светлячок.

Женя остановился и поднял голову, взглянув на зависший в воздухе фонарик. Хоть левый глаз и заплыл, а сознание потихоньку оставляло его одного, всё же он ясно смог увидеть два чёрных глаза, следящих за ним. Да, именно за ним. Их взгляд был оценивающим и будто сканирующим, так Женя **чувствовал**, как он скользит по его телу, подмечая каждую деталь.

И ему это не нравилось.

Эти глаза были открытым окном в его самые потайные кошмары, и через окно это могли просочиться все жуткие монстры, которых только способны выдумать люди. В этих маленьких глазках Женя видел зло, что за всё своё время удалось скопить миру. Это были глаза, открывающие ворота в Ад, и через них на Женю глядел сам Сатана. Он не мог знать, не мог видеть этого, но тем не менее он **чувствовал**, что светлячок этот очень внимательно его изучает.

Почувствовав внезапный прилив ненависти, Женя плюнул в него кровью, заплескав алым его светящееся брюшко. Светлячок тут же улетел, оставив истекающего кровью паренька одного. Он дополз до стены и, с трудом прислонившись к ней, заплакал. Слезы его смешивались с кровью и

огромными каплями падали на испачканную футболку.

Он победил.

Победил...

Глава 10

Осознание

– Дайте антидепрессанты.

– Какие?

– Любые, двадцать пачек.

Фармацевт с удивлением посмотрел на неё. Катя заметила в его взгляде недоверие и, как ей показалось, слабый испуг.

Она так и вышла из больницы: в прилипшей к телу майке, порванных и окровавленных джинсах и выданных медсестрой тапочках. Она не понимала, куда идёт и идёт ли вообще. Взгляд её серых глаз был пуст и ничего не выражал, лишь редкие слёзы стекали по бледным щекам. Ноги сами вели её к дому сквозь бесконечные улицы, ставшие для неё сменяющимися картинками. Многие люди толпами стояли на дорогах и подолгу смотрели вверх, пока Катя протискивалась меж ними, нашёптывая имя мёртвого сына.

Ей отказали в выдаче тела ребёнка под предлогом того, что не имеют на это права, и поместили его в морг, куда её – женщину, обезумевшую и готовую перегрызть глотку любому – даже не думали пускать.

Она продолжала идти под холодным светом фонарей и пропадала в тенях узких переулков. Спотыкалась об острые камни и выходила на проезжую часть, пока яростные вы-

крики водителей пытались долететь до её сознания. Она всё шла, и холодный ветер подхватывал взлохмаченные волосы и пронизывал тысячами иголок всё тело, содрогающееся от холода. Одинокая женщина не замечала голых веток кустов, царапающих её кожу и пускающих кровь. Она не заметила пробежавшую мимо девушку, чью нижнюю половину лица и оголённую грудь будто облили ведром крови. Её ноги равнодушно преодолевали глубокие лужи, и лишь благодаря пожилому мужчине, что резко дёрнул её на себя, она не врезалась в столб.

Ноги несли её к дому, но душой она тянулась в морг, и пролежала бы там тысячелетиями, если бы её насильно не выпихнули оттуда эти грёбанные врачи.

Около дома Катя, сама не до конца понимая, что делает, зашла в аптеку. И вот сейчас, стоя перед этим козлиной-фармацевтом, она просила его дать ей антидепрессанты. Кучу антидепрессантов.

– С вами всё в порядке, девушка?

Он взглянул на её окровавленные джинсы и взглядом прошёлся по телу. Катя привыкла к подобному взгляду мужчин, жадно поедающих глазами её формы, но сейчас фармацевт смотрел на неё с лёгкой тревогой и вроде как заботой, готовой сорваться на неё мягкой пеленой нежности.

И её это начало бесить.

Она не нуждается ни в чьей заботе и уж тем более понимании. Никто, абсолютно никто на этом свете не способен

её понять и полюбить. Потому что никто этого и не умеет. Любовь в мире умерла вместе с её рождением – рождением Екатерины Мальцевой, этой отвратительной жены и ужасной матери.

Она набрала в грудь как можно больше воздуха и спокойно проговорила:

– Просто дайте мне грёбаные антидепрессанты и не злите меня.

Катя подняла глаза, зная, что увиденное в этих глубоких зрачках испугает фармацевта и даст понять, что с этой женщиной лучше не шутить. Она понимала, что каждый прохожий, каждый человек, с которым она недавно разговаривала, считал её сумасшедшей, и мнение это было оправдано её видом – неопрятным, пугающим и заставляющим держаться подальше. Мужчина, только взглянув в эти серые безумные глаза, сразу всё понял и молча достал двадцать запрошенных пачек.

Он выложил всё на кассу и неуверенно сказал:

– С вас... двадцать две тысячи триста пятьдесят рублей.

Катя медленно запустила руку в карман, и фармацевт невольно подумал, что либо девушка находится под чем-то, либо убита ужасным горем. Но глаза её оставались ясными, а в голосе слышалась настойчивая твёрдость, в нотках которого не было ни намёка на какое-либо опьянение. Девушка была трезва и опасна, а взгляд её безумных серых глаз объяснял это красноречивее любых в мире слов. Фармацевт ре-

шил не спорить с этой сумасшедшей и во всём ей потакать, лишь бы она быстрее ушла отсюда.

Пройдясь по гладкой поверхности кармана джинсов, Катя осознала, что оставила свою толстовку у того горящего здания, их бывшего дома, а вместе с ней и кошелёк с деньгами и документами. Ужаснулась она лишь на секунду, но потом вспомнила, зачем пришла, и успокоилась. Её теперь не будут волновать ни деньги, ни куртка и документы, ни погибший сын, которого она несла на руках, казалось, полвека назад. Она встретится с ним и будет укачивать его столько, сколько того захочет её малыш.

Её Миша...

Катя достала руку из кармана и равнодушным тоном произнесла:

– У меня нет с собой денег. – Её слабый хрип вновь насторожил фармацевта, и тот невольно сморщился, услышав её голос. – Я могу занести завтра. – Ужасный, полный тоски и отчаяния смех вырвался из обтянутой майкой груди, и он ясно раздался в почти пустом аптечном зале. – А нет, не смогу. Давайте я тогда... – Она замолчала на полуслове и с ужасом уставилась на продавца, стоящего по другую сторону кассы. Молчание повисло в воздухе и давило своей тяжестью. Фармацевт видел, как в её глазах на поверхность проступало осознание, и осознание чего-то плохого.

Может, даже ужасного.

После долгой паузы Катя выдохнула:

– Твою мать, – и оперлась о стеклянную витрину. Осмысление происходящего накатило на неё со смертельной стремительностью, и тело её вновь начало трясти. – У меня же дом взорвался... – И, посмотрев на фармацевта, она потеряла сознание.

Лишь на миг она очнулась в палате больницы и увидела маленький жёлтый огонёк, повисший в воздухе напротив окна. Приподнявшись на одном локте и не заметив, что лежит полностью голая под одеялом, Катя крикнула ему:

– УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! ПРОВАЛИВАЙ НА ХРЕН С ЭТОГО МЕСТА!!! – И почувствовав подступающие слёзы, она уткнулась в подушку и застонала.

Глава 11

Последняя стадия

На следующий день город покрыли густые облака, и жители Петербурга ничуть не удивились такой погоде – обычному пейзажу их бесчисленных дней. Но чуть ли не каждый с интересом обсуждал прошедшую ночь – такую аномально красивую и прекрасную, подарившую сотни и сотни незабываемых снимков в ленте галереи. Заполненное сияющими фонариками небо надолго осталось в памяти тех прохожих, что смогли лицезреть свет маленьких солнц вживую. Той самой ночью в отражении тысяч направленных вверх глаз отдавались жёлтые лучи множества светлячков, окутавших город мягко светящимся одеялом. Репортёры тут же включили свои камеры, и уже с утра во многих квартирах, пока их хозяева собирались на работу, телевизоры заполнили снятые с разных ракурсов картины сияющего неба, в то время как ровный голос ведущего описывал происходящее.

Телефоны разрывались от огромного потока звонков всех тех, кто спешил поделиться эмоциями и обсудить с кем-то такую красивую аномалию. Школьные коридоры, вестибюли гостиниц и залы бесчисленных кофеен Петербурга – все они сегодня стали эпицентрами удивительных возгласов, эмоциональных разговоров и яростных споров насчёт того, что же

это было: отголоски плохой экологии или предвещание наступающего апокалипсиса?

Близкие подружки, выбирая себе новые туфли, без умолку делились собственными впечатлениями и мыслями о том, какой романтичной была бы эта ночь, если бы им, уже работающим женщинам, было по пятнадцать лет и они бы чувствовали на своей талии крепкую руку их первого парня, пока сами смотрели бы на сияние подмигивающих фонариков.

Собравшиеся на следующий день метеорологи перепирались друг с другом, хоть их беседа и началась довольно спокойно. Одни, основываясь на логике и здравом рассуждении, заявляли, что светлячки слетелись в город, скорее всего, из-за резкого изменения климата и зоны их обитания, что, безусловно, могло быть вызвано стараниями людей. Другие же настаивали на возможности ещё одной аномалии, о которой и предупреждало «пришествие» светлячков. Но, к удивлению многих метеорологов, среди них оказались и те, что были помешаны на религии, хоть и просматривали безбожное небо каждую неделю. Они со всей фанатичностью доказывали, что светлячки эти – вовсе не безобидные жуки, а самые настоящие посланники Ада, и Бог покарает всех тех, кто осмелится смотреть на них слишком долго! Они кричали и кричали, стараясь добиться общественного понимания и поддержки, но добились лишь мгновенного увольнения и захлопнувшуюся дверь.

Главной темой утренних программ на протяжении

нескольких дней оставалось только сияющее небо, и с каждым новым днём рождалось всё больше новых споров, рассуждений и теорий, создающих кучу вопросов. Город переживал случившееся с ним ночью 17 мая 2020 года и со временем снова вошёл в привычное русло обычной жизни, но ещё несколько последующих дней многие люди подходили к окнам своих домов и подолгу всматривались в бесконечное небо, надеясь не увидеть там ни одного мигающего фонарика.

Окраины города были оклеены различными плакатами – агрессивными, написанными от руки и до жути религиозными. Вызывающе-красный плакат, полностью закрывавший собой дорожный знак, кричал прохожим огромными чёрными буквами: **«ПОКАЙТЕСЬ В ГРЕХАХ СВОИХ!!! ИБО СВЕТ ИХ И СИЯНИЕ ПОГЛОТИТ НЕЧИСТЫХ СВОЕЙ ТЬМОЙ!!!»** Но больше всего город заполнили другие плакаты, что разрывали сотрудники ЖКХ изо дня в день на одних и тех же местах. Был он бледно-серым, и в самом его центре, чуть ли не занимая всю площадь рисунка, был изображён огромный светлячок, смотрящий на прохожих глубокими алыми глазами, что, казалось, следили за тобой до тех пор, пока ты не поворачивал за угол дома, натываясь на точно такой же плакат.

Жители города продолжали смеяться и жить своей обычной жизнью, но теперь в их улыбках чувствовалась слабая напряжённость, а в искреннем смехе – хоть и призрачная, но

всё же тревога. Петербург начал забывать когда-то прошедшую ночь, но в сердцах ещё многих людей таился хорошо скрытый страх, и подмигивание множества солнц, окрасивших собою небо, страх этот только усиливало, хоть он так и оставался на подсознательном уровне.

Светофоры работали так же, по радио крутили те же песни, и мужские журналы не переставали скупаться. Но подобно густому туману над всеми крышами, простирающемуся вдоль города, повисло тягучее напряжение, и лишь некоторые жители находили в этом свою прелесть, свою притягательность.

Молодые жёны стали замечать, что в постели их мужья начали походить на диких зверей, и движения их теперь были жёсткими, лишёнными какой-либо нежности и приносящими тонну боли. Сами женщины чувствовали слабую дрожь в своих руках, когда ходили на маникюр. Что-то тревожило их сердца и время от времени сжимало всю грудь, заставляя без причины поднимать взгляд на небо и всматриваться в него, надеясь там ничего не увидеть.

Младенцы в роддомах не переставали плакать ни на секунду, и уже через два дня в больнице у всего персонала раскалывалась голова от пронзительных визгов малышей. Крики их, казалось, были беспричинными и являлись лишь примером того, как ярко проявляется стадное чувство среди младенцев, стоит лишь одному зареветь, но тем не менее одна медсестра нашла что-то общее между криком детей и соб-

ственной тревогой.

Город продолжал жить, не зная, что болен смертельной болезнью. И болезнь эта перешла в последнюю, неизлечимую стадию.

Часть 2

СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО

*They say the end may come
"Out For Blood", Valley Of Wolves*

Глава 12

Обрести гармонию

– Так что случилось? Может, всё-таки расскажешь, а?

Егор посмотрел на него, и Влад снова поразился, как контрастно выделяются тёмные мешки на бледном лице его ученика. С самого утра Влада тревожили эти сухие красные глаза, взлохмаченные волосы Егора и его пустой взгляд, что был сегодня на всех уроках. Всю неделю он не приходил в школу и явился лишь в пятницу с небольшим опозданием, но всё же пришёл. И Влад обязательно провёл бы с ним воспитательную беседу, если бы не увидел его внешний вид: грязная одежда перекошено висела на нём лохмотьями, невероятная бледность кожи и слабость в голосе слегка напугали Влада и заставили оставить Егора после уроков.

И вот сейчас он как раз таки и проводил с ним беседу. Правда, не совсем по-педагогически. Они находились в одном из небольших баров, и каждый из них уже успел пропустить по паре кружек пива. Егор был несовершеннолетним, и за то, что Влад сейчас сидит с ним здесь, он совершенно точно мог бы получить по шее, если бы его учителя не знали в этом месте так хорошо. Многие ученики Влада частенько здесь собирались и поначалу прятали лица, когда замечали его сидящим у барной стойки, но вскоре он дал им понять,

что бояться его не стоит. Поджилки их могут начать трястись только в том случае, если кто-нибудь из них сболтнёт руководству, что и он тут нередкий гость.

Мягкий свет ламп ложился на больное лицо Егора, делая мешки под глазами ещё темнее. Он отпил немного пива и сказал:

– Спасибо, что позвали и угостили. Но... – Он замолчал, так и не договорив фразу. Его пальцы нервно стучали по барной стойке, выбивая кривой, неказистый ритм. Почувствовав боль в пальцах, Егор остановился и уставился на полувыпитую кружку, пытаясь увидеть ответы на свои вопросы в поднимающихся кверху пузырьках. – Я просто... не знаю. – Он с тоской посмотрел на Влада. – В последнее время у меня всё идёт через задницу, но проблема не в этом, далеко не в этом. Я будто... будто чувствую, что внутри меня сгнила какая-то часть, которую я пытался в себе развивать. Наверное, её можно назвать моей светлой стороной. – Егор прислонил палец к губам и машинально мотнул головой. – Нет, не совсем так. Больше это похоже на мои лучшие качества. Да, именно на них. Я всегда старался поступать правильно и только так. Даже если самому мне от этого может стать только хуже. – Он нелепо улыбнулся и пожал плечами. – Так уж меня воспитали.

Влад внимательно смотрел на него, пытаясь найти хоть небольшую каплю лжи в этих уставших глазах. Но поняв, что Егор говорит вполне искренно, он спросил:

– Так получается, что в тебе была какая-то часть, которая символизировала твои лучшие качества, и она, как ты говоришь, сгнила внутри тебя, так? – Егор слабо кивнул, снова опустив взгляд вниз. – Ага... Выходит, ты по этому поводу убиваешься? Ты не доволен тем, кем являешься в данный конкретный момент, я правильно говорю?

– Да, но не совсем. – Он полностью опустошил кружку и почувствовал, как холодное пиво разливается по стенкам его горла и наполняет своей прохладой расслабленное тело. – Спасибо, я больше не буду, мне ещё домой возвращаться. А насчёт того, что вы сказали...

– Давай на «ты», Егор. Мы всё-таки в баре, и хоть на какое-то время ты можешь забыть, что я твой учитель. Сейчас я просто твой друг, договорились? Никаких формальностей и уж тем более никакой официальной, хорошо?

Повисла тягучая тишина, и лишь стук множества кружек да грубый мужской смех разносились по небольшому бару, стены которого впитали в себя запах пива ещё с середины 20-го века. Где-то в углу одна из официанток громко возмутилась, что какой-то мужлан ударил её по заднице, после чего раздался ещё один шлепок. Мягкий свет залил собою многие улыбки, и лишь в одной паре красных глаз он отражался холодными бликами, что насторожили бы любого, увидевшего их.

Подняв взгляд на бородатое лицо своего преподавателя, приведшего его в этот бар и предложившего ему стать новым

другом, Егор сказал:

– Ладно, договорились. Вы... то есть, ты сказал, что мне не нравится то, кем я сейчас являюсь. – Он набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. – Это правда, но лишь отчасти. Дело в том, что я всегда знал, кто я и **что** внутри меня находится. И вот это самое «**что**» мне удавалось довольно долго сдерживать под замком, но...

Егор посмотрел в глаза Влада и предельно серьёзно спросил, чётко выговаривая каждое слово:

– Я могу тебе доверять?

– Да, мне можешь. Всё, что будет сказано за этой стойкой, – крепкая рука похлопала по твёрдому деревянному покрытию, – останется только за этой стойкой. Так что не волнуйся на этот счёт. Я умею хранить секреты.

Голубые зрачки в обрамлении окружавших их алых сосудов вновь устремились в карие глаза Влада, и тот с печалью заметил, что яркость этих глаз поблекла и уступила место болезненному бледно-голубому цвету.

– Хорошо, я доверюсь и расскажу сейчас то, что ещё никому не рассказывал. Вообще никому. – Посмотрев на своего учителя, Егор успокоился, осознав, что тот понимает серьёзность всей ситуации, хоть пока и не представляет, о чём будет идти речь. – Ладно... – Егор закрыл глаза, сделал пару глубоких вдохов, и вскоре он уже непрерывно вёл монолог, находя спокойствие и доверие в глазах своего учителя. – Короче, в прошлое воскресенье мы с Викой выступали в «У

Жоры». Знаете такой ресторанчик, да? – Увидев кивок Влада, он продолжил. – Так вот, после того как мы спели, я решил провести её до дома, и, похоже, правильно сделал, учитывая то, что произошло.

Егор продолжал говорить, и Влад невольно улыбнулся, заметив вспышку энергии в уставших красных глазах. Он его не перебивал и внимательно слушал, отпивая маленькими глоточками прохладное пиво и рисуя в своей голове картины, что доносил до его сознания молодой голос юноши. Алкоголь потихоньку раскрепостил их обоих, и теперь Егор говорил открыто, не стесняясь использовать ругательства и уже не смущаясь, обращаясь к Владу на «ты». Рассказ его всё больше приобретал эмоциональные краски, и совсем скоро Егора приходилось чуть успокаивать, потому что его звонкий голос начинал заставлять оборачиваться многих посетителей. Руки его не переставали плавать в воздухе, и жестикуляции этой мог позавидовать любой артист, что пытался добиться признания на первых прослушиваниях. Он всё продолжал говорить, и стрелка на подвешенных на стене часах не спеша проползала новые и новые отрезки, оставляя десятки минут позади.

Остановился Егор лишь тогда, когда к ним подошёл бармен:

– Не хочу вас прерывать, но, по-моему, вам следует чего-нибудь выпить, юноша. Вы всё говорите и говорите – у вас наверняка пересохло горло. Не хотите его освежить?

Влад почувствовал на себе неуверенный взгляд и взял инициативу на себя:

– Да, будь добр, Миш. Принеси ему яблочного сока, а мне ещё одну кружечку.

Бармен ушёл, и, убедившись, что их никто не слушает, Егор продолжил:

– Я до сих пор поверить не могу, что это был я. Понимаешь, мне нравилось его бить! Избивать, чёрт возьми! Я так наслаждался видом размазанной крови этого мудака и так улыбался, когда стучал головой по этому грёбаному столу! Я не хотел себе признаваться, но, сука, пришлось! – Он наклонился ближе, и теперь их лица были в сантиметрах друг от друга. – Я чувствовал себя живым, Влад, пока выбивал чужую жизнь из этого мешка с дерьмом. Мне это нравилось и нравилось до усрачки. Чёрт! – Он откинулся назад. – Я чуть ли не кончил, когда услышал хруст его сломанного носа, и мне это тоже понравилось! Я бы избивал его всю ночь, если б меня не остановили! – Его грудь тяжело поднималась, и каждый вдох теперь обжигал пересушенные стенки горящего горла. Только сейчас Егор понял, как сильно он хочет пить. – И именно тогда, той ночью, я перестал быть собой и позволил себе выпустить внутреннего дьявола. Думаю, он есть в каждом из нас, и то, как часто он будет выходить на свет, зависит лишь от прочности замка и стен той клетки, в которой мы его держим. Но мой дьявол... – Егор усмехнулся, и улыбка его была полна печально-сладостной боли. – Мой

дьявол куда страшнее многих в этом грёбаном мире. – Его глаза холодно блеснули в тёплом свете ламп. – Честно, я сам его боюсь. Боюсь себя и того, кем я могу стать лишь за долю секунды, стоит замку сорваться с цепи.

– Сок и пиво. Ваш заказ, джентльмены.

Влад, не отрывая взгляда от горящих глаз Егора, протянул подошедшему бармену купюры, и тот, закатив глаза, вскоре удалился, что-то бормоча себе под нос. Егор тут же прильнул к стакану сока и в мгновение ока выпил всё содержимое, после чего сразу же ухватил нить своего монолога и, прочистив горло, продолжил:

– В общем, я к чему. Я просто не знал, что могу быть таким и что мне **понравится** быть таким. Я боюсь, как бы я не потерял свою лучшую часть. Вдруг когда-нибудь тот, кто раскромсал лицо отца моей девушки, займёт моё место в жизни и станет **мной**? Вдруг такое произойдёт? Я вот чего боюсь – потерять себя, понимаешь?

Влад вытер пенку пива с верхней губы и, громко рыгнув, залился смехом. Какое-то время Егор тупо смотрел на него, но потом улыбка расплылась на его лице, и вскоре они смеялись вместе, держась в дружеском смехе за плечи друг друга. Они продолжали смеяться и тогда, когда пары глаз в недоумении уставились на них, а из их собственных брызнули слёзы. В небольшом баре на одной из окраин города, облокотившись на барную стойку, искренне смеялись двое мужчин, одурманенных расслабляющим пивом. Один из них был

молодым парнем, что явно выглядел больным, но ему это не мешало улыбаться и проигрывать в неравном бою со смехом, пока взрослый бородатый мужчина, по щекам которого текли прозрачные ручейки из смеющихся глаз, обнимал его и прижимал к себе.

Просто в дешёвеньком баре смеялись два добрых друга.

Когда последние смешинки начали сходиться на нет, Влад произнёс:

– Только не рассказывай никому в школе, лады? Иначе я тебя больше не возьму с собой в бар.

– Хорошо, не расскажу. И вообще, о чём рассказывать? Мы же сейчас на консультации.

Влад усмехнулся и посмотрел на Егора:

– Быстро всё схватываешь, знаешь об этом? Ну а насчёт того, что ты говорил, – он сделал маленький глоток, – я думаю... Тебе честно сказать?

– Только так.

– Ну, раз только так, то я думаю, что ты в жопе. Это что касается избиения и нанесённых увечий, но раз они сказали в больнице, что на этого мудня напали на улице, то, видимо, решили пожалеть проказника Егора. Тебя же больше интересует твоё психологическое состояние, так?

– Да, но ещё и Вика. Как она будет потом...

– Подожди, сейчас мы говорим о тебе и только о тебе. Ну... и ещё о том чёртике, что сидит у тебя вот здесь, – Влад ткнул пальцем Егору в грудь. – Знаешь, мне очень понрави-

лась твоя фраза, которую ты недавно сказал. Что-то типа того, что в каждом из нас есть свой дьявол, и лишь прочность замка и стены клетки, в которой мы его держим, определяют то, как часто он будет выходить на свет. – Оценивающий взгляд карих глаз прошёлся по Егору и остановился на лице. – Ты слишком умён для своего возраста, и ты наверняка знаешь это и без меня.

– Да, ты не первый, кто мне такое говорит.

– Ага, а ещё ты страшный распиздяй. – Увидев удивлённо-комичные глаза Егора, Влад чуть не пролил пиво, подавившись рвущимся наружу смехом. – Это я в плане учёбы, ты не подумай. То не сданные вовремя работы, то недоделанные презентации...

– Я знаю, знаю.

– ...то ты вообще не приходишь на уроки, потому что кровать оказалась слишком мягенькой и притягательной. – Улыбка засветилась под голубыми огоньками уставших глаз, и Влад сам улыбнулся, довольный тем, что смог поднять настроение Егору. Он преподавал ему уже два года, и за это время этот паренёк успел ему понравиться, хоть тот и был страшным раздолбаем. – Знаешь, то, что я тебе сейчас скажу, педагогический состав явно бы не одобрил. Но, между нами, – он наклонился поближе, – пошлём их дружно в задницу.

И они чокнулись, после чего каждый из них выпил свой охлаждающий напиток.

– Ты, конечно, тот ещё раздолбай, но мозгов у тебя хоть отбавляй, это точно. И хоть в классе ты далеко не лучший по успеваемости, я-то знаю, что если ты захочешь, Егор, ты тут же ворвёшься в лидеры всех отличников школы. У тебя нестандартное мышление, и в этом мы с тобой похожи, не замечал? Ты позволяешь себе спать на уроках, и хоть иногда мне и хочется как дать тебе по голове, но я тебя не бужу, потому что знаю, чем ты занимаешься ночью. Пишешь песню и записываешь её на компьютер. И даже не спрашивай, откуда я знаю. Я знаю всё и в том числе то, что даже если я тебя разбужу во время урока и вызову к доске, ты выполнишь любое задание, которое я тебе дам, на твёрдую пятёрку. И знаешь почему? – Влад посмотрел в глаза Егора. – Да потому что у тебя есть вот это, – и постучал пальцем по голове своего ученика. – Мозги. И мало того, что они у тебя есть, так ты ещё и умеешь ими пользоваться, а это, на минуточку, довольно редкая способность в наше время. Я бы даже сказал, суперспособность!

– Я, конечно, польщён, но как это относится к тому...

– Что с тобой произошло? Да прямо и напрямую. Смотри, Егор, ты же человек? Человек! Значит, и ты не лишён всего человеческого и в первую очередь – чувств и эмоций. А это уже не твоё сознание, которое ты способен контролировать. Это находится уже на более глубоком, тяжело контролируемом уровне. И вот здесь в игру вступают именно они – чувства и эмоции. И у всех нас, даже у самых-самых спо-

койных, наступает тот момент, когда мы срываемся и выпускаем своих демонов или просто позволяем снять полотно со своих худших качеств и проявить их во всей красе. Это происходит абсолютно с каждым: мы впервые начинаем видеть край своей адекватности и заносим ногу над пропастью бесконтролья. И это тот момент, когда нами овладевают только чувства и эмоции, понимаешь?

– Честно говоря, не очень.

– Сейчас поймёшь. Я просто к чему всё это говорю – эти внутренние срывы собственных демонов есть у всех, а вот мозги, анализирующие и делающие выводы из совершённых поступков, есть далеко не у каждого.

Влад посмотрел в глаза Егору и заметил, как они задумчиво перебегают из стороны в сторону. Над ними возникли напряжённые морщинки, и создавалось впечатление, будто шестерёнки в голове Егора крутятся с бешеной скоростью, но вот только что-то мешает им добраться до той идеи, что ему сейчас пытались донести – какая-то частичка застряла в механизме его мозга, не дающая найти нить связи и понимания там, где о ней ясно говорят.

– Я всё равно не могу уловить суть.

– Да она не так уж и тяжела. Ты человек здравомыслящий, не убегающий от реальности и не делающий вид, будто не замечаешь её, а поэтому и происходит то, что происходит – твой мозг вступает в конфликт с сердцем. Ну, я хочу, чтоб ты понимал, что я сказал это очень и очень грубо. Суть вот

в чём: ты уже успел сформировать в себе некий тип мышления, определяющий твои идеалы, принципы и ценности. Понимаешь, о чём я?

– Кажется, начинаю.

– У тебя в голове к тому моменту, как всё это произошло с отцом Вики, уже были установлены моральные планки того, что ты можешь сделать. И как только ты сам своими поступками стал противоречить своим принципам, своему внутреннему «Я» и вообще типу мышления, ты и стал чувствовать себя хреново. А знаешь почему? – Карие глаза Влада блеснули в мягком тёплом свете ламп. – Да потому что ты чувствуешь ответственность, которую несёшь за свои действия. Твои поступки встали вразрез с твоим представлением о самом себе и не попали под те критерии, которым ты пытаешься следовать всю жизнь. И ладно если бы у тебя не было бы разума или ума, но загвоздка в том, что он у тебя как раз таки есть, и именно он не даёт тебе покоя. Он проанализировал, оценил твои действия и вывел на свет то, что действительность, в которой ты существуешь, не совпадает с твоим собственным представлением о себе. И вот это – твоя главная проблема сейчас. Ты потерял гармонию внутри себя, и, по моему мнению, именно умение человека обрести гармонию с самим собой является чуть ли не главным аспектом всей жизни. И уже изнутри, где процветает уверенность в собственных убеждениях и спокойствие, начинает расти что-то большее во внешний мир. То есть, дей-

ствительность, окружающая человека, является результатом его отношения к миру и его действий, направленных на развитие мира внутри себя. Поэтому, Егор, запомни: только обрета гармонию с самим собой, можно спокойно чувствовать себя в этом мире.

– Выходит, мне нужно обрести гармонию, да? – Влад коротко кивнул, и вместе с этим кивком в грудь Егора ворвался прохладный ветер облегчения, заставивший пропустить краткий смешок. – То есть, я создал у себя в голове некие критерии собственного поведения, так?

– Так. Подожди немного, – Влад перегнулся через стойку и позвал бармена. – Мишань, помнишь, как я тебя вытянул на тройку? Помнишь, конечно! Так будь добр, вытяни мне ещё кружечку моего любимого.

– У вас слишком хорошая память, Владислав Витальевич, – сказал бармен и вскоре удалился, шлёпнув по попе проходящую мимо официантку. Та игриво ему улыбнулась и что-то шепнула на ухо, после чего молодой паренёк засиял от счастья.

– Извини, что перебил. Продолжай.

Егор закрыл глаза и схватил конец нити, что вела его по древу собственной мысли. Он посмотрел на Влада и заговорил:

– Получается, мои представления вступают в конфликт с действительностью. И то, что я делаю, не попадает под категорию того, что я хотел бы сделать.

– В точку.

– Так тут только два варианта. Либо изменить своё отношение к действительности, либо изменить саму действительность в угоду своим принципам и критериям самого себя.

– И что для тебя важнее?

Егор молчал, уставившись на дно своего выпитого стакана. Они сидели в баре уже более часа, но время для них стало мимолётной лентой, мчащейся перед ними со сверхзвуковой скоростью. Густые серые облака сменились затуманенной тёмной ночью, и ни одно сияние даже самой яркой звезды не могло пропустить свои лучи в небо над затихшим Петербургом, чья красота не преуменьшается даже такой скудной ночью. Генератор в подвале бара слегка кряхтанул, и тёплый свет на миг пропал, но тут же зажёгся, заполнив собой всё пространство. Егор всё продолжал молчать, и только когда Владу принесли пиво, он заговорил:

– Мне нравится свой тип мышления, и я не хочу его менять. То, как я мыслю, стало основой моего мировоззрения, и хоть оно часто не совпадает с мировоззрением общества, всё же оно мне нравится. А вот действительность... её следует изменить. Подогнать под собственное мышление и поступать только так, как поступил бы внутренний «Я». – Егор вздохнул и резко потрянул головой. – Короче, нужно просто научиться прислушиваться к себе и обрести гармонию.

– И не убегать от реальности, помни об этом. Признавай свои ошибки и исправь их, а не делай вид, будто ты их не за-

мечаешь. Создай хороший симбиоз из эмоций и разума и помогай самому себе направлять этот союз в нужном направлении, понял?

– По-простому, я должен сделать так, чтобы действительность соответствовала моему внутреннему миру, но никак не наоборот.

– Красавчик. – Влад обнял Егора, и тот почувствовал, как шею его щекочут жёсткие русые волосы. – Ты молодец, быстро всё понимаешь. – Он похлопал его по спине и, отпрянув, посмотрел на часы. – Тебе уже скоро надо быть дома, да?

– Ага, иначе мама меня приберёт.

– Тогда я тебя отведу и героически возьму всю ответственность на себя. Скажу, мол, мы разбирали с тобой задания из ЕГЭ, которое ты, кстати, сдаёшь уже менее чем через месяц, помнишь?

– Да помню я, помню. Уже все грёбаные тесты прорешал и подтёрся ими. Лучше давай по пути зайдём в магазин и купим жвачки, а то мне кажется, что мама не поверит в то, что наши учебники теперь моют пивом.

Влад засмеялся и положил руку на плечо Егору, пытается справиться со смехом. Улыбка тронула и лицо уставшего мальчишки. Вскоре он сам начал смеяться, не понимая почему, просто внимая смеху своего нового друга.

– Хорошо, купим жвачку, только не блевани там на кассе, ладно? А то я уже боюсь, как бы не пришлось тащить тебя на руках, слабачок.

– Я слабачок? – Егор толкнул Влада локтем и вновь засмеялся. – Да я трезвее тебя в сто раз!

– Ну так не я сок тут хлестал! Я, если ты не заметил, выпил побольше твоего, парнишка! Да и организм у тебя помоложе и...

– Ну да, у меня хотя бы тело не скрипит при ходьбе, – и впервые за день Егора разобрал по-настоящему мощный искренний смех.

Пока он смеялся, все его проблемы резко побледнели и скрылись за призмой положительных эмоций. Он забыл о том демоне, что скребёт стены держащей его клетки. Забыл о запачканной кровью скатерти и о том наслаждении, с которым он бил скользящую в ладонях голову об деревянный стол. Забыл о мощной пощёчине и о ярко-зелёных глазах, с ненавистью глядевших на него.

Егор всё смеялся даже тогда, когда Влад слегка пихнул его и сказал:

– Пошли домой, шутник хренов.

И совсем скоро они вдвоём вышли в тихую ночь города. Пьяные, весёлые и по-своему счастливые, они обнимали друг друга и уже успели забыть, что лишь пару часов назад один из них был простым учителем, а другой – его учеником. Сейчас они смотрели друг на друга как на лучших друзей, и ветер подхватывал их смех, разнося его по освещённым улицам Петербурга. Улыбки играли на их лицах, и глаза каждого из них светились искренним счастьем, пока свежий воздух

наполнял своей прохладой их лёгкие.

И хоть на какое-то время им удавалось не замечать нарастающую внутри тревогу.

Глава 13

Обнимаю тьму

Влад возвращался домой ближе к полуночи и уже грезил о том, как его поглотит мягкость их постели и как приятно будет обнять Олю, радуясь такому хорошему завершению дня. Он пару раз бился головой о стекло автобуса, когда сон окутывал его, но всё же это не смогло прогнать того приятно-го гудения в голове, что подарили ему пропущенные кружки пива. И даже когда он поднимался по лестнице исписанного маркерами подъезда, Влад не прекращал улыбаться, хоть сам и не понимал, чем обусловлено его приподнятое настроение.

Чтобы не разбудить спящую жену (а он надеялся, что она всё-таки спит), Влад как можно тише провернул ключ в замке и аккуратно зашёл в квартиру, медленно захлопнув за собой дверь. Свет он не включал, так как слабых лучей фонарей, что падали на пол их прихожей, оказалось вполне достаточно, чтобы раздеться, не ударившись мизинцем о край их проклятой тумбочки, что Оле вздумалось поставить чуть ли не у самого входа.

Влад снял с себя всю верхнюю одежду, рубашку, запачканные брызгами луж брюки и туфли вместе с носками, оставшись в одних трусах – всё тех же «семейках», не изменяющих привычкам своего владельца. Одежду он скомкал и бро-

сил на небольшой стульчик, на который садились проходящие гости, чтобы надеть или снять обувь. С утра он наверняка получит люлей от разозлившейся жены, но один волшебный поцелуй всё решит, после чего она успокоится, а он, её муж-неряха, аккуратно сложит свою одежду или – о Боги, свершится чудо! – даже закинет её стирать.

Всё это будет завтра. Всё это будет субботним утром, и оба они проснутся не от будильника, а от ласкающих кожу солнечных лучей или бесящего шума мчащихся под окнами машин. Они проснутся, и, быть может, своими стараниями Влад подарит себе и Оле отличное утро, начавшееся с нежного пробуждающего секса.

Всё это будет завтра, а сейчас он хочет спать и обнимать свою любимую женщину.

Просто лечь, просто обнять, просто заснуть... И что может быть проще и приятней?

Влад двинулся по короткому коридору, и его опьянённое свежим ночным воздухом и пивом сознание не заметило, как ступня наступила на что-то липкое и вязкое. Когда он уже подошёл к комнате, лучи уличных фонарей осветили тянувшийся за ним кровавый след, и блики холодного света играли на свежесвыпущенной крови. Влад не заметил и того жёлтого сияния, что доносилось из скрытого силуэта его жены, лежавшей на пропитанной кровью простыне. В его карих глазах то потухало, то вновь зажигалось отражение пульсирующего жёлтого света, что исходило из тёмного женского

силуэта, неподвижно застывшего в обрамлении собственной свежей крови. Сознание Влада не заметило живого жёлтого сияния. Оно видело лишь приближающуюся кровать и осознание близкого отдыха, о котором так грезил уставший за день организм.

Он лёг рядом с Олей, и в голове его на мгновение звякнул колокольчик, когда кровь его жены окутала своим холодом покрытую мурашками кожу. Но лишь на мгновение, и уже через секунду Влад обнял тёмный силуэт, улыбнувшись и положив ладонь на голую окровавленную грудь своей мёртвой супруги. Он не знал, что лежит в обнимку с навечно застывшим телом в огромной алой луже, по которой пробежали блики пульсирующего жёлтого сиянья. Свет этот исходил из небольшого гнезда, что находилось в раскромсанной плоти молодой женщины. Плечо её было полностью разорвано, и остатки мяса, перемешанного с обломками костей, валялись по всей комнате в окружении сотен капель блестящей крови. Там, где раньше был неказистый шрам, в углублении между разорванным плечом и наполовину вспоротой шеей, копошилась семья светлячков, соскребающих кусочки плоти с внутренних стенок окровавленного тела. Они перебирались всё дальше и дальше вглубь организма, прокладывая себе путь общими усилиями множества острых зубов. Свет в их крошечных телах пульсировал, и сиянье его освещало уже мёртвые сосуды и органы, что так привлекали ненасытных светлячков своим сладостно-горьким вкусом. Они по-

едали Олю изнутри и освещали собой царствующий вокруг мрак, пока Влад с уставшей улыбкой на лице обнимал то, что осталось от его жены.

И лишь утром, когда ужас увиденного мигом ворвётся в его голову, , последний светлячок крайний раз кинет взгляд на кричащего мужчину и устремится вверх, в ясное голубое небо нового дня.

Глава 14

У вас нет глаз, сестра

Вся следующая неделя вплоть до самой пятницы слилась в его памяти в один сплошной длинный день. Та ночь, в которую его нашли в тёмном переулке и отвезли в ближайшую больницу, врывалась яркими вспышками в его беспокойные дневные сны. Он плохо помнил крики истерившей матери, в голосе которой не было и грамма любви – только сплошная ненависть и злость.. Но зато как врезались в его память эти бесконечные ночи, когда весь мир казался нереальным, температура тела подскакивала до 39 градусов, а сам он больше всего на свете хотел умереть, лишь бы не чувствовать эту пронизывающую насквозь головную боль!

Она, тупая и ноющая, сопровождала его всё время, куда бы он ни пошёл. Только спустя пару дней Женя начал чувствовать, как она затухает и пропадает на фоне проясняющегося мира, временами напоминая о себе глубокой ночью. Все мысли будто потеряли свои контуры и очертания; голову застилал густой туман, и лишь редкие образы виднелись сквозь плотный занавес этого дыма. Весь мир казался Жене чем-то нереальным, и единственным, что занимало место в действительности, была боль, затухающая и воспламеняющаяся вновь. И каждый день, прошедший в стенах этой больницы,

казался ему бесконечным аттракционом в парке самого Сатаны, смеющимся над каждым нелепым движением Жени, когда тот пытался самостоятельно встать с кровати.

Он не запоминал мечущихся над ним лиц, не узнавал срывающийся голос матери и не понимал, когда спит, а когда находится в сознании. Лишь один раз оно взорвалось яркой вспышкой, когда в одном из коридоров он встретился взглядом с такими же потухшими серыми глазами больной женщины, после его разум вновь окунулся в небытие.

Со временем туман начал рассеиваться, и вскоре Женя мог уже мыслить, радуясь такой простой, но безумно приятной способности. Ему было шестнадцать, и организм его шёл на поправку с удивительной скоростью – с той, с которой могут восстанавливаться лишь крепкие молодые юноши. Втайне от медсестёр он начал давать себе небольшие физические нагрузки, стискивая зубы и подавляя собственные стоны. Он не мог себе позволить, чтобы мышцы ослабли и потеряли былую форму, хоть тело его так и противилось каким-либо тренировкам. Женя заставлял себя есть через силу, и каждый раз организм отвергал всё съеденное, выворачивая желудок наизнанку. Он пробирался сквозь туман и каждый день приближался к свету потухшего сознания, что было спрятано под занавесом обезболивающих.

День сменялся ночью, сон сменялся явью, и туман становился всё бледнее и бледнее, пока вовсе не растворился, подобно рассеивающемуся дыму. И произошло это субботним

утром 23 мая, когда ни одна из медсестёр не зашла в отдельную палату Жени. В этот день у него должна была быть какая-то процедура, не нёсшая в себе ничего конкретного – лишь ноющую боль и неприятные ощущения. После этого ему сразу давали обезболивающее, утаскивающее ослабленное сознание в плен крепкого сна. И лишь полная темнота сопровождала его до новых приступов боли и процедур, пока скованный разум был окутан плотным туманом забвения.

Но в то утро Женя проснулся не оттого, что его вежливо будила медсестра, а сам, по-настоящему удивившись своей ясной голове, мысли в которой не были скованы в наручники, а чувства вновь обрели свою невероятную яркость. Он не помнил, сколько пролежал в постели. За последние дни время перестало быть для него чем-то понятным и осязаемым, так что все пролетающие мимо минуты и часы сливались в сознании во что-то целое, что никак нельзя было понять, не разрезав это на мелкие-мелкие куски.

И сейчас его мозг, похоже, именно этим и занимался – разрезал себя на множество кусочков.

Женя опустил босые ноги на пол и тут же ощутил тупую боль в затылке, посылавшую мощные удары в самый центр головы. Он чувствовал сковывающие его движения бинты и, опустив глаза вниз, увидел, что большая часть его торса перебинтована. Не считая множества повязок, он был одет только в одни чёрно-красные трусы с Микки Маусом – единственные, которые в тот день были сухими в доме.

Верхняя часть живота казалась Жене медленно затухающим пожаром, оставляющим после себя лишь выжженную почву. Перед глазами чётко всплыл момент, когда его рвало на лежащие камни, а рёбра во всю мощь пели свою симфонию боли, пока сам он задыхался, пытаясь схватить как можно больше воздуха.

Женя тряхнул головой и встал на ноги.

Он начал медленно идти к белой двери, но остановился недалеко от неё, напротив раковины и расположенного над ним зеркальца. Он подошёл ближе и внимательно стал осматривать того незнакомца в отражении, что глядел на него с удивлением и страхом в глазах.

Его лицо отлично бы сошло за хэллоуиновскую маску, и маска эта привела бы в ужас любого ребёнка. Под глазами, на скулах и на лбу красовалось множество уже почти заживших царапин, а над левым глазом и вовсе была испорота кожа, открывающая вид на свежее мясо. Раны практически зажили, но вот правую часть лица покрывал тёмно-фиолетовый ковёр застывшей внутри крови. Эти синяки ещё долго не пройдут и буду напоминать о той ночи своим пугающим видом, пока с кожи не исчезнет этот фиолетовый плед темноты, превратившись в жёлтый.

Но эти глаза...

Его глаза были живыми, и в этой израненной пустоши боли они светились яркими огнями, что полыхали мощью и энергией. Наконец трезвость ворвалась в его затуманенный

мир, и наплевать, что она принесла с собой боль. Он мог думать и думать предельно ясно! И лишь такая простая, но столь необходимая возможность заставила появиться улыбку на полутёмном лице.

Женя повернулся спиной к зеркалу и максимально выгнул шею, чтобы осмотреть свой торс с другой стороны. Он также был перевязан бинтами, но там, где ещё виднелась кожа, Женя смог разглядеть полосы бледно-розовой плоти, что уже затягивались заживляющейся тканью. Ноги его были целы и лишь слегка подрагивали после пробуждения. Всё остальное же было в порядке, и, насколько ему хватало знаний в медицине, Женя решил, что ему крупно повезло, и практически ничего серьёзного у него нет. Разве что треснувшие рёбра, но в наше время такую ерунду мигом выправляют, так что да – ему повезло. Царапины и синяки пройдут, кости срастутся, а мозги его вроде как остались на месте, так что всё хорошо, и жизнь у него будет прекрасной.

Женя в последний раз прошёлся взглядом по своему телу и, с всё ещё босыми ногами, открыл дверь, выходя из своей палаты. Его встретила мёртвая тишина и длинный пустой коридор больницы, освещаемый лишь утренними солнечными лучами. Приоткрытые по бокам двери о чём-то умалчивали и готовы были поделиться секретом, как только кто-то распахнёт одну из них и войдёт в резко притихшую полутьму. Коридор казался Жене заброшенным тоннелем, бесконечно тянувшимся вдаль и проглотившим маленького мальчишку,

что стоял абсолютно один на обжигающем холодом полу. Ни одного человека, ни одного звука и ни одного намёка на бушующую в больнице жизнь. Лишь мёртвая тишина поглотила собою мир, оставив место только равнодушному, простирающемуся сквозь окна свету.

Женя нервно сглотнул и ясно услышал щелчок в гортани, стенки которой, по ощущениям, ничем не отличались от наждачной бумаги. Вместе с трезвостью рассудка в его организм ворвалась и жажда, что диктовала свои условия пересохшим горлом и отмершим нёбом. Облизнув сухие губы, он двинулся вперёд и крикнул:

– Эй! – Но крик этот больше был похож на хрип, и Жене пришлось хорошо прокашляться, чтобы вернуть себе былую силу голоса. – Э-э-эй! – Эхо отдалось от стен мощной волной, вернув Женю в тёмный переулок той ясной ночью, когда тело его было ещё цело, сам он смело шёл на обрамлённые луной силуэты, и уверенность в своих действиях пылала в нём огнём собственной веры. Но сейчас, стоя в окружении мёртвых стен больницы, еле передвигаясь из-за сковывающих движения бинтов, и больше похожий на полуночного зомби, застрявшего в людском доме, Женя невольно вздрогнул, ощутив себя в двух временах одновременно. Но тем не менее он продолжал идти, и пока шаги его становились всё твёрже, слова эхом разносились по опустевшим коридорам больницы. – Меня кто-нибудь слышит?! Здесь вообще кто-то есть?! ЭЙ! МЕНЯ КТО-НИБУДЬ СЛЫШИТ, ЧЁРТ ВОЗЬ-

МИ?!

Но ответом ему послужило лишь отражение собственного голоса. Двери всё так же смотрели на него мёртвой пустотой той темноты, что просачивалась через узкие приоткрытые щели. Они будто нашёптывали ему колыбельную одинокой смерти, и бесчисленное их множество, простирающееся вдоль стен пустого коридора, давило на сознание своей численностью и тягучей тишиной, пока из приоткрытых дверей на него глядели пустые глаза мертвецов. И глядели с ненавистью, пропитавшейся в чувствах полной несправедливости. Глаза эти не показывались, Женя не мог их увидеть, не мог разглядеть наполненные кровью и обозлённые зрачки, но он их **чувствовал** и ощущал их взгляд на себе так же ясно, как и взгляд того светлячка, что подлетел к нему в тених переулка. Они смотрели на него, и с каждой секундой, проведённой в давящих стенах этого коридора, Женя становился всё более уверенным в том, что сойдёт с ума, если тут же не убежит отсюда.

Он рванул с места, и во всей больнице, в каждом её затихшем уголке чётко отдавались его ускоряющиеся шаги. Сотни шепчущих глаз смотрели ему в спину, и лишь стучащая в висках кровь не позволяла им пробраться в его голову. Они желали его. Жаждали видеть его в строю незаслуженно покинувших этот мир и наносили удары по защищающемуся мозгу. Их ненависть и горечь впитались в навечно застывший воздух, и пока Женя нёсся сквозь полутёмный тоннель,

тягучий запах смерти затягивался в его лёгкие, наполняя собой разбухающие альвеолы.

Оказывается, смерть пахнет больницей.

Женя выбежал из коридора и рефлекторно свернул налево, к ведущей вниз лестнице. Держась за перила и неуклюже перепрыгивая сразу несколько ступенек, он добрался до первого этажа и прислонился к стене, чувствуя нарастающую боль в ногах и собственное тяжёлое дыхание. Его голова начала слабо пульсировать, и вновь больной затылок напомнил о себе застилающим мир гудением. Действительность снова утратила свои краски и стала бледнеть на фоне сгущающихся чёрных точек. Они танцевали в медленном вальсе скрепившихся пар, всё сближаясь и сближаясь друг с другом, окуная мир в непроглядную тьму.

Женя ударил себя по здоровой щеке, и мир снова обрёл былую яркость.

И первое бросилось в глаза то, что было сейчас превыше всего – кувшин с кристально чистой водой, стоящий на опустевшем сестринском посту. Он подошёл к нему, всё ещё окружённый молчаливым одиночеством, и, не обратив внимания на стоящую рядом кружку, взял кувшин и начал пить прямо из него. Холодная вода нещадно обжигала горло, но он продолжал пить и наслаждаться прелестным вкусом этого, казалось бы, обычного сокровища, дарованного людям природой – вкусом прохладной воды. Она стекала на его грудь и бинты, оставляя на них тёмные пятна. Смачивала его

сухие губы и приносила жизнь бьющемуся сердцу, потухающему сознанию. Вода сейчас казалась ему лучшей наградой, и ценность её сейчас была на самой вершине всех приоритетов.

Когда Женя полностью осушил кувшин, он поставил его на место и кинул взгляд на сестринский пост.

На него смотрели пустые глазницы гниющего черепа. В крошечной тьме их углублений частично проглядывали кусочки вырванной плоти. То, что когда-то было лицом молодой девушки, стало наполовину разложившейся кучей мяса, костей и обвисшей кожи. Только сейчас до Жени донеслось то зловоние, что исходило от разлагающегося тела. Окутанный не до конца съеденным мясом скелет развалился на стуле, и лишь стоящая рядом фотография, на которой искренне смеялась темноволосая девушка, подсказывала, что когда-то эти проглядывающие сквозь обкусанную кожу зубы ярко блестели белизной из-под счастливой улыбки. Тусклые волосы обрамляли улыбающийся череп тонкими прядями, и мёртвая ухмылка растелилась на кровавой маске смерти. В залитой алым шее было прорыто множество маленьких тоннелей, ведущих прямо к желудку – вспоротому, внутренности которого вытащили наружу. Подобно вязкому желе они свисали с подкладки стула, а некоторые из них обволокли своей массой ноги медсестры.

И спрятанные в глубоких отверстиях глаз зрачки смотрели на Женю с той ненавистью, что сочилась из щелей приот-

крытых дверей. Глаза эти впитали в себя всю силу тех оболённых взглядов и еле сдерживали пылающую ярость, огонь которой мог зажечься в этой пугающей тьме.

Женя резко отпрянул и, прислонившись к стене, извёрг из себя всю выпитую воду. Его организм не унимался даже тогда, когда желудок полностью опустошился, а сам он начал задыхаться, выплёвывая из себя тяжёлый воздух. Когда рвота прекратилась, Женя, не поворачиваясь к следящим за ним глазницам, пошёл прочь от сестринского поста и от сияющей мёртвой улыбкой девушки. Он шёл вдоль стены, и у входа на лестничную площадку его снова вырвало, но лишь собственными слюнями. Придя в себя, он вновь пошёл по коридору и, лишь когда поднял взгляд, понял, что возвращается к медсестре. Женя резко подался в сторону, и незакрытая дверь распахнулась под его весом. Ноги начали заплетаться, и только достойная реакция помогла ему вовремя схватиться за ручку и не упасть на пол.

Он повернулся и оглядел палату, в которую ворвался.

На расположенной у окна кровати лежала полностью обнажённая девушка, лицо которой закрывали светло-русые волосы. Лучи утреннего солнца освещали её спину и идеальные изгибы стройной талии. Одеяло чуть прикрывало собой упругие ягодички, чьи формы зажгли слабую искру в паху Жени. Чистота её кожи была прекрасной, и даже то, как она лежала, выдавало в этой женщине невероятную грацию и изящество. Прижатые к матрасу груди свели бы с

ума большинство мужчин, и просачивающийся сквозь окно свет только доказывал безумную притягательность этого тела, красота которого ещё больше подчёркивалась на чистом белом белье.

И внезапная инстинктивная вспышка в глазах Жени заставила его позабыть о пустых глазницах гниющей медсестры и сотрясающую тело боль. Он даже не успел удивиться, что нашёл живого человека, и сомнений в этом быть не могло – осветлённая солнцем спина медленно поднималась и опускалась. И лишь когда мимолётная похоть потухла в его зрачках, на смену ей пришёл стыд и лёгкое смущение, хоть девушка всё так же продолжала спать. Женя, до этого ни разу не видевший оголённого женского тела вживую, почувствовал жгучий ток возбуждения в своих венах и с большим трудом заставил себя отвернуться от того, что магнитом притягивало к себе взгляд голодных глаз.

Только когда разум вновь встал за рычажки мозга, он осознал, что на всю больницу встретил только одного живого человека, и человек этот прямо сейчас находится перед ним – крепко спит, обнимая руками подушку.

Стараясь не смотреть на манящую округлость её крутых бёдер, спрятанные за краем одеяла упругие ягодицы и соблазняяще голую спину, Женя потряс девушку за плечо, и когда та издала еле слышный стон, он понял, что стоит в одних трусах, а на торсе его блестели капли пролитой им воды. Стон пробуждения усилился, и мышцы на женских пле-

чах напряглись, когда всё её тело начало вытягиваться вдоль постели. Он перестал её будить и невольно бросил взгляд на приподнявшиеся над матрасом груди, что тут же скрыли плотным занавесом упавшие волосы. Девушка приподняла голову, и сквозь свисающие русые пряди Женя увидел пару смотрящих на него серых глаз, ещё не проснувшихся от глубокого сна, и тут же почувствовал, как загорелось всё его тело, отдаваясь порывами огня на самых кончиках пальцев.

Он **знал** этот взгляд. Сам не понимал откуда, но был полон уверенности, что знал. Взгляд этих чистых серых глаз уже как-то встречался с его карими, но ведь такие пустяки, такие незаметные вещи люди никогда не запоминают. Особенно, когда они напичканы болеутоляющими.

Но тем не менее он помнил, как взорвалось его затуманенное сознание вспышкой яркого света, когда в одном из многочисленных коридоров он и она прошли мимо друг друга, лишь украдкой обменявшись взглядами. Но и этого мгновения хватило, чтобы пустить ясный луч света в крошечной тьме, окутавшей большую часть его дремлющего мозга.

Лицо девушки не было модельным идеалом, но имело свою особую привлекательность и красоту. Острые скулы выпирали из-под освещаемой солнцем кожи, а потрескавшиеся губы сжались в тонкую бледную линию. Слабые морщинки были у уголков рта, глаз и над переносицей, ясно давая понять, что девушка эта уже давно не старшеклассница. Женя предположил, что морщинки эти – по крайней мере, боль-

шая их часть – образовались недавно, и причина их появления могла быть довольно серьёзной. Но когда они разгладись, а проснувшиеся глаза ярко горели из-за прячущих лицо волос, он подумал, что девушке не больше двадцати пяти лет, и в жизни её случилось нечто ужасное, причём – совсем недавно.

Она оглядывала его пару секунд, ещё не осознав, что лежит полностью голая, и спросила:

– Ты кто?

Женя, отвернувшись, сказал:

– Давай ты сначала оденешься, а то я с тобой не смогу нормально говорить.

Последовала небольшая пауза, после чего он услышал, как босые ступни встали на пол. За его спиной послышались мерные шаги, и уже вскоре палату заполнил звук застёгивающейся молнии и трущейся о кожу ткани. До него донёлся чуть хрипловатый, но не лишённый своего звучания женский голос:

– Да ты сам особо не наряжался, красавчик. Милые трусишки, правда, я не понимаю, зачем ты их надел. Что вам от меня опять нужно, а?

– Вам?

– Ну да, вам, докторам-садистам. – Она подошла к нему и встала напротив, продолжая говорить. – Послушай, я больше не буду... – Она замолчала, как только увидела его лицо. Женя был на порядок выше её, но даже так он разглядел в её

изучающих глазах удивление и слабое замешательство. Но на секунду, лишь на короткое мгновение, в них промелькнуло что-то ещё, и он сразу понял что.

Это был страх. Страх не отпускающий и постоянно обещающий, что прошедшие неприятности вновь постучатся в дверь её уютного дома – центра души и сердца, взорвавшегося криком умирающего ребёнка.

– Так ты не из докторов?

– Ну, на медсестру я не очень похож.

Он надеялся, что сможет этой фразой слегка разрядить обстановку, но увидел, что даже слабая улыбка не тронула её губы. Плохо скрываемая в глазах тревога проявлялась в быстрых движениях чёрных зрачков, и в их отражении Женя увидел своё обезображенное лицо – маску тёмно-фиолетового монстра. И когда девушка заговорила вновь, Женя невольно вздрогнул, услышав тронувшее его отчаяние в этом голосе:

– Так зачем ты пришёл?

Он отвёл взгляд и посмотрел в окно, где простиралось чистое голубое небо без единого облачка или тучки – достаточно редкий пейзаж для вечно пасмурного Петербурга, чтобы ему обрадоваться. Погода была просто превосходной, и день обещал быть нескучным на радость и оптимизм.

Если бы не вымерла вся больница.

Внезапно яркую голубизну неба затмили пустые глазницы мёртвой сестры. В их скрывающей тьме копошилось множе-

ство маленьких лапок, и хоть Женя понятия не имел, что произошло с молодой, когда-то красивой темноволосой девушкой, почему-то он был уверен – и уверен непоколебимо, – что каким-то образом к этому причастен тот светлячок, что оглядывал его, окровавленного и стонущего в тёмном узком коридоре кирпичных домов той самой ночью, что занесла его в стены больницы. И уверенность эта пронизывала его сердце, в недрах которого стал зарождаться первобытный, но пока контролируемый страх. Давящая вокруг тишина придавала пустым глазницам пугающую реалистичность, и Женя всеми силами пытался прогнать этот образ из своей головы, сконцентрировавшись на ясном безоблачном небе.

В итоге он зажмурил глаза и, пройдясь по небольшой палате, открыл их и взглянул на стоящую у окна девушку. Прочистив горло, он спросил:

– Тебя как зовут?

– Может, ты мне сначала расскажешь, кто ты и зачем сюда пришёл?

Она поправила волосы, и теперь ничто не скрывало её решительного взгляда, взирающего на Женю прямо и неприкрыто. Она требовала ответа. Напрягшиеся скулы ясно давали понять, что мадам эта не успокоится, пока не добьётся того, чего желает. Девушка упёрла руки в бока, и жест этот показался Жене чем-то отдалённым, что напоминало женщину-воина.

– Ну? Ты ответишь или так и будешь стоять и молчать?

Её тон претендовал на властный, и даже несмотря на всё произошедшее с Женей, что-то в её голосе смогло задеть струнки его гордости. И ему это не понравилось. Но на лице это никак не проявилось, поэтому и голос его оставался спокойным:

– Слушай, давай я тебя введу в курс ситуации, и только потом ты будешь задавать свои вопросы, хорошо?

Она внимательно изучала его тело и лицо. Когда их взгляды встретились, он пытался его сдержать, но не смог. Одно дело – найти в себе смелость заступиться за человека в ночной уличной драке и сделать это, другое – смотреть в эти пытающие взглядом серые глаза. Девушка скрестила руки под грудью и, не переставая смотреть на него, сказала:

– Ладно, выкладывай.

Сконцентрировавшись на мыслях, Женя начал говорить:

– Короче, во всей больнице, скорее всего, никого нет. Кроме тебя и меня. Я кричал в коридоре этажом выше, – он осёкся, но продолжил, – и никто не ответил. Я не знаю, где все. Правда, не знаю. Может, всех эвакуировали по какой-то причине, но тогда почему мы остались здесь? А может, сейчас просто... – Но он знал, что никакой эвакуации не было, и докладательство тому сейчас находилось за перегородкой сестринского поста. – Хорошо... Если честно, я не знаю, есть ли здесь ещё хоть кто-нибудь живой. И там... – Рвота подкатила к горлу, и лишь невероятные усилия помогли не вырваться ей наружу. – Там труп. Труп девушки. Обглоданный и уже

начавший гнить. Совсем недалеко отсюда по коридору.

– Хреновый из тебя шутник.

– Хочешь – иди сама посмотри.

Он взглянул в её глаза и сдержал взгляд. Она неотступно смотрела на него, не веря ему и выискивая признаки лжи на полуфиолетовом лице.

– А я и посмотрю.

После этих слов она вышла из палаты, и Женя тут же последовал за ней, зная, что произойдёт дальше. И не прогадал. Как только они подошли к посту и заглянули за стойку (точнее, только девушка – сам он старался не смотреть на обслуживающую их медсестру), Женя увидел, как женские руки поднялись к напрягшемуся лицу, прикрывая рот, и тут же среагировал, собрав все русые волосы девушки над головой. Её вырвало, и пока он не позволял светлым прядям упасть вниз, всё же не удержался и кинул быстрый взгляд на бездонные глаза. Мгновенно отвернувшись, он сразу пожалел об этом и начал ругать себя за то, что сорвался и посмотрел.

Когда слышались крайние сплёвывания, Женя, всё ещё придерживая волосы, нагнулся и уже с большей смелостью заглянул в серые глаза. Когда их взгляды встретились, он сказал:

– Теперь веришь?

Девушка крайний раз сплюнула и проговорила:

– Да пошёл ты.

На избитом юношеском лице расплылась ухмыляющаяся

улыбка, и глаза над ней искренне засмеялись.

– Я тоже безумно рад познакомиться.

Глава 15

Лапки, счастье и гудки

Он похоронил своих родителей.

Их тела – точнее, то, что от них осталось – теперь покоились в рыхлой земле лужайки под их многоквартирным домом. Пот тёк по коже Егора, и слёзы его сливались с многочисленными блестящими на солнце ручейками. На всю пустую (**омертвевшую**, подумал Егор) улицу разносились только его стоны, пробивающиеся сквозь частые всхлипы. Он не чувствовал тошнотворного запаха, исходящего от тел родителей, пока пронзал острием лопаты землю. Не чувствовал боли в мышцах, когда полностью вымокшая футболка облепила собой торс. Палящее солнце не щадило его открытую для лучей голову, и уже вскоре шатающаяся земля начала уходить из-под ног, но он всё равно продолжал копать, хоть и чувствовал, что роет могилу самому себе.

Егор не помнил, в каком порядке произошли сегодняшние события. Все они слились в один сплошной вихрь, и лишь некоторые фрагменты ярко всплывали в его голове.

Он помнил, как проснулся без пугающего похмелья и улыбнулся тому, что организм его ещё совсем юн и достаточно крепок, чтобы полностью восстановиться за ночь после выпитого алкоголя. Помнил, как напевал песню

«Everybody's Gonna Know My Name» группы Watt White, пока, стоя перед зеркалом, чистил свои зубы. Он запомнил, каким счастливым и бодрым он выглядел этим утром и какими яркими красками играл мир вокруг него.

Пока он не зашёл в спальню родителей.

Потом память резко обрывается. Лишь застывшие во времени кадры всплывали в его голове подобно жутким воспоминаниям человека, пережившего ужасную аварию. На одном из них Егор молча сидел в двуспальной кровати своих родителей, окружённый наполовину съеденными телами, по которым он еле смог распознать маму и папу. Он просто сидел и, обняв колени и прижав их к груди, неподвижно смотрел на одну, видимую только ему точку. Потом кадр сменился, и уже на нём он стоял на кухне и глядел на разбитую по полу посуду и всю перевёрнутую мебель. Грудь его тяжело поднималась, а кисти кровоточили из-за попавших в них осколков чайного сервиза. Далее он опять увидел, как, улыбаясь, он умывал лицо гелем от прыщей. Его улыбка сияла в отражении зеркала, пока в соседней комнате на залитой кровью простыне лежали остатки мамы и папы. Следующий фрагмент, и он обнимал тело матери, чувствуя, как проваливается плоть под его пальцами, и как воняет из дыр в её разорванной коже. Но он этого не замечал и просто обнимал маму, свою маму – любимую и всегда прекрасную, и всё равно на то, что вместо глаз у неё были две огромные ямы, из которых выглядывали маленькие оторванные лапки.

Лапки...

Егор перестал засыпать тела землёй и застыл. Рыхлая почва уже забила собой глазные отверстия его родителей, но даже при таком условии он смог бы их раскопать и заглянуть внутрь глазниц, найдя там эти проклятые лапки. Но только от одной мысли об этом – о том, чтобы всмотреться в бездонные глаза его матери и перед этим прочистить их от грязи своими пальцами – к горлу подкатила тошнота. Мир терял свои очертания, смещался в одну маленькую точку нереальности, и Егор всерьёз начал бояться, как бы он не упал третьим в их семейную могилу, но всё же нашёл в себе силы закончить начатое, предварительно сняв футболку.

Капли пота скатывались по рельефным мышцам спины, и блестящую его кожу подогревали лучи бушующего солнца. Разум опустошился, и лишь одно слово крутилось в готовой взорваться голове.

Лапки...

Он не помнил, сколько прошло времени к тому моменту, как он закончил. Ему нужен был отдых и сон. Здоровый, крепкий и без кошмаров. Но возвращаться домой он не хотел – в то место, что стало воротами смерти для мамы и папы – и поэтому лёг прямо на утрамбованную им землю, прикрыв голову мокрой от пота футболкой. Солнце обдавало его тело теплом, и тепло это также отдавалось от нагретой почвы, что теперь хранила в себе два наполовину обглоданных тела.

Егор лежал поверх своих мёртвых родителей, разделён-

ный с ними несколькими метрами земли. Лежал и плакал в вонючую футболку, один на всей улице. И пока белая ткань впитывала жгучие слёзы юноши, в его квартире на прикроватной тумбочке без умолку звонил телефон, на экране которого крупными белыми буквами было выведено «ВІКА

***

Утро Джонни началось прекрасно, и сияющее в ясном небе солнце лишь подтверждало этот жизнерадостный факт. Проснулся он с улыбкой, вспоминая безудержные крики той молоденькой учительницы начальных классов. Ух, и как она визжала! Такую радость Джонни не испытывал давно и в знак благодарности убил преподашу быстро и безболезненно, разорвав её голову выстрелом своего «магнума». Её пухленькие губы и пышные формы тела безумно возбуждали его, но в настоящий экстаз он приходил только тогда, когда её сопли, слёзы и кровь смешивались воедино на рыдающем лице, а сама она умоляла его о пощаде и кричала, кричала, кричала! Кричала так, что оргазм его добрался до вершины Эвереста и преодолевал космос! И космос этот был настолько бездонным, что смог приглушить звук выстрела и хлопанье расплескавшихся частей головы.

Каждое утро Джонни пробегал в парке пару километров в среднем, даже слегка медленном темпе, после чего возвращался в свою берлогу и, принимая душ, мастурбировал. Ко-

нечно, со временем возраст начал давать о себе знать, и теперь не всегда утренние процедуры соблюдались полностью. На улице он не заметил абсолютно никого и, списав всё на ранний час (как-никак, шесть утра), продолжил бегать по опустевшим улицам и безлюдному парку. На одном из встретившихся ему плакатов был изображён огромный светлячок, грозивший людям расправой над ними. Джонни, долго не думая, спустил штаны и направил струю своего гидранта на рисунок. Он смеялся и смеялся свободно, потому что уже понял, что многие твари на этой планете, именуемые людьми, теперь больше никогда не выйдут из своих жалких норок. Зная, что стоит абсолютно один на ближайшую пару улиц, он что есть мочи заорал и, когда напор в его шланге начал спадать, залился искренним смехом, рвущимся из самых глубин сердца.

По дороге домой он встретил только старую кошку и, облизнув сухие губы, с силой пнул её, с огромным удовольствием посмотрев на то, как шерстяное тельце взлетело из-под носка кроссовка и врезалось в кирпичную стену, после чего тихо замяукало.

Джонни Райз, улыбаясь, прогуливался по городу и возвращался домой. День начинался как нельзя отлично!

***

Её глаза блестели от готовых сорваться слёз, а губы некон-

тролируемо дрожали. Она не понимала, что происходит, и лишь молилась Богу, прижимая телефон к уху и надеясь, что Егор всё-таки возьмёт трубку. Он не мог быть среди них, нет, не мог.

Он не мог быть среди исчезнувших.

Вика отказывалась в это верить и ещё сильнее начала сжимать телефон. Она чувствовала хлещущую её мозг панику. Никто не отвечает.

Никто...

Ни мама, ни папа, ни бабушка. У всех лишь сплошные гудки, и теперь они раздавались и у Егора тоже. Если он не ответит, то она точно сойдёт с ума и забьётся в истерике.

И сейчас некому было её успокоить.

Господи, ну что ж он не отвечает?! Почему вдруг все исчезли сегодняшним утром?! Почему вдруг мир объявил ей бойкот, не оставив ни одного живого человека?! ПОЧЕМУ?!

Её мама поехала прошлым вечером в больницу к отцу – навестить его и просто провести время вместе. Вику же она оставила дома, наказав готовиться к совсем скорым экзаменам. Ближе к ночи она позвонила своей дочери и сказала, что не вернётся домой и заночует в больнице рядышком с папой. С ней всё в порядке и всё хорошо, просто она хочет побыть с покалеченным мужем. Вика спорить не стала, так как слишком хорошо знала свою мать: спорить с ней бесполезно и себе дороже. Поэтому она ответила, что пусть остаётся в больнице, раз того хочет – она сама сможет пригото-

вить себе завтрак и разгрузить стиральную машинку, развесив и после погладив бельё.

Но чем дольше утренняя тишина оставалась безмолвной, тем сильнее росла тревога в её груди. Она смотрела телевизор и ела йогурт, когда решила взять телефон и позвонить маме, спросив, всё ли у неё хорошо. Но после сотни монотонных гудков в вызовах мамы и папы Вика по-настоящему занервничала. В сознании яркой вспышкой загорелась окутанная огнём машина, смятая, вогнанная в другую, распластавшаяся горой мусора на месте аварии. Что-то с ними явно случилось, и явно что-то ужасное. Настолько ужасное, что способно омрачить и полностью перевернуть её жизнь, обратив лицом к тёмной стороне.

Сердце отдавалось бешеным ритмом во всём дрожащем теле, и Вика чувствовала – чувствовала уже на физическом уровне, – как тяжёлые пальцы страха и паники начали сжимать напряжённое горло. Лишь бы Егор ответил, лишь бы он ответил, и она услышат его голос – такой мягкий и успокаивающий, и простит его, простит за всё, лишь бы он успокоил её и остался жив, не исчез и не бросил её. О, Егор, ответь, пожалуйста! Скажи хоть слово в этот грёбанный телефон и успокой меня, прошу, прошу, прошу! Окажись живым и не покидай меня! Прости! Прости за всё! Я люблю тебя и люблю больше всего в жизни, только, пожалуйста, ответь. ОТВЕТЬ МНЕ! Не покидай меня, не покидай меня. Не покидай...

Но гудки оставались равнодушными к её молитвам и продолжали монотонно стучать в голове. Вика никогда в жизни не грызла ногти, но сейчас ей это казалось жизненно необходимым, и она сама не заметила, как поднесла руку ко рту и вцепилась зубами в недавно покрашенные ногти. Ну же, от-
веть, чёрт возьми! Ты не можешь быть там, среди исчезнувших! **НЕ МОЖЕШЬ!**

Она смотрела на пустынную улицу из открытого окна своей комнаты, и тёплый ветер играл с её яркими рыжими волосами. Весь мир внезапно потух и окунулся в мёртвую тишину. Только хладнокровные гудки эхом разносились по её мечущемуся сознанию. Только боль от прижатого к уху телефона пыталась пробиться сквозь потухшие органы чувств, и казалось, даже сердце остановилось, ожидая услышать такой родной, до мурашек приятный голос её мужчины.

Но мозг пронзил холодный голос робота-телефонистки, извещавший о том, что абонент занят. **ЗАНЯТ! ЗАНЯТ, ЧЁРТ ВОЗЬМИ! ОН, МОЖЕТ БЫТЬ, УМЕР, А НИ ХРЕНА НЕ ЗАНЯТ!**

Телефон с грохотом влетел в шкаф, и Вика тихо сползла по стене. Она спрятала голову в коленях и, обхватив их руками, зарыдала. Сдерживаемые до этого эмоции хлынули потоком жгучих слёз и громких стонов, пробивающихся сквозь набирающие силу всхлипы. И пока весь мир – всё, что окружало её вокруг – не издавал ни звука, Вика без остановки шептала:

– Где все? Где все? Где все? Где...

***

В субботнее утро 23 мая Петербург проснулся совершенно иным, и впервые за всю историю города его улицы были столь пусты. Палящее жаром солнце нависло в ясном небе над крышами уже не жилых домов. Ветер подхватывал разбросанные человеком фантики и играл с ними на безлюдных дорогах и переходах, иногда хулигански подкидывая мусор в открытые настежь окна. Над Финским заливом в дружном потоке кружили чайки, и, кажется, дела у них шли просто отлично, потому что они ещё не встретили ни одного рыбака, что всегда отбирали у них вкусную рыбу. На некоторых трассах ещё продолжали дымиться столкнувшиеся машины, ведь хозяева их покинули мир ровно в тот момент, когда сами они были за рулём своих любимых автомобилей. Все они навечно застыли либо на дорогах, либо во дворах или вообще слетели в кювет. Теперь ни в одной из них никогда не провернётся ключ зажигания, после чего раздастся ласкающий уши рёв двигателя. Они стали бесполезной грудой металлолома, смотревшей на уходящий мир с того места, где в последний раз их оставили хозяева.

Роман Невляев, подающий надежды молодой журналист, возвращался прошедшей ночью домой на своём «шевроле-камаро». Улыбка сияла на его лице искренней радостью юного мальчишки, и ведь был повод! Его статью одобрил сам глава журнала «Success», и теперь его хотят взять в штат! В

штат и платить по полной ставке! И хоть Рома ехал один, он искренне рассмеялся белой полосе, что вдруг наступила в его жизни. Родители не верили в удачную журналистскую карьеру сына, а сам он верил всей душой и доказал! Да! Доказал и оправдал свою веру! Его жизнь явно стала налаживаться, и Рома мысленно поблагодарил Бога за то, что тот осветил его тёмный коридор ясным лучом и помог найти направление в жизни.

И улыбка его не спала даже тогда, когда армия светлячков разбила лобовое стекло и впиалась в счастливые глаза юноши. Он умер быстро, не заметив, что произошло. Пока сотни жучков прогрызали ещё тёплую плоть, «камаро» продолжал ехать, увеличивая скорость. Он врезался в одну из бензоколонок заправки, и весь ближайший квартал окрасился багровым светом, затмившим собою ночное небо. И жарким субботним утром пожар этот продолжал бушевать, будто понимал, что никто его теперь не потушит.

Ночь эта стала роковой для многих туристов, приехавших полюбоваться красотами культурной столицы России. Когда их маленький корабль проплывал по Неве, а экскурсовод во всех красках описывал историю города (и, конечно же, приманку для вновь прибывших иностранцев – «питерских светлячков»), один маленький китайский мальчик заметил вдали мерцающий огонёк и тут же рассказал об этом маме. Вскоре над рекой поднялись сотни и сотни сияющих жёлтым фонариков, и все, кто были на теплоходе, заулыбались. Они

заплодировали, и аплодировал громче всех именно экскурсовод, явно довольный тем, что именно в его смену на тёмном ночном небе перед ними предстала такая красота. Мягкое мерцание отдавалось слабым отражением в десятках широко раскрытых глаз, и сияние это всё приближалось и приближалось, пока не затмило собой весь мир.

И уже через минуту по молчаливой Неве плыл заполненный до отказа кораблик, пассажиры которого взирали на город пустыми глазницами, из глубин которых просачивался мягкий жёлтый свет.

Петербург умер. Смерть его настала именно той ночью, впитавшей в свою тишину море пролитой крови, через которую пробивались истошные крики умирающих людей. И лишь немногие, совершенно разные люди смогли открыть глаза следующим утром. Но большинство из них вскоре пожалеют, что выжили, как только увидят, во что превратился мир.

В огромный скелет сгнувшей жизни.

Глава 16

Грация хищника

– Я люблю тебя.

Он прошептал ей это на ухо так нежно и ласково, что по её спине волной пробежали мурашки. Его рука – сильная и крепкая – легла на её талию, и сердце от этого забилося ещё чаще, ещё сильнее и мощнее, отдаваясь гулкими ударами страсти в пылающей груди. Она обвила его шею руками и, прильнув к влажным губам, тихо проговорила:

– И я тебя. Больше всего на свете, Ром. – И прижалась к его разгорячённому телу, чувствуя обжигающий кожу пыл, что исходил от прерывистого, частого дыхания.

Они ехали в такси, удобно расположившись на заднем сиденье, и водитель, ощутив повисший в салоне автомобиля прилив бурной, еле сдерживаемой страсти, увеличил громкость радио, чтобы заглушить вздохи юных влюблённых. Небольшая бюджетная машина прорезала яркими лучами тихую ночь, и льющаяся из колонок музыка заглушала лёгкое покашливание двигателя под капотом. Ночь с 22 на 23 мая выдалась невероятно ясной. Звёзды сейчас казались не просто сияющими фонариками, которыми был усыпан тёмный-тёмный потолок, а живыми огнями – полыхающими и подмигивающими. Их белый свет рассеивался в свежем ноч-

ном воздухе, и даже в едущей сквозь полупустую дорогу машине воздух этот был настолько чистым, что при первом глубоком вдохе был способен вскружить голову.

Ночь... Как прекрасно это время суток! Именно тогда, когда светящее солнце сменяет покрывало глубокой темноты и сияние множества звёзд, мы становимся самими собой. Именно ночью каждый из нас готов снять маску лжи и показать миру и самому себе своё истинное, пусть и уставшее лицо. Сумерки покрывают багрянцем горизонты планеты, и вслед за ними наступают вечера, что приводят с собой волшебство. Когда луна вырисовывается на фоне молчаливого неба, даже самое окаменевшее, самое хладнокровное и покрытое льдом сердце хоть на секунду, да поверит в чудо. Глубокой ночью мы готовы поверить во всё, и крепкие врата нашей души начинают открываться пред тем, кто смог стать для нас достаточно близким. Искренность. Она переливается через края наполненной чаши трепыхающегося сердца, когда мы, вместо того чтобы спать, проводим время с важным, любимым человеком. Внезапно в обыденных вещах проглядывает скрытая при свете дня красота, и как же вскипает в наших венах энергия! Какой сильный порыв действовать просыпается в нашем сознании, и как полыхают огни решимости в наших глазах! Ночь! Как же хочется творить и создавать нечто новое! И как хочется любить! Любить всем сердцем и обнимать **того самого** человека, чувствуя биение его сердца своим!

И Она любила. Она рисовала картины бессонными ночами, и произведения её смело могли претендовать на звание шедевров современного, настоящего искусства, но они всё так же оставались безымянными холстами, аккуратно сложенными в углу комнаты. Но этой ночью Она поехала с ним, со своим мужчиной, в парк развлечений. И теперь, после того как Он мужественно провёл её через лабиринт страха, они ехали домой, еле сдерживая дикое желание наброситься друг на друга и начать срывать одежду прямо здесь, на покрытых дешёвой обшивкой сиденьях. Они ехали к нему домой. Лишь одна мысль о женском общежитии вызывала подступающую тошноту, но вот ночь... ночь, проведённая в его крепких и нежных объятиях, грела её душу.

Они слегка отпрянули друг от друга, и пока водитель бросал на них мимолётные взгляды, их глаза не отрывались друг от друга ни на секунду.

Влада была студенткой третьего курса медицинского колледжа, и хоть родители были против её поступления в вуз (бесчисленные долги отца наконец дали о себе знать, и теперь их и без того жалкая квартирка превратилась в оголённый призрак ушедших времён), но всё же она твёрдо намеревалась получить высшее образование и – да, папочка – стать полноценным хирургом. Она всегда шла всем наперекор, и именно эта её целеустремлённость так зацепила Рому, который познакомился с ней в автобусе одним ранним утром.

Он сидел на первом сиденье и ехал на лекцию по авиа-

строению – страсти, что была у него с детства. И когда уже его глаза начали закрываться, а лёгкая дремота стала поглощать сознание, передние двери открылись, и вошла она – девушка, влюбившая в себя Рому с первого взгляда. Влада была воплощением юности и красоты, грация которой не покидала её ни на секунду. Она была высокой красавицей, и длинные её ноги, что магнитом притягивали жадные взгляды мужчин, скрывало ярко-оранжевое платье, лишь подчёркивающее стройность её фигуры. Небольшие груди проступали сквозь светлую ткань, и как же мягко ложился проникающий свет на её пепельно-русые волосы, что доходили ей до лопаток! Как заблестели её глаза, когда их взгляды встретились! Как трепыхнулось его сердце, как только он взглянул в эту тёмную зелень её радужек! Эти глаза ничем не отличались от миллионов им подобных, но в них таилась парализующая красота, и всё прекрасное, что скрывалось в глубинах зрачков, мог разглядеть лишь влюблённый в них или уже любящий человек. Тот, кто почувствовал встречный шёпот своей и чужой, такой прелестной души.

Влада вошла в салон автобуса, и её яркое платье тут же пробудило сознание Ромы, подогрев его интерес чётко выраженными, по-настоящему женскими ключицами, что виднелись в проделанном модельером вырезе. Она села рядом с Ромой, и тот почувствовал, как её бедро прислонилось к его потёртым джинсам. Влада уместила небольшую сумку на хрупких коленях и, достав плеер, стала слушать музыку, и

лишь один раз она взглянула на сидящего справа от неё парня – симпатичного брюнета, который сегодня утром, судя по всему, забыл побриться.

И только когда к ней подошёл кондуктор и попросил заплатить за проезд, с убивающим спокойствием она проговорила:

– Простите, но я забыла деньги дома. Если ещё когда-нибудь встречу вас в жизни, обещаю, отдам вдвое больше.

Подобное предложение кондуктору не понравилось, и после небольшой перепалки между молодой девушкой и грузным старичком Рома достал смятые купюры из кармана и предложил заплатить своими деньгами. Седовласый мужчина, чуть не доведённый до инфаркта наглым поведением девчонки, тут же выхватил купюры и, гневно посмотрев в уверенные тёмно-зелёные глаза, двинулся дальше. Рома рассчитывал на хоть и небольшую, но благодарность, но как только взглянул на обрамленное пепельными волосами лицо, увидел жёсткий упрёк, осуждающий его и пожирающий взглядом.

И тем не менее они познакомились. Их отношения чуть окрепли в зале кинотеатра, когда, случайно уснув, Влада положила свою голову Роме на плечо. Романтические прогулки по ночному городу и запоминающийся вкус её помады на губах... Ласкающие лунные лучи, что проводили бледными пальцами по её стройной фигуре, стали спутником их бурной страсти и нежной сладости, просыпавшейся под тём-

ным покровом ночи. Знакомство с родителями друг друга и адская пытка в бане с отцом Влады, ибо только достойный мог стать женихом его дорогой дочери. Весь прошедший год стал для Ромы белой полосой, ведущей вверх по лестнице саморазвития, и рука, тянущая его за собой, была рукой молодой девчонки, темнота чьих глаз освещала ему путь. Она стала для него источником вдохновения, он для неё – тем местом, где она могла показать свою слабость и побыть женщиной.

Они находили счастье друг в друге и приумножали его своей любовью. А началось это с простого упрёка и смятых купюр.

Сейчас они ехали к РOME домой, опьянённые присутствием друг друга и дребезжащей в воздухе страстью. Их влажные губы не желали разъединяться ни на секунду, и пока таксист молча вёз их по шоссе, тени играли в салоне автомобиля, танцуя на сиденьях с проникающим оранжевым светом фонарей. Небольшая машина разгонялась по пустой дороге, и теперь водитель ясно слышал кашляющий двигатель даже сквозь громкую музыку. Кашель всё учащался, но звук растёгивающейся молнии имел большую убедительность, тем более что женский голос навигатора сообщил о скором приближении к пункту назначения.

К пункту назначения.

Водитель надавил на педаль газа, и стрелка спидометра начала ползти к отметке **90**

Влада нехотя отодвигала крадущиеся к её бёдрам руки Ромы. Она пылала. Горела неистовым пламенем похоти, и сила этих чувств одновременно и пугала её, и приводила в экстаз. Никогда прежде она так не жаждала мужского тела! Ни разу в жизни она не чувствовала запах подступающего безумного секса, и тут в её лёгкие ворвался аромат его дезодоранта – безвкусного, дешёвого, но такого прекрасного! Её ноги сами по себе подогнулись, и она не заметила, как из её хрупкой груди вырвался протяжный стон. Влада позволила крепкой руке пройти по её плоскому животу и накрыть ладонью чашечку бюстгалтера. Его горячее дыхание не могло сравниться с жаром её кожи, а сердце, казалось, вот-вот пробьёт собой рёбра и вырвется наружу – навстречу другому палящему сердцу. Лишь сидящий спереди водитель заставил её чуть остудить (или попытаться остудить) свой пыл и на время спрятать в тени дикое желание отдаться своему мужчине и почувствовать мощный прилив любви, пока он будет входить в неё, а её ногти – оставлять на его спине тонкие кровавые линии.

Но она не могла так долго ждать. Не могла так долго тушить этот огонь, чтобы потом разжечь его вновь.

Влада чуть отпрянула и тихо прошептала:

– Рома, подожди. Осталось совсем чуть-чуть.

Но громкая музыка заглушила её слова. Рома не слышал, что она говорила. Не слышал льющегося из радио мужского голоса и не замечал кряхтения кашляющего двигателя. Его

разум был полностью поглощён бурей искренних, невероятно сильных чувств, и весь мир сейчас переместился в эти тёмные зелёные глаза.

Такие манящие и вечно прекрасные...

– Рома, перестань, я прошу. – Она ухватила его за запястья и чуть сжала их. Его взгляд слегка прояснился, но лишь на мгновение. Он прильнул к её горячим губам, и тут она сдалась. Разжала пальцы и запустила руки в его чёрные волосы.

Стрелка спидометра пересекла отметку **110**, а терпение водителя грозило в скором времени перелиться через край, если эти стоны на задних сиденьях не прекратятся. После следующего поворота справа от дороги показалась небольшая заправка. Да, она отлично сойдёт для того, чтобы высадить там этих бушующих гормонами подростков. Пусть возмущаются, пусть ноют и жалуются – он возьмёт с них плату и уедет уже в полной тишине, без всяких намёков в салоне его – его, мать вашу! – автомобиля. Ему будет наплевать на их просьбы и обещания прекратить ублажать друг друга. Умеете трахаться – умеете домой пешком добираться. Заодно и перепихнётесь.

Заправка всё приближалась, и в самом скором времени водитель собирался включить поворотник.

Влада локтем задела кнопку на двери машины, и тут же её обдул прохладный ветер, ворвавшийся внутрь их открывающегося окна. Она повернула голову и тут же замерла, уста-

вившись на расстилающуюся впереди дорогу.

На них летела машина.

Лишь на мгновение – но мгновение это навечно застрянет жёстким клином в памяти Влады – она увидела яркое жёлтое сияние, что заполнило собой салон мчащегося автомобиля. Лобовое стекло было полностью выбито, и только благодаря лунному свету она смогла разглядеть слабый силуэт человека, неподвижно лежащего на руле. Он глядел на встречный автомобиль пустыми глазницами, из глубин которых мерцали крохотные огоньки. И никто, абсолютно никто не успел даже вскрикнуть или что-то предпринять. Два железных гроба столкнулись друг с другом, стараясь протаранить чужой салон и пройти сквозь упругие человеческие тела.

Последним, что слышала Влада, был хруст ломающихся костей и треснувшего черепа.

***

Её руки были в крови.

Она шла из носа, головы и стекала мерными ручейками с правого виска. Тупая боль пронзала всё тело, и хоть солнце ласкало её кожу тёплыми лучами, казалось, что она горела. Нет, пылала! Да так, что вот-вот сгорит, только если мама не подует на ранки и не поцелует все её ссадины. Тогда да – она будет спать спокойно и не волноваться насчёт синяков и всяких болючек. Мамины поцелуи – лучшее лекарство от всех неприятностей.

Влада выпрямилась во весь рост. Несмотря на свой вось-

милетний возраст, она была довольно высокой девочкой и самой высокой в своём классе. Качели всё так же продолжали качаться, и она посмотрела на них с такой обидой, с такой суровостью, что испепелила бы их взглядом, если бы обладала силой супергёрл. Почему она упала с них именно тогда, когда у неё почти получилось сделать полный оборот? Ну почему именно сейчас, когда она поняла, как правильно держать ножки, а? Почему сейчас-то?!

Владу захлестнула горькая обида, и обида эта принесла с собой жгучие слёзы, что стали собираться у краешков глаз. Но нет, она не должна плакать, потому что она сильная. Так ей говорит мама, даже когда сама находится на грани срыва. Пусть течёт кровь, пусть качели роняют её сколько хотят, но она никогда не заплачет и не будет жаловаться. Никогда.

Потому что она сильная.

Но всё же как обидно, что она не смогла выполнить этот трюк! Как она хвасталась мальчишкам своим умением делать «колесо» на качелях, хотя сама понимала, что нагло врёт и пока ничего не умеет. Но она хотела научиться! И училась! Её улыбка сияла на счастливом лице, когда дуга полёта всё увеличивалась и увеличивалась, но так же быстро погасала, когда попа срывалась со скользящего сиденья и уже через секунду бурила собой твёрдую землю. Но Влада продолжала вставать, и хоть папа запретил ей вообще подходить к качелям, она всё равно тайком прокрадывалась на маленькую площадку в их дворе и возвращалась домой со сбиты-

ми коленками и поцарапанной кожей. И возвращалась лишь для того, чтобы получить новую порцию упрёков и лекций, которые постоянно читают ей родители. Ну и пусть читают! Она всё равно будет делать так, как сама того хочет и считает нужным! И пусть она будет этой... эгоисткой! Она-то знает, что поступает правильно.

«Мне кажется, что я родила не девочку, а мальчика». Да, так иногда говорила её мать. Влада не понимала, почему мама так говорит. Она смотрела в свои трусики и видела, что там ничего нет, и всё равно не понимала. Ей было уже целых восемь лет, и она знала, что у мальчиков между ног есть «Мистер Сосиска», а у девочек его нет, но всё равно не могла понять, почему мама так говорила. Лишь потом, просматривая свои детские фотографии и с улыбкой замечая множество синяков на своих коленках и руках, она поймёт почему.

Сейчас Влада стояла абсолютно одна на небольшой детской площадке, обдуваемая тёплым летним ветерком. Она смотрела на свои маленькие ладошки, что были испачканы ярко-красной кровью, которая всё так же продолжала течь из носа. Мама с папой находились дома и считали, что она спит в своей комнате, ведь ей весь день было так плохо! И как она их классно обманула! Теперь они не будут заглядывать в её маленькое королевство, а если вдруг и захотят, то увидят силуэт девочки под прикрывающим одеялом. Что она придумала! Сложила сумочки, некоторую одежду и попавшие под руку вещи так, что создавалось впечатление, буд-

то на кровати и вправду лежит она – уже взрослая девушка, которую родители до сих пор считают маленькой девочкой. И это несправедливо! Она уже большая, и даже их учительница говорит, что она самая умная в классе и даже умнее этой вредины Маши. Тупой задиристой Маши.

Влада не хотела возвращаться домой в таком виде. Она огляделась, но ничего лучше листьев декоративных кустов не нашла. Что ж, придётся вытереть кровь ими, или же ей будет уготована участь выслушивать бесконечные порицания мамы и время от времени кивать, подавая вид, будто она что-то понимает. Поэтому Влада сорвала листья и принялась тереть ими лицо и шею, больше размазывая кровь, нежели вытирая её. В одну ладонь она складывала уже испачканные листочки, а другой протирала грязную кожу. Потом скомкала в один большой кулёк использованные листья и, донесся их до ближайшей урны, выкинула всё содержимое. Театрально отряхнув руки, она сказала:

– Дело сделано, теперь летим домой.

Влада крепко взялась за невидимый руль и, покрутив туда-сюда несуществующий рычаг (для чего-то же он нужен), завела двигатель своими губами. Увидь бы сейчас её мама, то непременно сказала бы ту самую фразу. Да и пусть говорит! Сейчас весь окружающий мир внезапно исчез, и лишь тархтение губного двигателя пробивалось в реальность, что смешалась в симбиозе с бурным воображением детского сознания. И пока Влада «подъезжала» к своему дому, на ис-

пачканном кровью лице играла счастливая озорная улыбка.

***

Боль...

Её удары пробивали кромешную тьму и пускали бледные вспышки света, что направляли на выход из этого нескончаемого коридора пустоты.

Стоны...

Они отдавались эхом от стенок пульсирующей головы и мощной волной врезались в мозг, заставляя его проснуться и заработать во всю силу.

И лёгкий шёпот...

Он ласкал уши своей тихой мелодичностью, заставлял остановиться и просто прислушаться к нему, к его ласкам и манящим ублажениям.

И когда мысли Влады прояснились, она поняла, что это шёпот огня.

Она открыла глаза и тут же шумно вдохнула горячий воздух. Её горло обдало жаром и воспламенилось обжигающим пламенем. Казалось, она чувствовала, как стенки лёгких обугливаются и импульсивно сжимаются под гнётом удушающего огня. Кашель вырвался из хрупкой груди, и Владе пришлось приложить все усилия, чтобы не потерять сознание.

Огонь...

Он продолжал нашёптывать колыбельную смерти где-то слева от Влады, одновременно и далеко, и невероятно близ-

ко. Она чувствовала тяжёлое давление на своё тело и только когда полностью огляделась вокруг, поняла, что огонь является лишь самой слабой для неё опасностью.

В паре сантиметров от её глаз продолжало вращаться колесо влетевшего автомобиля. Другое же придавливало правую ногу к сиденью, и с каждой секундой давление это всё усиливалось и усиливалось. Влада чувствовала, как по бедру стекает тёплая кровь. Ощущала режущий горло дым и слышала...

...слышала, как падают на асфальт крупные капли стекающего масла.

Адреналин ворвался в её кровь мощным потоком и захлестнул собой проснувшееся сознание. Острая боль в окровавленной руке разом поблекла, а застилающая глаза красная пелена перестала иметь значение. Влада вытерла кровь со своего лица и, приподняв голову, взглянула на придавленную ногу.

Смятый бампер навис над ней подобно ожидающему стервятнику, что давит сильной лапой на ногу своей жертвы. Её кость еле сдерживала натиск колеса, и Влада невольно представила, как та ломается, и мелкие её осколки впиваются в кожу. Огонь всё приближался и нагревал вокруг себя воздух; сжимал его и посыпал удушающим перцем, что был смертельно опасен для лёгких. Его шёпот набирал силу, и лишь пробивающийся через разбитые окна ночной ветер осмелился перебивать говор огня. Глядящее на Владу колесо про-

должало вращаться, и бесчисленные ручейки углублений в тёмной резине казались ей мчащимися змеями, каждая из которых стремилась обогнать другую. И скорость их попутно замедлялась, пока весь окружающий мир начинал меркнуть, утопать во тьме и медленно-медленно терять свои краски, всё больше бледнея в...

БОЖЕ! КАК ВЗВЫЛА НОГА! КАК ИСТОШНО ЗАКРИЧАЛА ЕЁ ХРУПКАЯ КОСТЬ! Влада откинула голову назад и, вжавшись затылком в твёрдые сиденья, выпустила жалобный стон сквозь стискиваемые зубы. Если она сейчас же не выберется отсюда, то либо навечно останется инвалидом, либо изжаренным куском мяса.

Ей нужно выбираться из этой чёртовой печки и не терять ни секунды, ни одной грёбаной секунды!

Она вновь подняла голову и мгновенно оценила обстановку вокруг себя. Горящие обшивки сидений, отравляющий сознание дым, нависший бампер и давящее колесо – всё это пыталось слиться в один сплошной вихрь в её голове, и лишь бьющий в мозг адреналин не позволял мыслям спутаться, поддерживал связь с реальностью и заставлял все органы работать на полную мощь, во всю свою силу. Теперь Влада поняла, что по бедру её стекала вовсе не кровь, хоть ручейки эти и отдавали теплом.

Это было масло. Машинное масло. Слабым потоком оно вытекало из-под низа машины и растекалось по ноге, в конце собираясь у чёрной резины, что пыталась поглотить собой

грязную, блестящую кожу.

Масло... Оно может выступить в роли хорошей смазки, если дать ему проникнуть меж ногой и шиной. Влада зажмурила глаза и полностью сконцентрировалась на том, что чувствует.

Запах гари, пламя в лёгких и вырывающийся наружу кашель. Но это не то, чёрт, не то! Она отсекала все лишние ощущения, что своей яркостью сбивали её с толку, и наконец добралась до разрывающему мир на куски источнику боли. Он представился ей пустым сгустком алого тумана, в центре которого пульсировал маленький огонёк, и подпитывался он нарастающим давлением смерти. Но всё же больше давление было слева – там, где сильнее всего билась гроза нескончаемой боли. Значит, большая площадь колеса налегла именно на левую часть её ноги. Масло всё так же продолжало скапливаться у стыка резины и кожи, смешиваясь с выступающим от жара потом. Её стоило лишь аккуратно повернуть ногу и дать возможность смазке просочиться в образовавшуюся щель. Осторожно упереть руки в сиденья и начать медленно сгибать колено, пытаясь высвободиться плавными шатающимися движениями. И как только колесо выпустит её изпод своей мёртвой хватки, Влада тут же откроет дверь, что сейчас находится чуть выше её головы, и вылезет наружу – как можно дальше из этого горящего гроба, окутанного поднимающимся дымом.

Сквозь него полыхнули два тёмно-зелёных огонька, и чёт-

кая решимость в глубоких зрачках была способна потушить любой огонь, любой пожар и даже адское пламя.

В душе Влады проснулась пантера, и мышцы её напряглись, когда совсем рядом повис запах опасности.

Она подняла голову и, следя за вращающимся колесом, упёрлась ладонями в твёрдую обшивку сидений. Её лёгкие горели, и ещё пара-тройка минут, проведённых в удушье крепких пальцев горького воздуха, точно сведут её в могилу, так что в последний раз она сможет взглянуть на звёздное небо лишь через край разбитого окна. Кашель становился сильнее, поэтому Владе приходилось прикладывать всё больше усилий, чтобы контролировать своё тело. Она напрягла прижатую ногу и чуть приподняла таз, чувствуя, как в кожу её впитываются рельефные выступы жёсткой резины. Ручейки тёплого масла устремились в открывшийся проход, и как только они стали скапливаться у другой стороны колеса, Влада прижалась к двери, повернулась боком и, упершись плечом и обхватив руками ногу, начала медленно расшатывать её, клонясь вправо. Она почувствовала слабую податливость, и теперь движения её обрели большую свободу, хоть так и оставались скованными. Прохладный ветер щекотал шею через разбитое окно, и дуновение его казалось арктическим бризом на фоне изматывающей жары. Влада ощущала, как кожа покрывается мурашками, хоть сама она блестела от пота и чувствовала себя засунутой в крошечную печку. В нескольких сантиметрах от неё, отделённых смятой дверью

автомобиля, был мир, полный чистого воздуха и ясных ночей, и лишь чёртово колесо держало её здесь, в этой адской котельной самого Сатаны!

Влада согнула колено и с облегчением ощутила, как свободно заскользила её нога. Блестящая от перемешанного с маслом пота, она вынырнула из-под шины, следы от которой остались на испачканной коже. Влада подвигала ступнёй, и хоть горячий воздух продолжал прожигать лёгкие, всё же она медлила и, не веря своим глазам, смотрела на вырвавшуюся из плена ногу. И только когда адреналин вновь ударил по затухающему сознанию, она повернулась к ночному ветру, нащупала ручку и опустила её вниз.

Дверь не подалась.

Около двух секунд Влада тупо глядела на простирающееся небо, пока огонь за спиной подкрадывался аккуратной рысёй походкой, не спеша и даже чуть медля, зная, что жертва его, сколько бы ни билась в попытках выбраться отсюда, всё равно падёт жертвой в его палящих когтях. Он подбирался всё ближе и ближе, обливая теплом мокрую спину кашляющей девушки, в глазах которой на мгновение застыл первобытный страх.

Чувствуя приближающийся шёпот огня, Влада положила руку на подлокотник и, расправив плечи, толкнула корпусом вмятую дверь. Весь её торс взорвался болью. Лишь убегающее прочь время заставило её подавить рвущийся наружу крик и действовать быстро, отключив мозг и доверившись

инстинктам и чувствам. Она отпрянула от погнувшегося кус-ка железа, что должен был быть дверью, и ударилась головой об нависший бампер. Кровь хлынула по её волосам, намочив их и прижав к влажной, горячей коже. Но Влада не почувствовала этого. Она не чувствовала, как футболка облепляла собой тело. Не замечала затмевающую мир красную пелену перед глазами – лишь машинально вытирала её и размазывала по лицу. Мысли зацепились за одну-единственную фразу, что ярко светилась внутри головы:

Я должна выбраться. Любой ценой.

В груди пантеры зародился звонкий рёв, и острые клыки блеснули в свете огней.

Влада занесла ногу и со всей силы ударила по двери. Крошечные осколки стекла посыпались в горящий салон автомобиля, но она всё так же оставалась взаперти. Мощный порыв ветра ударил Владу по лицу, разогнав позади смеющийся огонь. На её напрягшихся мышцах играли блики мечущегося света, её стоны блекли на фоне гулких ударов кроссовка по железу, а больная нога продолжала пульсировать тупой болью. Смерть натачивала собственную косу, и лезвие её, приготовленное для этой девушки, было пропитано огненным ядом – самой ужасной смертью, что только могла настичь человека. Её костлявые пальцы уже легли на хрупкие женские плечи и потихоньку переходили к шее, чтобы потом сомкнуться там хладнокровным щелчком. Влада впа-ла в истерику и безостановочно била по этому грёбаному,

бесполезному куску железа, хоть её нога и была готова взорваться при каждом следующем ударе.

Её верхняя губа поднялась в хищном оскале, и всякий, кто увидел бы это обрамлѐнное алой кровью лицо, невольно бы попятился назад и вжался в угол, скуля и плача в свою одежду. И испугались бы не её ужасного вида, вовсе нет. Они бы пришли в ужас от той решимости, той силы, что сияла в глубинах её зрачков. Такой взгляд загорается у хищника перед самым прыжком на свою жертву.

Влада вновь занесла ногу и с криком выбила дверь, пустив внутрь ворвавшийся ветер. Она мигом выскочила из машины и тут же рухнула на колени, ободрав с них кожу. Ноги не держали её и требовали незамедлительного отдыха. И в первую очередь – медицинской помощи. Но пока она наслаждалась свежестью ночного воздуха и откашливалась, прочищая свои лёгкие. Инстинкты полностью затмили собой мозг, заглушив проблески памяти. Ни одна мысль о Роме, ни одна мысль о водителе не промелькнули в её голове. Лишь эхо шепчущегося огня продолжало переливаться в голове. И весь мир, вся вселенная сейчас уместилась в её горящих лёгких, горечь в которых перекрывала все остальные ощущения.

На пустынной трассе, вблизи небольшой заправки, ярким пламенем полыхал костёр из двух столкнувшихся машин. Густой дым медленно поднимался в небо – такое удивительно ясное и звёздное этой ночью. Он рассеивался в свежем

воздухе и растворялся над ужасающим пейзажем больного художника. Хрупкая девушка, чьё тело, казалось, можно было переломать одним слабым ударом, стояла на коленях, повернувшись к очагу огня спиной. Её голова была опущена, и слипшиеся от крови волосы грязными лохмотьями свисали вниз, прикрывая собой окровавленное лицо. Ладони, трясущиеся и неконтролируемые, она прижала к маленькой груди и почувствовала, как сильно бьётся собственное сердце.

Влада смотрела на размытое отражение сияния луны на мокром асфальте. Мягкий голубой свет начал расплываться, когда к глазам подступили слёзы. Она не стала их сдерживать. Дала им волю вырваться наружу и прокатиться по щекам, смешиваясь с кровью и чёрной сажой, что покрыла лицо тёмной краской. Губы безмолвно дрожали, и когда кашель полностью прошёл, из груди вырвались судорожные всхлипы. Тело её, сторбленное и ссутулившееся, не переставало трястись, пока холодный ветер пробежал по влажной коже. Обтягивающая торс футболка местами окрасилась в тёмно-бордовые тона. Неумелый художник расплескал красные краски по телу плачущей девушки, небрежно размазав алые мазки на руках и ногах худенькой фигуры.

Розовая футболочка, которую Влада надела перед самым свиданием, вряд ли бы сошла хотя бы за подобие одежды. Весёлый зайчонок, что радостно подмигивал всем сквозь слегка выступающие груди, превратился теперь в непонятное существо, отталкивающее от себя и пугающее своим видом.

Чётко выступающие ключицы были скрыты занавесом падающих волос. В мёртвой тишине ясной ночи тихо перешёптывались яркие языки пламени, и лишь громкие слёзные всхлипы пронизывали собой повисшее молчание мира.

Мне иногда кажется, что я родила не девочку, а мальчика.

Эти слова взорвались яркой вспышкой в её голове, и Влада невольно зажмурилась, боясь сияния этих самых слов. Она открыла глаза и только сейчас почувствовала дикий холод в ногах, идущий от асфальта. Ручейки крови и масла обволакивали тело сковывающими верёвками, пока ветер проходил сквозь него, оставляя позади жгущий кожу мороз. Влада подняла голову и дрожащими руками убрала с лица прилипшие волосы. На тёмной маске алого пепла ярко светились тёмно-зелёные глаза, и твёрдая решимость, жёсткость, которая была прочнее любого металла, слабо заискрились в глубинах её зрачков. Но чем больше расправлялись её плечи, чем усерднее она пыталась встать и выпрямиться во весь рост, тем сильнее разжигался огонь в её груди, в самой душе. Именно оттуда поднималась та сила, что заставила Владу стиснуть зубы, когда при первой попытке она упала и ободрала собственный локоть, но тем не менее поднялась, не сводя взгляда со своей цели, чей тёплый свет отражался бликами в тёмной зелени её радужек.

Она смотрела на одиноко стоящую заправку, расположившуюся с правой стороны от дороги – этой пустынной лен-

ты, расстелившейся в обе стороны горизонта. Ни одна машина не проезжала мимо. Ни один двигатель не разносил собственное рычание на ближайшие километры, а может и десятки. Ни одна пара светящихся фар не показалась на молчаливой трассе. Мир погиб, и прощальной мелодией его ухода была именно тишина – верная спутница в мир всех погибших.

Влада продолжала идти к автозаправке, ещё плохо сообщаящая и не до конца понимающая, что делает. Ею овладели спящие до этого инстинкты, вставшие сейчас у рычагов её разума. Она шла к единственному источнику света, не считая той печки, из которой она еле выбралась. Желтоватое пятно вновь начало расплываться перед глазами, но окровавленные ноги всё так же твёрдо ступали по асфальту. Тонкие ручки были прижаты к покрытой мурашками груди, и ладони Влада сцепила в крепкий замок, будто старалась так удержаться в этом мире, не потерять сознание раньше времени. Её ногти медленно впивались в кожу, вызывая отрезвляющую боль. Она не должна. Не должна окунуться во тьму до того, как доберётся до этой чёртовой заправки. Обязана цепляться за реальность, пока не сойдёт с трассы и не войдёт в магазинчик, где сможет найти аптечку. И только оказав себе медицинскую помощь, она позволит рассудку расслабиться и утащить её на долгий сон.

...не девочку, а мальчика.

Влада продолжала идти, не замечая собственной хромо-

ты. Свет огоньков всё приближался и приближался, так что теперь между ней и поворотом на заправку было около трёхсот метров. Набухшие соски проступали сквозь розовую ткань футболки, выжав которую можно было бы затопить всю Землю. Зубы с бешеным темпом стучали друг об друга, отдаваясь гулким клацаньем в стенках головы. И вся красота, покорявшая когда-то сотни мальчишек в школе, растворилась густым дымом в горящей машине. Сейчас Влада походила на тощего призрака, бредущего в одиночестве по уходящему вдаль шоссе. Бледные лунные лучи накладывали тени на её кожу, освещая её и окуная во мрак. Тёмные капли крови оставались прерывистой дорожкой позади неё, и игривые блики света плясали на их отражающей поверхности.

...мальчика.

Хромота усилилась, и вместе с тем – боль. Влада ускорила шаг и в конце чуть ли не бежала, будто пыталась от чего-то (от кого-то) спрятаться. Сердце забилося ещё чаще и стремилось сломать своей силой все её рёбра, все до единого. Частые стоны стали вырываться из груди, пока тяжёлые ноги наливались свинцом. Мир балансировал на грани реальности и нереальности, собираясь в одну маленькую точку где-то вдалеке. Влада не расслабляла крепкую хватку и всё ещё держалась за сознание, но уже начинала чувствовать, что земля уходит у неё из-под ног.

Расстояние до заправки сокращалось, и пока тонкий силуэт приближался к свету зажжённых фонарей, на крышу ма-

газинчика опустился маленький светлячок, сиянье которого мерцало в ночном воздухе.

Влада добралась до чёртовой заправки и, пройдя мимо навечно застывших машин, вошла в магазин. Она не знала, есть ли здесь аптечка или нет. Не знала, найдёт ли что-нибудь полезное или останется истекать кровью, пока не умрёт. Её просто влекло сюда, и ноги сами принесли её за стойку кассирши, рядом с которой располагались небольшие шкафчики с металлическими ячейками. Она открыла дверцу одной из них, но на неё лишь облился едкий запах резины. Влада открыла следующую, но и там было пусто. Чёрт! Будто все сговорились и забрали все нужные вещи с собой на тот свет!

Где-то здесь. Не знаю почему, но где-то здесь должна, должна быть эта грёбаная аптечка!

Шкафчики открывались один за другим, а умерший в углу магазина мужчина пустыми глазницами взирал на мечущуюся девушку, у ног которой всё увеличивалась красная лужа. Один из забредших сюда дальнобойщиков уткнулся лицом – точнее, тем, что от него осталось – в прохладные банки из-под газировки, уронив тело вовнутрь жужжащего холодильника. Молодая женщина, что совсем недавно так сильно переживала по поводу того, что нагрубил утром своему сыну, умерла на сиденье унитаза, прижав купленные шоколадки к съеденным грудям. И на всю заправку разносились лишь гудение светящихся ламп да громкие ругательства, пробивающиеся сквозь плач.

– ТВОЮ МАТЬ!

Влада толкнула шкафчики и тут же вскрикнула, почувствовав, как кто-то резко дёрнул её за узлы мышц и тянул всё сильнее, желая порвать их и вызвать новую агонию боли. Осталась лишь одна ячейка, которую она уже пыталась открыть. Да, пыталась, но ничего из этого не вышло. Ячейка была заперта на ключ, который мог быть сейчас где угодно. Значит, не стоит ей тратить тут время, и будет лучше осмотреть подсобку – вот там должно найтись что-то полезное.

Влада повернулась и медленно зашагала прочь от открытых, будто разинувших рты ячеек. Но остановилась. Посмотрела на маленькую закрытую дверцу, в углу которой красовалось число 19, и поджала губы – так, как делала всегда, когда была чем-то недовольна. Внезапно в ней родилась непоколебимая уверенность, что именно в этой ячейке, именно в этой сучьей ячейке лежит аптечка со всем ей необходимым. Закон подлости мог сыграть с ней сейчас очень подло, и если бы она ушла, так и не добравшись до содержимого, то корила бы себя за это, пока кровь медленно вытекала бы из неё крупным потоком, заливая всё вокруг тёмно-алым океаном. Она не могла себе этого позволить и сама не заметила того, как кулаки её сжались и на тоненьких ручках выступили объёмные вены. Влада направилась обратно к закрытой дверце, и в её зрачках вновь полыхнул огонь решимости.

Как только она вернулась, то сразу же просунула ногти в щель вниз и резко дёрнула всё на себя. Её губы лишь слег-

ка дёрнулись, когда два ногтя сломались, а замок всё так же продолжал удерживать за собой бесценное сокровище. Чёрт, какая глупая идея! И как она могла вырвать этот бесполезный кусок алюминия своими ноготками?! КАК?! Чем она вообще только думала, рассчитывая на подобный трюк?! Жизнь вытекает из неё неостанавливающимися ручьями, и всё, что отделяет её от спасения – это грёбаная дверца магазинного шкафчика!

Влада посмотрела на вписанное в ромб число 19 и всей душой возненавидела эти две цифры, хоть самой ей и шёл двадцатый год. Она вновь ударила по шкафу и взвыла от яркой вспышки боли. После того как мышцы её чуть успокоились, она упёрлась руками в полки чуть выше головы и, наклонив её вниз, начала лихорадочно думать, пока сознание всё ещё было где-то рядом.

С каждой промчавшейся секундой уверенность в спрятанной аптечке крепла и становилась сильнее, заставляя искать все возможные варианты решения. Один за другим они проносились в урагане её мыслей, сменяя друг друга со скоростью света. Замок... Чёртов, сука, замок. Именно он мешал ей добраться до необходимого. Ключа не было, но не только он мог отпереть спрятанный луч надежды. Для этого могла сгодиться скрепка или что-то наподобие этого, и да... Влада знала, как ею правильно пользоваться.

Она мгновенно развернулась и стала рассматривать стойку кассира, не замечая забившиеся в угол останки пожи-

лой женщины, что слабо напоминали очертания человека. Её взгляд скользил по столу, прозрачным полочкам, расположенным внизу ящичкам и наконец остановился на невысокой тумбочке рядом с мусорным ведром прямо под самой стойкой. На сделанной под дерево крышечке стоял чёрный органайзер, и Влада тут же схватила его и перевернула над столом, высыпав всё содержимое. И да! Среди прочего заблестели тоненькие скрепки. Она схватила одну из них и, разогнув её, прижалась к шкафчику, стараясь полностью сконцентрироваться на том, что собирается сделать. Просунула скрепку в замок и, закрыв глаза и напрягши слух, стала проворачивать кончик проволоки по часовой стрелке на первом слое так, как её когда-то учили ребята за школьным двором. Должен раздаться щелчок, и причём чёткий, после чего уже можно будет переходить на второй слой замка, а затем – на третий.

Раздался щелчок.

Влада открыла глаза, и сдавленный стон вырвался из её груди, разбавленный горьким разочарованием и ударившим под дых шоком. Часть тоненькой скрепки осталась в руке, другая же торчала из грёбаного замка. Юная девушка, ноги которой были окружены увеличивающейся лужей крови, опустила руки и упёрлась головой в так и не открывшуюся дверь. Её всхлип пронёсся по затихшему залу, посетители которого молча слушали жужжание светящихся ламп. Крупные капли прорывавшихся слёз скапливались на её длинных

ресницах и падали в красное море, расстелившееся у самых ступней. Мёртвый мужчина, не донёсший банку пива до кассы и проливший её на свои штаны, не сводил взгляда опустошённых глазниц с трясущейся от плача спины, обтянутой розовой футболочкой.

Ты ведёшь себя так, будто ты совсем не девушка!

Слова матери эхом отдались в её голове, и Влада рефлексивно стиснула зубы, чтобы не дать крику вырваться наружу. Чтобы не позволить ему заглушить собой этот бесящий голос, хоть он и безумно выводил из себя. Её скулы напряглись, и под скрывающим занавесом волос появился хищный оскал. Верхняя губа чуть приподнялась, обнажив ровные зубы, и любой знакомый Влады, увидев бы её сейчас, вряд ли бы смог сказать, что это именно она.

В её зрачках блеснули клыки голодной пантеры, и тихое рычанье стало набирать силу в хрупкой груди.

Ты слишком отличаешься от всех, дорогуша!

Крик всё-таки вырвался, и Влада со всей силы ударила по запертой дверце. Град кровавых капель украсил крупными пятнами чистый кафель, разом хлынув из открытых на коже ран. Тело Влады лихорадочно трясло. Её сознание продолжало тускнеть, и в какой-то момент она даже порадовалась этому. Мёртвая хватка жизни наконец ослабит свои объятия и позволит ей уйти во сне – незаметно и безболезненно, пока кровь мерным потоком будет вытекать из застывшего навсегда тела. Никакой борьбы. Никаких схваток и никакой бо-

ли... Лишь пустота и вечный-вечный покой.

Влада полностью опустила руки и облокотилась о шкафчик, закрыв глаза и стараясь ни о чём не думать. Совсем скоро она присоединится к молчаливым посетителям автозаправки, став полноправным членом их сообщества. Разве что глаза её будут целы, но надолго ли? Этого она уже не узнает, да оно ей и не надо. Жужжание ламп убаюкивало своей монотонной мелодией и сопровождало отключающийся мозг в самые глубины тёмной бездны, из которой ещё никто никогда не выбирался. Влада чувствовала, как ноги её подкашиваются и слабеют, пока сама она скатывалась вниз, к растущей луже собственной крови. Она выбралась из горячей машины, смогла покинуть свой пункт назначения, но куда это её привело? Она восстала из приготовленного ей гроба и, выходит, просто добралась до другого, чтобы там же упасть, сделав последний в своей жизни выдох.

Влада полностью осела на холодный кафель, почувствовав влажной кожей прохладу вытекающей крови. Её тяжёлое дыхание эхом отзывалось в гудящей голове. Мышцы расслаблялись, а ноги медленно вытягивались на мокром, окрашенном алым цветом полу. Веки наливались тяжёлым свинцом, и уже вскоре тёмно-зелёные глаза скрылись от света равнодушных, мерно жужжащих ламп. Тоненькие ручки ударились о жёсткую плитку, подняв брызги кровавого фонтана. Слипшиеся волосы не отрывались от лица, выражение которого не выдавало абсолютно ничего. На тёмной маске бордо-

вых оттенков чуть приоткрылись пухленькие губы, втягивая внутрь нависший аромат смерти. Мысли Влады умирали одна за другой, уступая место пустоте, вечному мраку. Тишина, перемешанная с монотонной колыбельной флуоресцентных ламп, стала верным проводником в иной мир, свет которого проливался в тёмный коридор забвения. Его стены бесконечно тянулись к маленькой сияющей точке, и чем ближе она становилась, тем слабее ощущались стекающие по ногам ручейки крови. Её тело теперь стало чем-то отчуждённым, нереальным, и только хватка костлявой ладони, нежно тянущей её к сияющему свету, была более чем реальной и... приятной. Да, приятной.

Влада целиком отдалась ведущей её силе, пока облегающая тело футболка из бледно-розовой превращалась в тёмно-бордовую. Сама она неспешно шагала по тянущемуся вдаль коридору, и провожал её впереди идущий тёмный силуэт. Влада не могла чётко разглядеть его очертаний, да оно было и не нужно – она полностью доверилась этому таинственному человеку (или не человеку?) и позволила ему вести себя прочь от этого мрака, от этой чёртовой тьмы. Её пепельно-русые волосы, не слипшиеся и не мокрые от собственной смеси крови и пота, развевались на тёплом ветру, исходящем из центра мягкого сияния. Она шла уверенно и с усталой улыбкой на губах. На ней было надето лучшее платье, что она когда-либо видела за свою жизнь, но, к сожалению, так и не смогла купить. Красное кружево перели-

валось различными оттенками в набирающем силу свете, и подкрадывающиеся к аккуратным ключицам стразы могли покорить собой любого модельера. Высокая и стройная, одетая в сногшибательный наряд, она шла по коридору, сильно выделяясь на фоне бездонной тьмы, что с каждым шагом оставалась позади. Её проводник всё так же держал ладонь, и Влада высвободила её из-под костлявых пальцев, но только лишь для того, чтобы обхватить его руку и образовать замок из локтей – так, как это делают при прогулках молодые пары.

Они продолжали идти к источнику света, бросив остальной мир вдаль, где-то внизу. Теперь она свободна, и никакая боль не сможет вернуть её в отвратительную реальность.

Ты всегда будешь такой упёртой?!

Стены коридора вдруг пошатнулись и на мгновение – лишь на одно короткое мгновение – манящий свет потух, но тут же вспылал вновь. Скрытый тёмной мантией проводник чуть шелохнулся, но продолжил вести свою спутницу дальше. Влада почувствовала слабый ток в венах и ощутила, как что-то пытается проломить крепкие, окружающие её стены.

Можете ставить мне «два», но я всё равно не буду переписывать сочинение!

Стены вновь затряслись, а почва под ногами стала соскальзывать, так что Владе пришлось напрячь мышцы, чтобы удержать равновесие. Теперь на ней были светло-бежевые кроссовки, один из которых слегка обгорел и был залит чем-то тёмным, неприятным. Проводник ускорил шаг и сно-

ва сжал хрупкую женскую ладонь, не желая её больше отпускать ни на секунду. Холодный ветер ударил Владу по лицу, а из прячущихся теней коридора зажужжали невидимые лампы. Лучи приятного света так манили своей теплотой, но отрезвляющий мороз, гонимый из мглы, оттаскивал её резкими рывками и мощными ударами встряхивал умирающий мозг. Проводник нервно оглянулся, и как только из-под капюшона показался ярко-жёлтый глаз, он с силой дёрнул её на себя. Тьма боязливо отступила, пока нежное сияние вечного отдыха расстилало свои объятия перед Владой. И вновь доверившись загадочному спутнику, она пошла вперёд, игнорируя ломающиеся стены и сильный мороз позади.

За спиной раздалось рычание.

Они остановились, и оба медленно, очень медленно повернулись.

В крошечной темноте показалась пара голодных, агрессивных глаз. Такой взгляд был только у отчаянно защищавшегося хищника, наконец-то подловившего самый удачный момент для быстрого, смертоносного рывка. И радужка этих звериных глаз отдавала тёмной зеленью позднего лета.

Ты всегда была отворотительной и останешься таковой!

Чёрная пантера выпрыгнула из тьмы и вцепилась в костлявую руку, погрузив острые клыки в бледную кожу. И как только мёртвая хватка проводника исчезла, монотонный шум ламп волной ворвался в очнувшийся мозг. Влада от-

крыла глаза и судорожно вдохнула полную грудь воздуха, уставившись на обрамленные лужей крови ноги.

Господи, за что мне такая дочь!

Её тело было подобно выжатой губке, последнее содержимое которой мерно вытекало из неё малыми, спокойными водопадами.

Хватит всё время летать в облаках!

Кровь...

Когда-нибудь ты так упадёшь, что больше уже не сможешь подняться!

Кафель...

Я люблю тебя.

Кровь...

Осталось совсем чуть-чуть...

Пантера...

Давай же, вставай.

Сиянье...

Вставай!

Шкафчик...

Вставай, чёрт возьми!

Аптечка...

ВСТАВАЙ!!!

Влада вцепилась руками в крышку стола и стиснула зубы, как только начала подниматься. По её ногам стекали прохладные ручьи, полностью окрашивая собой джинсы. Сдавленные, пробивающиеся сквозь слёзы стоны вырывались из

груди и разбавляли мёртвую тишину магазина. Блестящие от пота мышцы напряглись до предела, и когда Влада подтянула себя к столу и смогла опереться на ноги, она облегчённо выдохнула, еле сдерживаясь, чтобы не зарыдать.

Около аппарата для кассы, поблёскивая, лежал маленький ключ с номерным брелоком. На нём красовалось число **19**

Влада смотрела на него не дольше двух секунд, но они показались ей вечностью – огромной пропастью в безмерной почве времени. Но уже через мгновение она схватила ключ и, прижавшись к этому проклятому шкафчику, вставила его в замок. Провернула. Услышала щелчок.

И вытащила.

Дверца открылась, и Влада тут же заглянула внутрь, не сдерживая победной улыбки на лице.

Ячейка была пуста, и всё, что в ней находилось – так это крошечная тьма и молчаливая пустота. Влада долго вглядывалась в неё, надеясь увидеть хоть призрачный силуэт аптечки, но вместо этого во мгле появилось равнодушное лицо молодого мужчины, пустые глазницы которого светились мягким жёлтым светом. Его голова упала на руль машины, мчавшейся навстречу её смерти и Великому пожару на пустой автостраде.

Влада закрыла дверцу и прижалась к ней головой. И когда сознание покидало её, а тело снова начало сползать вниз, через открытую форточку в магазин залетел маленький светлячок. Он сел на горлышко одной из бутылок газировки, вы-

ставленных у кассы, и внимательно рассматривал умирающую девушку своими маленькими чёрными глазками.

Глава 17

Воссоединение

– КАКОГО ХРЕНА ТЫ НЕ ОТВЕЧАЛ?!

– Вика, я...

– ПОЧЕМУ?! ПОЧЕМУ ТЫ НЕ МОГ ПРОСТО ВЗЯТЬ ТРУБКУ?!

– Вика, послушай...

– НЕ ХОЧУ Я НИЧЕГО СЛУШАТЬ! НИЧЕГО! – На секунду в динамиках телефона повисла тягучая тишина, и лишь судорожные женские всхлипы нарушали её. – Только твой голос. Я хочу слушать только твой голос, Егор, и больше ничего.

Он облокотился о стену подъезда и тут же отдёрнулся, ощутив холод штукатурки своей горячей кожей. Его футболка так и осталась лежать на клумбе, высыхая под палящим солнцем. Как только Егор проснулся и вытер скопившиеся у глаз слёзы, он встал с тёплой почвы и, не отряхнув грязь с голого торса, поплёлся в квартиру, сам не зная зачем. В реальность его вернул бьющий в голову звонок телефона. Ещё не до конца проснувшись, он взял его и ответил, усевшись на край своей кровати. И только когда ступни скользнули по расплескавшимся алым каплям, глаза Егора широко раскрылись, а сам он рванул на лестничную площадку, где его

и вырвало.

Голос Вики, скачущий и неровный, заставил сердце стучать чуть быстрее, а разум проясниться. Он закрыл металлическую дверь их квартиры и, прижавшись к ней лбом, поклялся себе никогда, ни при каких обстоятельствах не возвращаться сюда. Нет на свете таких драгоценных камней, таких вещей, которые стоили бы его возвращения в то место, где сожрали его родителей.

– Вика, послушай меня сейчас очень внимательно. – Внезапно ему стало холодно. Град крупных капель пота скатывался по нагретой солнцем коже, и теперь, в мёртвой прохладе пустующего подъезда, неистовый жар сменился сковывающим морозом, проникающим вглубь костей. Егор опёрся рукой о стену и, опустив голову вниз и закрыв глаза, продолжил говорить. – Ты сейчас у себя дома?

– Д... – послышался короткий всхлип и прерывистый, долгий выдох. – Да, я дома.

– Хорошо. Будь там и никуда не выходи. Запри дверь и продолжай звонить родителям, пока они не ответят.

– Они... Господи, да, хорошо. – Егор услышал слабое чириканье птички в своём телефоне и невольно порадовался этому приятному, такому привычному звуку. – Ты приедешь? Скажи, что приедешь, пожалуйста, скажи!

– Да, я приеду. – Он взглянул на стоящий в углу велосипед и поджал губы, еле сдерживая рвущуюся наружу панику. – Вика, запри дверь, ты меня поняла?

– Да.

– Если увидишь кого-то на улице, не высовывайся, не зови его и вообще не привлекай к себе внимания. Жди меня и никому не открывай. Когда буду подъезжать, позвоню тебе. Будь наготове и встречай... – Егор с сомнением посмотрел на слегка сдутые шины велосипеда, – ...через полчаса.

– Так долго?

– Буду гнать как смогу.

– Не надо! – Её выкрик дал мощным ударом по гудящей голове, так что Егор невольно зажмурился, не убирая от уха телефон. – Не вздумай! Езжай аккуратно, я подожду. Не гони, ладно?

– Хорошо.

Резиновая ручка руля приятно ощущалась во вспотевшей ладони, хоть пыль и успела покрыть собой всю поверхность. Чёрно-красная окраска велосипеда сопровождала Егора с самого детства, влюбив его своей контрастностью в одном из отделов спортивного магазина. И вот сейчас этот верный старый конь, покорно привязанный к трубе в самом углу лестничной площадки, взирал на него преданным глазом, спрятавшимся в серебряном звонке на ручке руля. Сиденье до сих пор оставалось пригодным, да и качественные колёса вряд ли бы смогли подвести. Хотя и старый, чудо-байк Егора готов был рвануть в новый, требующий скорости бой.

– Ты здесь?

– А... да, я просто задумался.

– Егор, – повисло долгое молчание, и он уже решился перебить Вику, но тут она заговорила, – будь осторожен, пока будешь добираться сюда. Пожалуйста, береги себя. Я не хочу... – Слёзы хлынули мощным водопадом в трубку телефона, и от этого по спине Егора волной пробежали мурашки. – Я не хочу потерять ещё и тебя!

За окнами перешёптывались ярко-зелёные листья, обволакиваемые тёплым летним ветерком. Солнце не собиралось убавлять градус жары и продолжало подпаливать Питер, улицы которого пустовали и утопали в непривычной, мёртвой тишине. Она окутывала собой всё пространство вокруг, оставляя лишь отголоски тихих звуков, подобных шелесту молодой листвы. И только нервный голос Вики прорезал своим звучанием молчание мира, пробираясь в самый центр сознания.

– Ты же на велосипеде?

– Да, на «Фоксе».

– Хорошо. Будь аккуратен и не спеши. Я подожду. Довези себя в целости и сохранности.

– Постараюсь.

– Я тебя люблю. – И он услышал краткий «чмок» у самого уха – её привычный жест в конце разговора.

– И я тебя люблю.

Егор завершил звонок и, убрав телефон в карман джинсов, развязал верёвку, скрепляющую трубу и переднее колесо велосипеда. Перенёс его на руках к самому выходу

из подъезда, он поставил его на грунт и, кинув последний взгляд на маленькую клумбу вблизи дома, оседлал «Фокса» и вскоре выехал на дорогу.

***

Она не переставала смотреть в окно ни на секунду. Прошло уже более получаса (33 минуты и 18 секунд), но он так и не приезжал. Идея позвонить ему отпала сразу, ведь, зная Егора, Вика не сомневалась, что тот бы ответил прямо за рулём и точно бы навернулся. А сейчас он один. Как и она. И пока они не встретятся, каждый из них может помочь себе только сам.

Вика не сводила глаз с подъездной дорожки и вновь, уже в сотый раз набрала номер мамы, уже не надеясь услышать в ответ родной голос.

***

Егора поразили дороги Петербурга. Под жёлтым фильтром солнечных лучей они казались ему тесными тропами, заполненными сотнями и сотнями машин. Некоторые из них застряли в пробитых оградах, молча уткнулись в поваленные деревья и вцепились в железные огрызки друг друга, перевернувшись на самом центре дороги. Раскалённый воздух плавал над горячими останками брошенных автомобилей. Тёплый ветер проходил по мокрым волосам Егора и врывался в лёгкие тяжёлой массой палящей жары. Он чувствовал, как голова его накипает, и старался держаться в тени, даже если ради этого приходилось нести велосипед на руках.

Капли пота скатывались по уставшему лицу, попадая в глаза и скапливаясь на верхней губе. Всё окружение, весь чёртов мир превратился в пугающе реалистичные декорации, в правдивость которых не хотелось верить.

Совсем не хотелось.

Протискиваясь меж тонких лазеек, образованных застывшими горами железа, Егор не смог сдержать себя и всматривался в разбитые окна машин, встречаясь взглядом с пустыми глазницами мёртвых пассажиров. Проезжая мимо чёрного внедорожника, он остановился и заглянул внутрь.

Его встретила широкая улыбка на оставшейся целой нижней половине лица. Верхняя же расплылась вязкой кашей по краям головы, стекая по шее густыми ручьями прокисших мозгов. Лишь порванная рубашка говорила о том, что эти остатки когда-то были мужчиной, и мужчиной крупным, чьё вытащенное из тела мясо облепило собой руль. И перед тем как тошнота волной подкатила к горлу, Егор заметил сидящую на заднем сиденье женщину, обнимающую двух детей с разных сторон. Её обвислая кожа не смогла скрыть искренней улыбки на обезображенном лице, из-под которого выглядывал равнодушный ко всему череп. Костлявые руки прикрывали обглоданных скелетов, прижавшихся к маме. Их бездонные глазницы взирали на её лицо и гадали, где же их мать? Почему их обнимает какое-то чудовище, а не любящая, такая хорошая мамочка?

И этот запах. Этот ужасный запах начинающегося разло-

жения в жаркий, в невероятно жаркий летний день. Только сейчас он стал ясно ощущаться в нагреваемом воздухе и нести с собой до жути противный аромат смерти.

Аромат оживших трупов.

Егор отшатнулся, и только с большим трудом ему удалось подавить в себе подступающую рвоту. Лишь в эту секунду он осознал, насколько сильной была жажда. Каждое сглатывание слюны отзывалось острой болью в горле, стенки которого напоминали жёсткую наждачную бумагу. Нависшее над городом солнце выжимало из него всю жидкость, обливая горячее тело солёным потом. И сейчас вода была для Егора самым желанным призом, за который следовало бороться даже в одиночку.

Он закрутил педали и как можно быстрее удалился от внедорожника, поклявшись себе больше никогда не вглядываться в опустевшие машины. Его путь не изменился и до сих пор вёл к дому Вики, но всё же на одном из поворотов он свернул и сразу же бросил велосипед, как только увидел небольшой магазинчик. Он не заметил развалившегося на стуле кассира, а мигом схватил бутылку воды и там же выпил её за раз, пока прохладные капли стекали по его шее и переходили на ключицы. Уже через минуту он выбежал на улицу с парой таких же бутылок в руках и положил их в корзинку, закреплённую на велосипеде.

В какой-то момент дорога стала настолько забитой, что пришлось нести «Фокса» над головой, лавируя телом между

столкнувшимися машинами и молясь Богу, чтобы этот запах наконец прекратился. Проходя мимо бара, в котором ещё только вчера он выпивал кружки пива со своим учителем, Егор остановился, тупо уставившись на приоткрытые двери дешёвого заведения.

В его голове сверкнула идея, и он тут же достал телефон, чуть не выронив его на асфальт из дрожащих рук.

Спустя десять минут педали велосипеда быстро закрутились, разбавляя своим рокотом повисшую тишину летнего дня.

***

Я сдержусь. Я сдержусь.

Она успокоилась и теперь терпеливо ждала появления тени на подъездной дорожке у своего дома. Вика стояла у окна, чувствуя, как ветер проходится по её волосам, обдувая теплом напряжённое лицо. Бесчисленные гудки отдавались монотонным эхом в пустой голове, лишённой всяких мыслей. Разбитый, но всё ещё работающий смартфон был прижат к уху, спрятанный плотным огненно-рыжим занавесом.

Егор не приезжал уже около пятидесяти минут, хотя обещал, что дорога не займёт более получаса времени. Может, с ним что-то случилось? Он мог встретить кого-нибудь по пути, нуждающегося в помощи, и конечно, Егор поможет ему. И кто знает, какое лезвие будет скрываться у незнакомца в рукаве? Или он мог попасть в аварию на своём велосипеде. Господи, нет! Ни в коем случае! Боже, пожалуйста, пусть с

ним всё будет в порядке, и береги его! Доставь в целости и сохранности и, пожалуйста, как можно скорее! Он же совсем один! Совсем! Дай нам только встретиться, и мы сможем сами о себе позаботиться, только охраняй его! Пожалуйста, прошу! Береги его, береги его, береги его...

Её молитвы прервал громкий звонок телефона, так что Вика невольно вскрикнула, отшатнувшись от окна. Это был он. Да, он! Её мужчина, чей голос был слаще любых десертов, чьи объятия были желанней всех искушений, чей поцелуй разжигал в ней бессмертный огонь – мощное пламя надежды и веры! Он звонил ей, а значит, по крайней мере, был жив, что не могло её не радовать.

Она мигом ответила и облегчённо вздохнула, когда нотки родного, такого приятного голоса зазвучали в её голове.

– Вик, ты дома?

– Да.

– Я буду через две минуты. Пока никуда не выходи, сиди у себя. Я подъеду, поднимусь в квартиру и постучу. Три кратких удара и два длинных, запомнила?

– Да. – Она чуть помолчала. – Три кратких, два длинных.

– Умничка. Будь дома, жди меня. И не вздумай выходить. Тут... – тяжёлое дыхание перебивало его, – ...ужасные вещи.

На этих словах её сердце остановилось, на мгновение окунув мир во мрак.

Ужасные вещи...

И что Егор под этим имел в виду?

– Ты здесь, Вик?

– Да, я слушаю.

– Ты всё поняла?

– Да.

– Хорошо, будь на связи.

Звонок завершился, и вместе с тем в реальность вернулась такая непривычная тишина, пугающая своим молчанием и давящая вечным напряжением. Лишь слабое перешёптывание ярких, по-настоящему летних листьев и собственное дыхание не давали сойти с ума.

Значит, он придет с минуты на минуту. Наконец-то! За время ожидания она выплакала все слёзы, что только можно было выплакать, и успокоилась, чтобы не впасть в истерику при встрече с Егором. Но как только он появился во дворе её дома, Вика поняла, насколько хрупки сдерживающие её эмоции замки. Каждому из нас необходим тот человек – тот любимый человек, – которому мы можем доверить все свои чувства и полностью открыться, перестав надевать маски и притворяться кем-то чужим. И только сейчас Вика осознала, как же сильно она нуждалась в Егоре. Всё самое глубинное, что хранилось в глубине её души, грозило в скором времени вырваться наружу, и если никого не будет рядом, то этот мощный водопад мыслей и переживаний запросто сможет утопить её, не дав ни разу вздохнуть. И именно Егор мог её спасти. Просто хотя бы своим присутствием и крепким мужским плечом.

Паника и подступающий страх расшатывали хрупкие замки, и Вика, забыв про обещание оставаться дома, открыла дверь, мигом пролетела по лестнице и выбежала из подъезда – навстречу солнцу, навстречу погибшему миру и пришедшему за ней мужчине.

Как только она обняла его, слёзы хлынули одна за другой по её лицу, так что она прижала его к горячей коже своего героя. Её руки скользили по мокрой спине, но тут уже он заключил её в свои объятия, после чего Вика перестала сдерживать себя. Она рыдала, глотая собственные сопли и давясь ими, но Егор любя поглаживал рыжую макушку, чувствуя, как неистово трясётся тело Вики. Все страхи, что грызли её всё утро, все переживания и попытки скрыть их под лживой маской спокойствия перед самой собой – всё это вырвалось мощным потоком всхлипов из трясущейся груди, пока сама Вика прижималась лицом в шею Егора.

Молчаливые окна домов наблюдали за прильнувшей друг к другу парой – единственными живыми существами на всю улицу. Приглушённые женские вздохи, пробивающиеся сквозь непонятный, еле слышный шёпот, разносились тёплым ветром по дворам и улочкам, прогоняя повисшую тишину. Солнце находилось над самыми головами влюблённых, и лучи его проникали в самую кору головного мозга, расплавляя его и превращая в желе. Их сердца рвались друг к другу и поймали общий ритм, стуча в унисон единой мелодии нежной, оберегающей любви. Одна крупная слеза, скатившаяся

с глаза Егора, смешалась с крупной каплей пота и растворилась в огненно-рыжих волосах.

Вика подняла голову и, растянув уголки губ в искренней улыбке, прошептала:

– Ты приехал.

– Да, я... – но он не успел договорить. Их губы сомкнулись в крепких объятиях, наслаждаясь прекрасным моментом воссоединения. Вика обвила руками шею Егора и ещё сильнее прижалась к нему. Поцелуй выдался напряжённым, но таким сладостным! Таким будоражащим и приятным, что на миг она забыла об умершем мире и просто отдалась чувствам, полностью окунувшись в пленяющую нежность. Горячие руки накрыли её талию и нехотя отстранили от себя.

– Вик, прости за...

– Да замолчи ты! – Всем телом она вновь прислонилась к нему, не желая ничего слушать и лишь ощущать биение его пылающего сердца своей грудью. Она простит его. Простит за всё и будет любить так, как никогда не любила, только бы он был рядом. Просто был рядом и всё. Живой, невредимый и любимый. Самый любимый человек в этом жестоком, готовом сожрать тебя на каждом шагу мире. И если будет необходимость... если будет стоять такой выбор, то да – Вика умрёт за него. Не колеблясь и не думая, она поступит именно так, ведь только обнимающий её сейчас мужчина вселяет в неё жизнь своими прикосновениями и дарит надежду простым фактом своего присутствия рядом. Она любила его, и

любовь эта была сильнейшим чувством, что когда-либо испытывал человек на этой Земле.

Вика отпрянула от него и тихо спросила:

– Ты в порядке?

– Да.

Она смотрела в его ярко-голубые глаза, красоту которых подчёркивали солнечные лучи, и решила задать вопрос, ответ на который, казалось, был ей жизненно необходим.

– Что мы будем делать?

Егор тяжело вздохнул и увёл взгляд в сторону. После небольшой паузы он вновь посмотрел на неё и уверенным голосом сказал:

– Поедем в больницу к твоим родителям. Только сначала нам нужно будет встретиться с одним человеком.

Нижняя губа Вики дрогнула, и как только мир вновь начал расплываться перед глазами, она уткнулась лицом в грудь Егора и, сомкнув руки на его спине, простонала:

– Я люблю тебя.

После чего зарыдала.

Глава 18

Переломный момент

После завершения звонка Влад опустил телефон и вновь сжал нагревающийся от солнечных лучей руль. Жара стояла невыносимая, и только сейчас пришло осознание того, как же сильно мешала борода. Она постоянно чесалась и кололась, будто специально пыталась свести его с ума. Жёсткие тёмно-русые волосы раздражали собой вспотевшую кожу, и Влад бы мог спокойно сбрить свою гриву, вернись он домой.

Но он не хотел туда возвращаться.

Там, на их двуспальной кровати, что стала свидетельницей самых счастливых ночей, его ждал кусок мёртвого тела, которое когда-то было любящей женой. Красивой, прекрасной женой! Её глубокие глаза, когда-то влюбившие в себя обезумевшего от любви мальчишку, превратились в две бездонные ямы, на дне которых виднелись призрачные тени недоеденных ошмётков мяса. Уродливый шрам между плечом и тоненькой шеей стал прорытым вглубь тоннелем, стенки которого высохли от сочившейся волной крови. Пышные волосы, всегда переливающиеся красивым блондом на утреннем свете, поредели за одну ночь и вырванными клочками валялись около обезображенного лица. Кожа на нём приняла бледный, болотно-зелёный оттенок и свисала вяз-

кой субстанцией. Левая нога походила на фарш, перемешанный с частичками костей и сухожилий. Пропитавшая матрас кровь продолжала капать на вздувшийся от влаги ламинат, окутывая кровать нарастающей лужей красных оттенков. Голова Оли соединялась с телом лишь нетронутыми позвонками, на поверхности которых ещё остались прилипшие кусочки плоти. Когда-то красивая женщина, имеющая такую фигуру и лицо, что многие мужчины при взгляде на неё сбивались с толку, навсегда исчезла прошедшей ночью, оставив после себя гору огрызков и кровавого месива.

И пустые, заглядывающие прямо в душу глазницы.

Влад был на сиденье своего внедорожника в одних семейных трусах. Его снова начало трясти, так что он сильно вцепился в руль, увидев, как побелели костяшки напрягшихся пальцев. Он стал замечать больше деталей, и их бесчисленное множество, их давящее превосходство начинали сводить его с ума. Лучи палящего солнца ощущались на коже как нельзя ясно. Проклятая жара проникала под неё и выжимала все соки из организма. Влад чувствовал каждую каплю пота, стекающую по его лицу, шее, спине и груди. Чувствовал проклятые волосы под своим подбородком и дикую тряску в ладонях. Все органы чувств разом обострились и сделали окружающий мир ещё более пугающим, более реалистичным. Сердце гулкими ударами отзывалось в готовой взорваться голове, пока в висках шумными реками протекала кровь. Владу хотелось съёжиться, забиться в угол и спря-

таться от этих громких звуков, слишком заметных частиц и безумно сильных ощущений, что пытали его своей яркостью. Ему хотелось укрыться и стереть себе память. Забыть, кто он. Кем является и что любит. Забыть, что когда-то он был женат на изысканной красавице, и развод их произошёл именно этой ночью, когда тело её превратилось в ужасное подобие человеческого трупа, отдалённо напоминающего женскую фигуру.

Полная растерянность завладела его рассудком, приумножая страх и растущую внутри панику. С самого детства Влад отличался решительностью и умением быстро принимать решения, пусть иногда и не совсем правильные. Но сейчас, сидя почти обнажённым в водительском кресле с открытой настежь дверцей, измазанный кровью своей жены и трясущийся подобно эпилептику, он совершенно не знал, что делать дальше, а самое главное – *зачем* собирать по крупицам собственную жизнь, поддерживать её, если тот, ради кого ты всё это делал, ушёл? Безвозвратно. Лишь кинув на прощание равнодушный взгляд бездонных глазниц.

Желание жить вытекало из него мерным потоком, оставляя за собой след пустоты, по которому начал идти тревожащий страх. К горлу подкрадывалась тошнота, затмевающая сознание мутной пеленой. Всё его тело противилось что-либо делать и чуть ли не отказывалось подчиняться ему. Никогда, никогда в жизни тишина не была *настолько* громкой. На её фоне все процессы организма казались оглушающи-

ми, убивающими мозг своим невыносимым шумом. И самое страшное заключалось в том, что Влад всё ещё оставался в своём уме. Не сходил с ума и даже не начинал. Он думал осознанно, и именно способность мышления приводила его в ужас, потому что пока есть она, есть реальный мир.

А нынешний мир пугал его до самых костей.

Влад прислонился мокрым лбом к поверхности руля, и на все опустевшие улицы разнёсся радостный гудок автомобиля. Руль скользил под влажными ладонями, поэтому он вытер их об обшивку сиденья. Подняв голову, закрыл дверь и провернул ключ зажигания. Двигатель покорно взревел и ровно зарычал, когда внедорожник выехал на дорогу.

Но ехал он недолго. Как только Влад увидел перекрывшие дорогу машины, он остановился и всмотрелся в место аварии. Глаза его были глазами отчаявшегося, занёсшего бритву над выпуклой веной. Карие радужки глаз отливались мягким золотом в проникающих лучах нависшего солнца. Кустистые брови сдерживали стекающие капли пота, что покрыл своей оболочкой всё тело. Напряжённые на руках мышцы блестели и переливались яркими бликами, пока лёгкие высушивал жаркий сухой воздух.

Впереди простиралась пустая дорога, на повороте которой развалились столкнувшиеся друг с другом автомобили. Она тянулась удаляющейся лентой, уменьшающейся в пару груд железных обломков. И неизбежность её конца манила своей неотвратимостью – тем, что должно случиться и про-

изойти.

Да, именно *манила*. И притягательность эта подпитывалась страхом, перемешанным в симбиозе с желанием поскорее окунуться во тьму и навечно забыть обо всём произошедшем.

Навечно...

Влад крепче сжал руль и надавил на педаль газа. Внедорожник рванул с места навстречу своему пункту назначения. Стрелка спидометра уверенно преодолевала отметки, стремясь достичь самого края. И только когда она задребезжала под **120**, Влад тихо произнёс:

– Прости меня, Егор.

***

Но он не смог.

Не смог влететь на машине в груды развалин и затормозил перед приближающейся улыбкой смерти. Его руки рефлекторно дёрнули руль в сторону, вцепившись в него мёртвой хваткой утопающего. Внедорожник ворвался на тротуар, продолжая ехать с огромной скоростью. Он пару раз проехался по лежащим на улице трупам, и колёса его ломали под собой кости. Влад почувствовал мощный удар, когда сшиб небольшой стенд, и страх – первобытный и дикий – заполнил его блестящие глаза. Ненависть ворвалась в его душу так же сильно, как уличный столб сшиб внешнее зеркальце, осыпав асфальт блеском сотни осколков. Крупные колёса прошлись по брошенному велосипеду и продолжали крутиться, будто

не желали останавливать безудержный аттракцион веселья, финиш которого стоял у могильной плиты самого лучшего пассажира.

Влад со всей силы давил на педаль тормоза, и гримаса ярости на его лице, этот ужасающий оскал в густой бороде, свели бы с ума любого хищника в дикой природе. Дыхание стало неровным, и казалось, что лёгкие его сейчас закипят от вырывающейся магмы. Грудь горела разжигающим пламенем, а сила его питалась огромной злостью опасного зверя. Бампер значительно помялся, но ему это не помешало протаранить деревянную скамейку, разбросав её щепки в разные стороны. И вместе с этим ударом в сердце глубоким толчком проснулся вулкан. Его отравляющий дым заполнил салон автомобиля, и теперь всё вокруг пахло гневом, пропиталось им и приняло красный оттенок – пелену на глазах хищника, попавшего в капкан.

Внедорожник приближался к фасаду одного из домов, и Влад со всей силы налёг на педаль газа, не сдерживая яростный крик. И когда стрелка спидометра замертво упала, он толкнул дверь и выбежал наружу, грохнувшись на колени и закричав во всю мощь. Пронзительный рёв вырвался из его грудной клетки и сотряс горячий воздух. Один из выживших, спрятавшийся в своей квартире тремя улицами дальше, невольно вздрогнул, услышав вой раненого животного. Но вот только это был человек, чья голова обратилась к ясному небу и чьи пальцы сжались в кулаки. Это был полно-

стью обнажённый человек, одетый лишь в свободные семейные трусы. Половину его тела будто окунули в наполненную кровью чашу, и от скатывающегося пота она размазывалась по всей коже, добавляя как можно больше бордовых оттенков. Он не знал, сколько кричал на равнодушное солнце. Не помнил, когда почувствовал удушающий кашель и хрипоту в своём голосе. Зато ясно ощущал огонь в натянутых венах и дикую, невыносимую злость на самого себя!

Влад вернулся в машину и со всей силы ударил в центр руля. Клаксон коротко взвыл, и где-то далеко, в совсем другом мире стаей взлетели испугавшиеся птицы.

Почему он решил это сделать? ПОЧЕМУ?! Неужели он настолько слаб, что опустит руки, когда... да чёрт, вообще опустит руки! Неужели это Владислав Боркуев? Человек, что всегда отличался целеустремлённостью и желанием выбиться в лидеры, быть победителем? Неужели он не может взять себя в руки?! МОЖЕТ! Это он вставал на школьном «ринге», истекая кровью, не в силах сдержать ещё хоть один удар! Это он и никто другой добился отмены увольнения преподавателя из университета, хотя у него самого жуть как тряслись поджилки в кабинете начальника! Именно он заступился за ту девчонку на вечеринке, и именно он так много раз смывал чужую кровь со своих костяшек, давясь собственной, вытекающей из носа. И что, этот парень не имеет сейчас смелости встать и идти дальше? Так, как делал всегда? Всю жизнь он жил верой. Верой в себя и в свою правоту. Оставался сто-

ять, когда остальные падали. Продолжал работать, пока другие играли. Всегда считал себя сильным человеком, готовым принять и отразить любой удар жизни, но...

Но что «но»?

Он ненавидел себя. Ненавидел за собственную слабость и трусость. Его жену убили. ДА, МАТЬ ЕГО, УБИЛИ! И что? Он будет сидеть на этом грёбаном сиденье и хныкать, пока не содохнет?! Будет пытаться прикончить себя, так и не осмеливаясь это сделать? Где его ХРАБРОСТЬ?! ГДЕ ОНА?! В какую задницу она спряталась в самый ответственный, в самый сложный момент?! Почему он гнал тачку навстречу смерти, вместо того чтобы взять себя в руки и что-либо делать? Действовать! ПОЧЕМУ?!

Опять вечные вопросы и ни одного ответа. Одни восклицания, слова и никаких действий! Никаких! Он покорно опустился на колени перед настигнувшей его судьбой, хотя сам всю жизнь отрицал её существование! Завёл руки за спину и позволил нацепить на себя оковы, хотя способен расплавить их своим пламенем!

И пламя это нужно вызвать.

Всю жизнь Влад поступал так, как велело ему сердце. Совершал безумные поступки и отхватывал за них, но в душе знал, что поступает правильно. Глотал кровь и шёл дальше, потому что верил, что истина на его стороне. Где-то глубоко, на подсознательном уровне, он догадывался, что в будущем ему предстоит столкнуться с невероятно тяжёлым испытани-

ем, которое бросит самый настоящий вызов на стойкость. И был готов к этому.

Влад сжал обод руля и прислонился к нему мокрым лбом. Его грудь судорожно поднималась и опускалась, пока тяжёлое дыхание горячим потоком вырывалось из лёгких.

Ты не похож на других.

Так сказала та девушка, за которую он заступился тем роковым вечером. Они спрятались в её комнате, и пока родители спали, она обрабатывала ему раны, поглаживая по лицу и светясь благодарной улыбкой.

В тебе есть что-то... неугасающее. То, что в остальных уже давно потухло.

Он помнил её светлые глаза, с любовью смотрящие в его тёмно-карие. Помнил, как внезапно содрогнулось сердце, когда он почувствовал в своей ладони упругую грудь. Влад был совсем юн, и мальчишеская энергия, эта подростковая пылкость горели в нём ярким огнём, пока два молодых тела познавали друг друга на съезжающем одеяле.

Ещё...

Он любил рьяно и нежно, сдерживая дикую похоть и наслаждаясь изгибами женской фигуры. Не желал отпускать её губы ни на секунду, внимая сладкому привкусу клубничной помады. Воздух вокруг них наэлектризовался, и только когда всё закончилось – когда оба они застонали, прикрывая друг другу рты, – над ними повис до этого незнакомый, но такой притягательный аромат секса. В нём перемешалась странная

сладость с запахом спермы. Влада поглотила счастливая меланхолия, и сознание его оставалось равнодушным к словам лежащей рядом девушки – его будущей жены Оли.

Таких как ты – единицы. Запомни это. Ты духовно сильнее тех уродов.

Духовно сильнее тех уродов.

Сильнее...

Он обязан встать и идти дальше. Расправить плечи и запеть во всю мощь, когда весь мир решил замолчать! Оля бы сильно расстроилась, увидев его в таком состоянии, совсем недавно гнавшего машину навстречу воротам ада. Он должен не сдаваться хотя бы ради неё. Ради её души и своей чести! Он сильнее... Да, сильнее. Способен выдержать любой удар, и если эта тварь под названием «Жизнь» отобрала у него самое ценное... что ж, он воздаст ей по заслугам. Станет сильнее и выше, чем прежде. И никогда – никогда, мать его! – не позволит себе дать слабину и обрушить веру в свои силы горой пепла. Оля верила в него. Верила всегда. Теперь её не стало, и на её место пришёл обезображенный труп. И как бы больно ни было, как бы он ни давился собственными слезами, Владу предстояло стать мощнейшим источником веры для самого себя и не подвести свою жену.

Свою любимую девочку.

Он отомстит за неё. Найдёт подонка, который за всем этим стоит, и заставит сожрать собственные кишки, но перед этим Влад выбьет из него всё дерьмо голыми руками,

жадно впитывая кровь сукиного сына. Он будет размазывать его лицо по всей грёбаной планете, пока не успокоится и не остынет.

А этот вулкан, казалось, никогда не потухнет.

У него отобрали надежду – он родит её заново, всё ещё сохраняя в себе любовь к тому человеку, что всегда поднимал его в самые трудные минуты. Станет живым воплощением безудержной страсти жить, и любой, кто встанет у него на пути к этому говнюку, будет тут же сметён с дороги. Да, он доберётся до него и заставит ответить по полной программе за убийство Оли. И если ему это будет чего-то стоить... тогда он заплатит за это, но сначала возьмёт своё.

Влад оторвал голову от руля и вышел из побитой машины. Тёплый ветер обдувал мокрое тело. Жар послеполуденного дня вытягивал из лёгких воздух, сжимая его вокруг. Мир предстал молчаливой картиной умелого художника, написавшего парализующий до костей хаос на улицах Петербурга. Жизнь тихо ушла под покровом ночи, оставив после себя сплошную пустоту и остатки когда-то прекрасной, когда-то изящной планеты. И что самое ужасное – она оставила в этом мире несколько счастливиц, на долю которых выпала возможность приспособливаться к новым правилам и выживать, либо же сдохнуть.

И в голове Влада возник пугающий вопрос: «А как долго люди будут оставаться людьми?»

Ответа он не знал, да и не хотел. Он понял, что условия

стали более жёсткими, и теперь только внутренняя сила человека играла главную роль в победе над жизнью. Мир схватил его в крепкий захват и уже собирался бросить через себя, навечно сломав позвоночник, и Влад уже поддался его движениям, чуть не сдался, но в самый последний момент нашёл опору и смог противостоять. Он высвободился из захвата, но сражение – эта вечная война за право счастливо жить – ещё не закончилось.

Если говорить как есть, оно только началось.

Влад подошёл к машине, но только лишь для того, чтобы взять телефон, после чего вновь взглянул на небо. Чистое голубое одеяло накрыло собой всё пространство над головой, надёжно укрывая всех живых и неживых прочным куполом стратосферы. Ни одно облачко не смело показываться на ясной палитре нежных цветов. И если бы под этой красотой не было груды разбившихся машин и вывалившихся из них тел, то день можно было бы назвать довольно неплохим.

Влад...

Он закрыл глаза, внимая приятному голосу из воспоминаний.

Я ещё никогда не чувствовала себя такой счастливой!

Уголки его губ медленно поднялись.

Ты даже не представляешь, как я люблю тебя...

Сердце забило чаще.

Моя мама слышала нас.

Кровь закипела в палящем огне.

Щипит? Прости...

Он чувствовал, как внутри что-то начинает расти. Что-то мощное и пугающее. Тихий рокот этого существа мерным эхом отзывался в его голове, набирая силу звучания собственного рёва.

Знаешь, почему мне всегда спокойной рядом с тобой?

Повисшая тишина стала ещё более ощутимой.

Потому что я уверена, что мы всё преодолеем. Я уверена в тебе, Влад. Ты встаёшь после каждого падения и продолжаешь идти. Думаю, именно такие люди становятся героями.

На этом моменте она улыбнулась и прильнула к его губам, чуть спустив вниз одеяло.

Просто запомни одну вещь. Даже если весь чёртов мир захочет сломать тебя, продолжай стоять на своём и не вздумай опускать руки, слышишь? Для меня ты всегда будешь героем.

Героем...

Влад открыл глаза и расправил плечи, полностью открывшись тёплому ветру. Он набрал номер Егора и, как только услышал молодой голос, проговорил:

– Привет, Егор. Я звоню сказать, что не смогу приехать сейчас, как договаривались.

На другом конце связи повисло тяжёлое молчание, длившееся дольше минуты. Гулкие удары сердца отдавались в пересушенном горле, пока где-то позади тихо мурчал двига-

тель внедорожника. Тишина давила всё сильнее и когда она стала невыносима, Влад спросил:

– Егор?

– Да, я здесь. – Небольшая пауза, за которой последовал негромкий голос. – Что-то случилось?

– Нет. Точнее, да. Похоже, Земля с адом решили поменяться местами. Но я не об этом.

– Тогда что же?

– Мне нужно кое-что сделать. Да, я обязан это сделать. Лучше скажи, ты встретился с Викой?

– Да, мы сейчас у неё дома, готовимся отправиться в больницу.

– Ей плохо? Что с ней?

– Да с ней всё в порядке, мы поедем к её родителям. Они оставили её на ночь одну, а с утра на звонки не отвечали.

– Егор, ты же понимаешь, что...

– Да, я понимаю, но всё равно должен поехать туда с ней. Нельзя просто ставить на этом крест, даже не проверив. Это... даже не знаю. Неправильно, что ли?

– Что за больница?

– Эмм... Сейчас, подождите. – Влад услышал отдалённое «Вик» и приглушённые, неразборчивые голоса. Через минуту до него донеслось: – Помните, в прошлом году одну из учительниц на скорой забрали с нервным срывом из-за учеников?

– Тамару Алексеевну?

– Да, её. Вот в ту больницу мы и едем. Вроде бы она находится в Красносельском районе.

– Я понял. Возьми с собой телефон, Егор, и будь на связи. Я подъеду к вам вечером, как только всё закончу.

– Хорошо. – Он снова замолчал, явно раздумывая, какой фразой закончить разговор. Наконец он сказал: – У вас всё в порядке?

Влад посмотрел на расстелившуюся перед ним дорогу. Взглянул на вывалившееся из лобового стекла тело, половина которого так и осталась в салоне. Висящий на тоненькой ниточке глаз болтался на лёгком ветру, пока армия маленьких точек ползала по поверхности вырванного мяса. Ещё день-другой, и не щадящая никого жара сделает своё дело, и уже совсем скоро во всём городе начнёт царствовать ужасный, выворачивающий наизнанку запах разложения – этот вечный спутник распутницы-смерти.

– Всё хреново, Егор. Всё очень и очень хреново. И чтобы не стало ещё хуже, поддерживай связь, ладно? Если что, звони.

– Вы приедете?

– Вечером. За мной есть должок, и я обязан его отдать. Иначе потом сам себя не прощу.

– Понимаю. Ладно, тогда мы с Викой поедem и, как будем на месте, сообщим вам.

– Договорились.

Разговор закончился, и вместе с тем внутри Влада начала

набирать силу уверенность. Уверенность в том, что он всё делает правильно и наконец встал на верный путь, подняв голову и расплавив сдерживающие его оковы. Он сел на водительское сиденье, закрыл дверь и, глубоко вздохнув, взялся за руль.

Что ж, вот он – переломный момент.

Влад вывел внедорожник на дорогу и направился к себе домой. Ему надо было завершить одно дело.

Одно невероятно важное дело.

Глава 19

Когти орла, волчицы клыки

– Воду будешь?

Не ответив, Катя выхватила бутылку у него из рук и жадно прильнула к тонкому горлышку. Женя вновь поразился притягательности её тела, способного при одном только взгляде на него разжечь огонь чуть ниже живота. Она пила залпом, наплевав на женскую эстетику. Ручейки воды стекали по её тонкой шее, играя с бликами ламп в небольшом магазинчике. Крупные капли лениво сползали по выступающим ключицам и забирались на обтянутую майкой грудь, скапливаясь у самого выреза белой ткани. Её горло находилось в постоянном движении, и только когда бутылка полностью осушилась, Катя отпрянула от неё и облегчённо выдохнула. Вытерев подбородок, она бросила уже ненужный мусор на пол и продолжила обходить прилавки в поисках чего-то нужного.

– Поднять не хочешь?

Она остановилась и, повернув шею, посмотрела на него из-за длинного занавеса светло-русых волос. И снова эти серые глаза... Женя не знал, почему у него временами сжимается грудь при взгляде на них. Не знал, откуда в этих зрачках столько необузданной магии и манящей... манящей энергетики. Иногда он ловил себя на том, что подолгу смотрел на её

губы, ни о чём не думая, просто наслаждаясь их изяществом. Плавные изгибы её форм заставляли бледнеть окружающую действительность и концентрировать всё внимание только на себе, на своей красоте. Может, подобный туман в сознании был вызван тем, что у Жени самого никогда не было девушки, но если это и было правдой, то лишь отчасти. Главное же заключалось в следующем: что-то в ней его притягивало и никоим образом не желало отпускать. Эта твёрдость в голосе при обращении, чёткие линии скул на её лице, забавная морщинка меж бровей, возникающая, когда она хмурится, и наглая дерзость в её поведении, в её взгляде больше всего цепляли собой Женю, окутывая его таинственным омутом серого моря.

Он видел в нём постоянную напряжённость и готовность броситься на кого угодно – отсюда и выходил этот редко пробивающийся оскал. Понимал, что она гораздо старше его (лет семь-восемь), и именно поэтому не подавал виду, что замечает её слегка сумасшедшей и опасной. Внешне он оставался спокойным и невозмутимым, хотя сердце отчего-то всё время сжималось. И когда они оба вышли из больницы, Женя задался вопросом: «А безумие не заразно?»

Как бы то ни было, он всё ещё находился в здравом уме. Вроде бы...

Катя полностью повернулась к нему всем телом. Проникающие сквозь стёкла магазина лучи скользнули по её волосам и ярко блеснули в смотрящих на молодого паренька

глазах. Смотрящих с лёгким удивлением и еле видимой злостью, перемешанной в жгучем коктейле непонимания.

– Что ты сказал?

Женя, не уводя взгляд с её серых глаз, повторил:

– Ты можешь поднять бутылку, которую бросила на пол?

Она вопросительно наклонила голову на бок, и непринуждённый смех вырвался из её груди. Вот только он был натянутым. Уголки губ поднялись высоко вверх, растянув рот в улыбке и обнажив чистые зубы. Но глаза... они не смеялись. Даже серая радужка не смогла скрыть царствовавшую там боль.

Катя начала подходить. Её кроссовки тихо ступали по белому кафелю, пока сама она медленно, будто чего-то выжидая, приближалась к Жене.

– Ты хочешь, чтобы я подняла эту чёртову бутылку? – Она усмехнулась. Становилось тяжелее и тяжелее сдерживать её пронизывающий, пытающий взгляд. – Ах да! – Руки взметнулись вверх, и голос её повысил свой тон. – Я же совсем забыла, что здесь работают бедные уборщицы! Как я так не подумала-то о них, тварь бессовестная! – Она вновь посмотрела на него. – Да? Ты это хотел услышать, дорогой? Это?! Чтобы я начала орать, пока весь грёбанный мир дохнет у нас под носом, да?! Охрененная идея, дружок! Ты гений! Самый настоящий гений! Я не знаю, как тебе ещё не выдали Нобелевскую премию!

– Успокойся, пожалуйста...

– А ты мне рот не затыкай, понял? То, что тут остались только мы вдвоём, не даёт тебе никакого права командовать мной! И вообще знаешь что? – Она наклонилась и подняла бутылку. – Нахер твои просьбы! – И с размаху кинула её вглубь магазина. Когда послышался удар пластика о кафедру, Катя вновь повернулась к Жене, не переставая смотреть на него вызывающим взглядом. – Доволен? Я выбросила это дерьмо в мусорку. Теперь весь мир – одна сплошная мусорка. И если будешь так распоряжаться моими действиями, – она подошла к нему вплотную, – я вырежу тебе глаза. Надеюсь, ты это понял.

И вот здесь он начал её ненавидеть. Не совсем то слово, способное описать лёгкую щекотку злости глубоко внутри, но именно оно больше всего иллюстрирует те чувства, которые Женя испытал, когда её слова клином впились в его сознание. Её дерзость привлекала, да, но как только она начала переступать порог дозволенного (дозволенного? и кто определил это "дозволенное"), то слабые намёки на гнев стали играть на струнах его разгорячённой души.

Катя смотрела на него снизу вверх, и аккуратная призма её волос чуть прикрывала левый глаз, но не могла скрыть тех ноток (сумасшествия? дикости? безумия?) бушующих чувств.

– Если ты думаешь, что я жду ответа, то очень сильно ошибаешься. Пиздец как ошибаешься.

Она отошла от него и переключила внимание на стеллажи

с сухариками и чипсами. Конечно. Вот только Женя понимал, что она чувствует его взгляд на себе. Это было видно по напряжённым глазам, направленным на одну из пачек на стеллаже, но не видящих эту самую пачку. Всё её тело наполнило сжавшуюся пружину, готовящуюся вот-вот сорваться. И на какой-то момент, на какой-то краткий миг призрак ненависти удалился и уступил место искренней жалости к этому человеку, к этой несчастной женщине.

Но всё вернулось на свои места, когда она произнесла:

– Может, прекратишь на меня пялиться?

– Не прекращу.

Такого ответа она явно не ожидала, и озорная улыбка появилась на полуфиолетовом лице, когда Катя с нескрываемым удивлением посмотрела на него. А он... он продолжал её разглядывать, не переставая улыбаться.

На ней были простая белая майка, чётко подчёркивающая изящество её фигуры, светло-голубые джинсы, не скрывающие стройность манящих ног, и лёгкие серые кроссовки. Волосы были распущены и свободно падали на обнажённые плечи, прилегая в дальнейшем к спине. Карие глаза Жени оценивающе проходились по её телу, визуальнo наслаждаясь каждым изгибом округлённых форм и стройностью прекрасного силуэта.

Вот только под женским силуэтом хрупкой девушки скрывалось нечто большее, чем просто зверь. Он это чувствовал. Не знал откуда, но *ощущал* своей кожей. Там, под обтяги-

вающей майкой, находилось что-то опасное. И только крепкие замки рассудка сдерживали это нечто, не выпуская его наружу. А в том, что звенящие ключи сумасшествия могли запросто отпереть прочную клетку, сомневаться не приходилось.

Наконец их взгляды пересеклись, и как только это произошло, Катя убрала упавшие на лицо волосы и чуть закинула вверх подбородок – этот жест Женя уже хорошо научился распознавать в её движениях.

Они стояли у выхода из магазина, окутанные безучастной тишиной, разбавляемой лишь мерным жужжанием ламп. Оба вышли из больницы ни с чем и негласно приняли решение зайти в какой-нибудь ларёк утолить мучащую их жажду. Хоть Женя и осушил до этого весь кувшин, проклятая жара сделала своё дело в первые минуты, как они вышли на улицу, и выжала каждого подобно губке.

А сейчас его выжимал её взгляд.

Он стоял у самого дверного проёма, перекрывая к нему путь своим телом. Тёплый ветер проходил невидимыми пальцами по его спине и уносился дальше разгуливать по пустым тротуарам и притихшим без людей окнам. В этом небольшом магазине, кассир которого так и не вышел из туалета, друг напротив друга стояли молодой парень и девушка. Казалось, растущее вокруг них напряжение заполняло собой каждую частичку воздуха и давило своей массой, своим ожиданием чего-то неизбежного.

На улице каркнула ворона, и Женя резко повернулся, ошарашенный таким привычным звуком. Но как только он снова посмотрел на Катю, её глаза были как нельзя близко, а рука ещё ближе. И только когда послышался чёткий, невероятный громкий шлепок, а его голову чуть откинуло вбок, он понял, что ему дали пощёчину. Причём такую мощную, какую он не получал ни разу в жизни.

Начнём с того, что он вообще никогда не получал пощёчин.

Его рука рефлекторно взметнулась вверх и провела пальцами по горячей коже. Слава Богу, она ударила по той стороне лица, где было меньше синяков.

Пока что.

Хоть Катя и была ниже Жени, всё же она схватила его за грудки футболки и с силой прижала к дверному косяку. Он не сопротивлялся, потому что знал, что сильнее, но всё же маленький огонёк страха зародился в его груди, когда он увидел сквозное безумие в этих серых глазах.

– Слушай сюда, говнюк, – она говорила быстро и с нескрываемой ненавистью, пока её слюни вылетали из-за рта. – Если ты не в курсе событий, я тебя посвящу. Мир сдох. Не только Питер, нет. Весь чёртов мир! Не знаю откуда, но я это... я это знаю.

Он слегка дёрнулся после последней фразы. Он ведь тоже *знал*. Непонятно откуда, но *знал*.

– И знаешь, что это значит? Знаешь?! – Она тряхнула его,

но только лишь потому, что он ей это позволил. – А это значит, дорогой мой, что нахрен пропали все правила. Закон, конституция и этот твой сраный этикет! Кому будет хуже от того, что я, видите ли, не выбросила в мусорку бутылку? Кому будет от этого хуже?

– А ты не хочешь попробовать остаться человеком? – И смотря ей в глаза, он добавил: – Или уже поздно?

Она опустила голову вниз, так что он видел только её макушку, откуда и росли волосы. Он слышал её дыхание и ощущал слабое, пытающееся показаться сильным давление кулачков на свою грудь. Похоже, она борется с внутренним монстром, не давая ему выйти наружу. И победила, так как сразу разжала ладони и молча вышла из магазина, не проронив ни слова.

Стоило ли ему говорить это? Он не знал. Следует ли сейчас останавливать её, уходящую вдаль, ничего не сказавшую? И кому, опять-таки, от этого будет лучше? Ей или ему? Или им обоим? Женя полагал, что её уход лишь сыграет ему на руку, поэтому решил не окликать эту сумасшедшую и дать ей свободно уйти.

И всё же он крикнул:

– Стой! – Её фигура продолжала удаляться, не планируя замедлять шаг. Наоборот, даже ускорила. Сам не зная зачем, Женя побежал за ней. – Да погоди ты! Давай договорим!

– Ты уже всё сказал.

Спина всё приближалась, и вскоре Женя положил руку ей

на плечо, чтобы слегка развернуть к себе, но её тут же смели, оставив обнимать воздух. Сама она чуть ли не бежала, и чтобы не играть в догонялки, он резко приблизился, встал перед ней и быстро накрыл её плечи своими ладонями, легонько их сжав. И она остановилась. Посмотрела на него сквозь падающие русые волосы и сжала губы, превратив их в тонкую белую линию. Кулачки разом сжались, но Женя не обратил на это внимания и, аккуратно, даже с призрачным страхом убрал упавшие ей на лицо волосы, проговорил:

– Прости, если я...

– Нахер мне твои извинения? Ты лучше следи за тем, что говоришь.

И вот здесь он её стал ненавидеть. Его руки были у её головы, придерживая светлые пряди и не давая им упасть. Внезапно Женя почувствовал безумную смесь любви и ненависти к этим серым глазам, смотрящим на него прямо и неприкрыто. В нём закипело дикое желание прильнуть к её губам, попробовать их на вкус. Порвать эту чёртову майку и сжать её груди, да так, чтобы она закричала. Кончики его пальцев полыхнули ярким огнём злобы, и потушить этот огонь он хотел именно любовью. Любовью? Скорее похотью. Да, именно ей. Лишь на короткий миг она взвыла в нём оглушающим воем и удалилась, оставив после себя только еле слышный шёпот. Но он её *испытал*. Хоть на секунду, но испытал – эту первобытную страсть к чужому, такому манящему телу.

– Может, ты мне дашь пройти?

Женя опустил руки и чуть отошёл в сторону, открыв Кате вид на пустынную улицу, на главной дороге которой было две-три столкнувшиеся машины. Каждый из них стоял и смотрел на другого, и лишь слабый напев ветра перебивал повисшее между ними молчание.

– Иди, – наконец сказал Женя. – Вот только куда ты пойдёшь?

– Надеюсь, что не в жопу.

Лёгкая тень улыбки тронула губы Кати, но тут же исчезла, когда она услышала:

– Что-то случилось?

Её брови вопросительно сдвинулись, и когда Женя увидел это, что-то опять сдавило его грудь.

– В каком смысле?

– В прямом. – Он видел непонимание в её глазах и... да, кое-что похожее на страх. Тот, что показался в палате при первой встрече. – Ты выглядишь какой-то...

– Не твоё дело, как я выгляжу, понял? Одному мужику постоянно не нравилось, как я одеваюсь, и даже когда весь мир передох, нашёлся такой же, блять, ценитель моды!

– Ты можешь успокоиться?

– А ты спокойствия ищешь? Так я тебя поздравляю, дорогой, ты обосрался! Мы на планете Земля, и хер ты теперь сыщешь здесь спокойствия! – Она залилась смехом, и от него у Жени по спине прошлись мурашки. Что-то похолодело внутри, съёжилось и заткнуло уши, лишь бы не слышать настоль-

ко фальшивого смеха. – Слушай, я не хочу себе портить настроение в этот замечательный день, когда всё человечество наконец отправилось в ад. Поэтому давай-ка ты не будешь выносить мне мозги, а я не буду пытаться тебя убить. Мы просто разойдёмся и больше никогда не вспомним друг о друге. Как тебе идея?

– Не думаю, что...

– Господи, да мне насрать. Спросила только из-за твоей сраной «вежливости». – Последнее слово она взяла в кавычки, согнув два пальца и саркастически улыбнувшись. После чего вновь подняла вверх подбородок и зашагала на другую сторону улицы.

Она была на середине улицы, когда Женя крикнул:

– Ты чего-то боишься! Я это заметил в тебе!

– Я боюсь только твоих нудных вопросов!

Не оглядываясь, Катя продолжала идти. Её стройные ноги всё удалялись, а фигура уменьшалась и уменьшалась, пока ветер резво играл со светлыми волосами.

И тут пришло озарение.

Яркая вспышка в запутанном сознании, и именно она осветила те фрагменты памяти Жени, которые он закопал глубоко внутри и думал, что никогда о них не вспомнит.

На одном из них ему сообщают в школе, что отец умер. Сердечный приступ. Потом глубокий провал, и из него выныривает картина, как на нём, держась за шею, повисает мама и рыдает в его рубашку, пока сам он удивляется её сле-

зам и внезапно появившейся любви к своему мужу. Он чувствует, как трясётся тело матери, и десятки глаз пришедших устремлены именно на него – сына мертвеца. И наконец выступает тот момент, когда на поминках он выходит в туалет, умывается, после чего смотрит в зеркало. Оттуда на него глядит уставший мужчина, засунутый в шкуру четырнадцатилетнего подростка. Но больше всего... больше всего Женя запомнил глаза. Свои глаза. Этот наполовину опустевший взгляд, что был и у его матери. Вечный поиск опасности рядом с собой, постоянная напряжённость и не отпускающая тревога уже прошедшего – всё это он увидел в отражении себя.

И то же самое увидел в её серых глазах.

Он поднял голову и увидел, что Катя почти добралась до другой стороны улицы. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Женя крикнул:

– У тебя кто-то умер!

Женский силуэт остановился и замер на месте. Значит, идём в правильном направлении.

– Умер кто-то из твоих близких, и теперь ты винишь в этом весь мир!

Она повернулась. И хоть расстояние было велико, всё же удалось увидеть, как сжались её кулаки и как поднялись плечи от тяжёлого вздоха. Он действительно ощутил – ощутил на физическом уровне – её пропитанный ненавистью взгляд. И если бы им можно было задавить человека, то Женя давно

бы уже превратился в лепёшку.

Катя пошла вперёд, навстречу ему. Она возвращалась быстрыми шагами, не сводя с полуфиолетового лица глаз и еле сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Казалось, белая майка пыталась её остановить, облепила собой весь торс и сдерживала то, что билось внутри.

Вот только уже было поздно. Все замки слетели, и теперь ничто не сдерживало разгневанного монстра.

Разгневанную волчицу.

Катя мигом подошла к Жене и со всей силы пихнула его в грудь, оттолкнув на пару шагов назад. Его ноги чудом не заплелись, и когда они нашли прочную опору, на всю улицу разнёсся режущий уши женский голос:

– ЗАКРОЙ СВОЙ ГРЁБАНЫЙ РОТ! – Маска ярости на лице не оставила и капли красоты, затмив её гримасой ненависти и злости. – ЗАКРОЙ, СУКА, СВОЙ РОТ! – Она вновь начала приближаться. – ТЫ НИ ХРЕНА НЕ ЗНАЕШЬ! НИ ХРЕНА, ПОНЯЛ?! И НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ОБ ЭТОМ ГОВОРИТЬ!

Теперь они стояли вплотную друг к другу, и каждый из них вглядывался в другого. Женя чувствовал давление её груди на свои нижние рёбра и ощущал разгорячённое, такое тяжёлое дыхание на лице.

– Так Расскажи мне. – На один краткий миг все звуки мира разом притихли, и только его собственный голос звенел в одиночестве. – Если я не имею права об этом говорить, рас-

скажи мне.

И она вновь засмеялась, отвернувшись от него. Натянутым, безумно фальшивым и что-то скрывающим смехом. Он красиво переливался в дуэте с приятным голосом, но явно отдавал отчуждённостью, неискренностью. И когда Катя перестала смеяться, посмотрела на него, Женя опять удивился, какими же холодными оставались её глаза, в центре которых сквозила отчаянная злоба.

Именно Женя тогда впервые подумал: «Серый лёд».

– Рассказать тебе? – Она попыталась выдавить из себя смешок, но лишь подавилась им и язвительно улыбнулась. – Может, тебе ещё отсосать? Ну а почему нет? Раз требовать, так давай всё! – Катя приблизилась к нему и тыкнула пальцем по центру груди, продолжая смотреть в карие глаза. – Ты – никто, и что-то рассказывать тебе я не собираюсь. А если будешь выкрикивать всякую хрень, которая придёт к тебе в голову, то я просто-напросто запихаю твой язык тебе же в жопу.

Её губы слегка задрожали. Женя заметил, как чуть-чуть покраснели глаза. Внезапно он вновь почувствовал к ней жалость и... чёрт, он захотел её обнять! Станный прилив нежности заполнил недра его сознания, и появилось желание успокоить её, прижать к себе и сказать, что всё будет хорошо. Безумие? Может быть. Сумасшествие? Вполне возможно. Видать, оно всё-таки заразно.

Вместо грубого ответа Женя накрыл обнажённые плечи

своими ладонями, но она тут же отпрянула, как от чего-то горячего. Её скулы вновь воинственно прорезались, а все мышцы на теле разом напряглись.

– Не трогай меня. – Катя говорила медленно, чётко выделяя каждое слово. – Не смей прикасаться ко мне.

– Хорошо. – Он поднял руки вверх, показывая, что выполняет просьбу. – Но можно я задам тебе один вопрос?

– Я уже сказала, что меньше всего на свете хочу слышать твои вопросы. Я уйду. И не вздумай идти за мной, понял? Я лучше сдохну или перережу тебе глотку, чем буду терпеть твою компанию рядом с тобой.

Она двинулась, но Женя схватил её за руку и удержал. Почувствовал, как напряглись мышцы под рукой, и заметил настороженный блеск в серых глазах. Они смотрели на него с готовностью наброситься, если на то будет необходимость, и выжидали.

Сдерживая этот пронзительный взгляд, Женя сказал:

– Это ребёнок?

Её глаза округлились, а рот тут же приоткрылся, но лишь на мгновение. Со скоростью рыси она схватила его за футболку и дёрнула от себя. Они поплелись на дорогу и остановились только тогда, когда Женя ударился о борт чьей-то машины.

Она дала ему мощную пощёчину, и на этот раз по самому синяку. Её вены натянулись и зазвенели подобно цепям, что всё-таки не смогли сдержать разгневанную волчицу, и теперь

никакие замки не запирали внутреннего монстра, внутреннего демона.

– ЗАМОЛЧИ! – Она перешла на визг и полностью потеряла контроль над собой. – ЗАТКНИСЬ! НЕ СМЕЙ О НЁМ ГОВОРИТЬ! ТЫ... ТЫ...

Катя судорожно вздохнула и подняла влажные глаза к небу. Первые слёзы начали скатываться по горячим щекам, поблёскивая в лучах летнего солнца. Она поднесла руки к голове и сжала её, издавая жалобный стон.

– Что за человек то ты такой, а? Зачем... – Их взгляды встретились. – Зачем ты это делаешь?

И сейчас, впервые за всё время в глубоких зрачках он увидел то, что меньше всего ожидал там увидеть.

Мольбу.

Катя опустила голову вниз, и водопад светло-русых волос скрыл от мира дрожащее лицо. Обнажённые плечи поднимались и опускались в унисон с редкими всхлипами, и Женя уже решил снова попытаться прикоснуться к ней, когда плечи замерли, а сама она подняла голову.

– А теперь послушай меня. – Тонкие красные сосуды обрамляли белки глаз, пока слёзы одна за другой срывались на горячую кожу. – И не смей перебивать, иначе одними только пощёчинами не отделаешься, понял? – Она ещё сильнее вжала его в борт автомобиля и не сводила взгляд с наблюдающих карих глаз. – Иди ты нахер. На-хер. Если до тебя не дошло, так уж и быть, объясню. Я хочу свалить подальше от тебя, а

так как мы здесь только вдвоём, то, дорогой мой, мне никто не помешает выпустить тебе кишки прямо здесь, если ты будешь продолжать говорить всякую хрень! И не твоё это дело, кто у меня... – Катя подавилась вырвавшимся всхлипом и с трудом втянула в себя нагревающийся воздух. – Короче, если я услышу ещё хоть одно слово из твоей тупой башки, пока буду уходить, то я вернусь и выбью из тебя всё дерьмо. Усёк? Я не собираюсь это обсуждать, так что я предупредила. И уж поверь, я то смогу...

– Сын. Ты потеряла сына. И звали его Миша. – Она перестала дышать, и, казалось, сердце её тоже остановилось. – Ты нашёптывала это имя, пока мы шли к магазину.

Тишина...

Даже ветер притих, боясь того напряжения, что создалось между Женей и Катей.

Волчица хищно смотрела на сидящего орла, напрягшего свои крылья и вглядывающегося в движения опасного хищника.

Катя с размаху ударила его под дых, и удар её был невероятно сильным – пропитанный отчаянной злобой и искренней ненавистью, он разом вырвал весь воздух из лёгких. Женя мигом согнулся и упал на четвереньки, беззвучно шевеля ртом.

– Нравится?! – Она занесла ногу и со всей силы пустила её в полуфиолетовое лицо. Почувствовала сопротивление черепа кончиком кроссовка и увидела, как голова его отки-

нулась в сторону, а сам он полностью упал на асфальт.

Волчица ранила орла.

Его же сознание билось в истерике. Струйка свежей крови стекала по тёмной коже, и наконец, воздух стал проникать в лёгкие. Женя слышал её смех – её сумасшедший смех, – и быстро упёрся руками о землю, чтобы встать. Совсем как тогда, той самой ночью.

Но он не успел, и новый удар пришёлся по рёбрам. Тело вновь рухнуло вниз, и протяжные стоны начали разноситься над крышами опустевших домов.

– Умник, сука! Не смей ничего говорить про моего МИШУ! Ты недостойн, чтобы вообще что-нибудь...

Но она не договорила. Услышала лишь мгновенный звук – скольжение подошвы по асфальту, – и вскоре её рот закрыл чужая ладонь. Стоящий на ногах Женя резко вжал её в автомобиль, и теперь уже он вглядывался в неё, сдерживая крепким захватом руки у самой шеи.

Орёл расправил крылья.

Он с силой надавил ей на рот, чувствуя пальцами острые скулы. И впервые он был так близок к тому, чтобы ударить женщину

– А вот сейчас ты послушай меня, дорогуша. – Кровь продолжала течь по его лицу. – Если ты возомнила себя амазонкой, то я скажу, что со мной это не работает. У меня тоже есть гордость и честь, и не думай, что я не смогу дать тебе сдачи. Ещё как смогу. – Она дёрнулась, но не смогла вы-

рваться из его рук. – Ты сама сказала, что здесь никого нет, поэтому посмотрим, кто из кого выбьет всё дерьмо. – На ладонь упали две крупные капли солёных слёз, сорвавшихся с покрасневших глаз. В них сквозил самый настоящий гнев и... страх. Опять. – Слушай, я не желаю тебе зла.

Катя что-то пробубнила, но он сильнее надавил ей на рот и сжал шею, заставив серые глаза сощуриться в приступе боли.

– В твоей жизни случилось горе, но если ты настолько слаба, что не можешь это нормально принять и начинаешь обвинять в этом весь мир, то я не позволю тебе обвинять меня. Твой сын погиб, и это нужно при...

Но её ногти уже впились ему в шею, заставив ослабить хватку, и Катя тут же вырвалась из неё и закричала:

– ХВАТИТ! ПОЖАЛУЙСТА, ХВАТИТ! ТЫ ИЗВЕРГ! ПЕРЕСТАНЬ МНЕ ЭТО ГОВОРИТЬ! – И зарыдала. Она облокотилась о верх машины, опустив голову между скрещённых на крыше рук. Светлые волосы заботливо скрыли лицо от Жениных глаз, ярко выделявшихся на тёмной маске синяков.

Её всхлипы были ужасны. Никогда прежде он не слышал ничего более пугающего. Сердце его невольно съёживалось каждый раз, когда Катя судорожно делала вдох – неравномерный и проникающий в самую душу. Её вспотевшая на жаре спина то и дело подрагивала, обтянутая влажной белой майкой. Пробивающиеся сквозь всхлипы стоны затрагивали струны глубоко в сердце, и отчего-то грудная клетка

ка показалась ему слишком маленькой, слишком тесной. Он вновь ощутил это странное, разжигающее внутри огонь чувство, природа которого до сих пор оставалась для него загадкой.

Внезапно Женя возненавидел себя. И возненавидел за то, что заставил плакать (рыдать, а не плакать) эту женщину, хоть она и грозилась вырезать ему глаза. Но он чувствовал, что попал точно в цель, и причиной такого поведения является и вправду нечто серьёзное.

Например, смерть любимого сына.

Тёплый ветер слегка трепал её волосы и играл с ними, но они всё так же укрывали искажённое плачем лицо. Подойти к ней и хотя бы прикоснуться означало переступить черту опасной зоны, поэтому Женя просто сказал:

– Ты хочешь уйти?

Она подняла голову, и лучи солнца подчеркнули красоту её заплаканных глаз.

– А ты ещё не понял?

Он молчал и смотрел на неё. Смотрел на сломленную жизнью женщину, у которой отобрали самое дорогое, что только было на свете – ребёнка.

– Я хочу свалить от тебя на другой край планеты. – Её верхняя губа чуть приподнялась, обнажив зубы в подобии оскала. Катя отошла от машины и приблизилась к Жене, расправив плечи. – Никогда в жизни я не встречала такого гнилого человека, как ты. Никогда. И если ты сдохнешь, я буду

танцевать на твоём трупе, пока он не разложится, понял?

– Почему ты...

– НЕ СМЕЙ! – Она повысила голос, но тут же взяла себя в руки. – Только попробуй задать мне хоть один свой грёбаный вопрос. Только попробуй. – Нервный смешок вырвался из её груди, а за ним и ещё один. Они выходили один за другим, и вскоре она залилась громким, даже пронзительным смехом. Истерическим смехом нездорового человека, психика которого начала давать сбой.

Катя упёрлась руками в колени и продолжала смеяться, пока из глаз крупными каплями срывались слёзы. Женя смотрел на неё дольше минуты, после чего неуверенно спросил:

– Всё в порядке?

Давясь последними смешками, Катя ответила:

– Да я просто представила, как буду танцевать джигу на твоём теле, и это так смешно! Господи... – Она выплюнула ослабевающий смех и серьёзно посмотрела на Женю. – Ни слова о М... о моём сыне. Вздумаешь идти за мной, то как только попадёшься мне в руки, клянусь, я оторву тебе яйца и оставлю истекать кровью, пока ты наконец-то не сдохнешь.

– Если сможешь.

– Смогу, не сомневайся. То, что мы очнулись в одной больнице – всего лишь случайность, и дальше мы пойдём разными дорогами.

Она замолчала и в повисшей тишине смотрела в тёмно-ка-

рие глаза. Женя, воспользовавшись моментом, сказал:

– Понял?

Её брови комично сдвинулись.

– Что?

– Ну, ты не сказала своё «понял?». Оно мне уже успело понравиться.

– Шуткануть решил, да? Ну тогда я тебе тоже расскажу шутку, слушай внимательно. Жил-был один урод по имени Евгений. Жил, не тужил, и тут херак! Весь мир отправился прямиком в задницу! И тут сука-судьба захотела приколоться и оставить его в живых, засунув его тельце рядом со мной. Клёво, да? И теперь этот козёл осознал, что на всём белом свете осталась одна особь в моём лице и начинает выносить мне мозг и срать в душу, на самое больное. На самое больное!

– Но в голову этой особи не приходит такая мысль, что этот козёл может ей помочь?

– Да ты что! Один раз я так повелась и вышла замуж за кретина, а потом он трахнул меня и исчез. Тоже, блять, хотел помочь.

– Я не он.

– А почему я должна тебе верить? Мы знакомы меньше двух часов.

– Ты не должна мне верить, но просто то, что ты говоришь – неправда.

– А что тогда правда?

Он сглотнул и почувствовал, как слюна царапает стенки пересушенного горла.

– То, что ты одинока. Тебе нужен кто-нибудь рядом.

– Ну уж точно не ты. Слушай, ты думаешь, я не смогу выжить одна?

– Только если из ума.

Она одарила его лучезарной улыбкой и тихо проговорила:

– Без твоего дешёвого юмора как-нибудь обойдусь.

Катя отвернулась и пошла прочь, но Женя снова ухватил её за руку и остановил. Их взгляды встретились и зацепились друг за друга, проникая в самые глубины неизвестного.

– Я не буду тебя держать, но...

– Именно поэтому ты не даёшь мне уйти, да?

– Я не даю тебе уйти только по одной причине.

– Ну и почему? Давай, удиви меня.

– Потому что... – Он взглянул в серые радужки вокруг её зрачков. – Потому что я волнуюсь за тебя.

Катя открыла рот, чтобы что-то сказать, но так и осталась стоять, непонимающе уставившись на Женю. Слова пытались вылиться наружу, но застревали в горле мёртвым комом. Она лишь смотрела в эти карие глаза и не могла издать ни звука.

– Да, я понимаю, звучит как бред, но я правда не хочу тебя отпускать. Выбор, конечно, за тобой, но...

– Ты волнуешься за меня?

В её голосе не было ни насмешки, ни присущего ей сар-

казма – лишь искреннее удивление и интерес. И что-то ещё. Что-то... похожее на недоверие.

Женя, всё ещё держа её за руку, сказал:

– Да, я переживаю.

– Правда?

Блестящие ручейки вновь потекли по щекам, и ему вроде бы даже показалось, как совсем слегка потянулись вверх уголки её губ. Но что он точно увидел – что он *почувствовал* – так это то, как чуть растаял серый лёд. Сначала он треснул и тут же начал под силой тёплых лучей... внимания?

Женя мягко проговорил:

– Правда.

Но она не поверила. Никто никогда не волновался за неё, за её здоровье или хотя бы настроение. Ни мать, ни бросивший их отец, ни бросивший муж. Только Миша понимал её, и то его у неё забрали. Всем всегда было насрать на её самочувствие и жизнь в целом. Это стало аксиомой с самого рождения, и отрицать такое было глупо. А пытаться переубедить её с помощью лжи – ещё глупее.

Женя вдруг увидел, как привычный холод вернулся в глаза, сместив с места внезапно возникшую искренность. Катя вновь превратилась в ту девушку, которая пару минут назад обещала оторвать ему яйца и пускала кровь на лице, знакомя свой кроссовок с чужой головой.

Она высвободила руку и сказала:

– Не надо мне врать.

После чего развернулась и зашагала к углу одного из домов – на ту сторону улицы, к которой пыталась дойти с самого начала. Он не стал её окликать или звать, а просто смотрел ей вслед и снова ощущал это странное, щемящее чувство глубоко в груди.

У самого поворота она остановилась и обернулась. Даже с такого расстояния Катя увидела, что по лицу Жени течёт кровь, и невольно поджала губы. Их взгляды сплелись между собой в полуденном воздухе жаркого летнего дня. Они смотрели друг на друга, и оба молчали. Тянувшаяся вдаль дорога, на которой стоял молодой парень в компании разбитых машин, и молчаливые стены домов, тени которых укрывали застывшую девушку. Прошло не более десяти секунд, но казалось, что их бессловесный разговор длился вечно.

Катя в последний раз взглянула на Женю и отвернулась. Зашла за угол здания и исчезла из виду, оставив его полностью одного.

Он смотрел на то место, где она стояла, ещё около двух минут, после чего повернулся к этому проклятому магазину, и в его голове ярким контуром зажглись два вопроса.

Что теперь делать?

И что с ней будет?

Глава 20

Так как надо

Он смотрел на неё и не мог поверить своим глазам.

Её маленькая грудь, залитая вытекшей кровью, медленно поднималась и опускалась, пока открытый рот мерно вдыхал воздух. Джонни с изумлением вглядывался в слипшиеся волосы, что обрамляли собой аккуратное юное лицо.

Невероятно юное и прекрасное.

Он решил заехать в этот магазин сразу, как увидел заправку на повороте. На своём велосипеде он проехал мимо двух столкнувшихся машин, и сразу же заметил прерывистую кровавую дорожку на асфальте, ведущую к съезду на АЗС. Спустя уже пару минут перед Джонни открылись автоматические двери, впуская его в общий sklep посетителей и работников магазина.

И лишь одна девушка продолжала дышать и цепляться за жизнь, прислонившись к железному шкафчику у кассы на самом полу.

Чёрная сажа, высохший пот и потемневшая кровь окрасили её тело в мрачные тона, лишив красоты светлой кожи. Когда-то розовая футболка с милым зайчиком превратилась в порванную тряпку, что висела лохмотьями на хрупких женских плечах. Холодный кафель покрыла огромная бордовая

лужа, и Джонни пришлось схватиться за столик кассира, чтобы не поскользнуться в этом гигантском море человеческой крови. Как много её умещалось в этой худенькой девочке! И что самое удивительное – она не собиралась умирать, а наоборот – снова и снова делала вдох, противостоя ненасытной смерти.

Но она умирала. В этом не было никаких сомнений. Но он может спасти ей жизнь. Для чего?

Два голубых глаза ярко блеснули на лице сорокалетнего мужчины, и предвкушающая сладость улыбка растянулась на его лице. Он так же смотрел на измазанное кровью тело, пока уголки его губ поднимались выше. Взгляд скользнул от её ног к голове, и что-то потянуло его вверх. На вершине железного шкафчика маленьким уголком выпирал край аптечки, где и должно быть всё самое необходимое.

Да, детка! Всё складывается именно так, как надо.

Часть 3

СИЛА ВНУТРИ

I will fight until the end

Even if I'm crawling on my hand and knees and bleeding out
"Blood Runs Red", 78rpm

Глава 21

Учитель и ученик

Чёрный внедорожник Влада никак не годился для нынешних дорог, так что пришлось идти пешком, пока на глаза ему не попался спортивный магазин. Охраны на месте не оказалось, да и клиентов было не шибко много, и то все они теперь стали сладостным кормом для мух. Поэтому Влад смело вошёл внутрь и прошёл до самого последнего отдела, где его ждало три велосипеда: чёрно-жёлтый, полностью серебристый и красный. Ценники на каждом из них стремились взлететь в небеса, но так как деньги вовсе потеряли свою значимость, было принято решение забрать велосипед без какой-либо оплаты. Теперь брошенные реликвии старого мира будут принадлежать только тому, кто первый их найдёт.

Влад выбрал чёрно-жёлтую окраску, и сразу же в его голове возникла мальчишеская мысль: *«Шмель. Я буду называть тебя Шмелём».*

Он выкатил его на улицу и, посмотрев на чистое небо, увидел ванильные тона приближающегося заката. Свои часы он оставил (забыл, что уже себе-то врать?) дома, но ни в коем случае не вернётся за ними. Никогда больше в жизни он не ступит за порог своей бывшей квартиры, где пролетело столько счастливых лет в браке с Олей. Он поклялся себе но-

чевать сегодня где угодно, но только не там. Хоть будет град в дуэте с бьющими о землю молниями, их прошлый дом так и останется запретной зоной, даже если станет единственным безопасным местом на всей Земле. Влад вернулся туда против своей воли, сделал то, что в глубине души возненавидел, и после завершения тут же уехал на своём внедорожнике, пока не застрял в пробке мертвецов. Оставлять кусочек прошедшей счастливой жизни на растерзание новому миру было трудно, невыносимо тяжело, но Влад понимал, что если не отпустит его, то навечно останется сидеть за рулём своего красавца, превратившись в ещё один труп из тысячи других, что встречали его на каждой улице. Поэтому он и продолжил путь пешком, пока не увидел вывеску спортивного магазина на следующем повороте.

И сейчас он стоял у самого выхода, одетый в бежевую футболку, на груди которой тёмным силуэтом красовался баскетболист в самом прыжке у кольца. Свободно разгуливающий ветер поднимал русые волосы вверх, и как же приятно было ощущать его дуновение на чисто выбритом лице! Проклятая борода наконец исчезла, и вместе с ней пропал безумный зуд кожи под жёсткими волосами. Сразу после душа, после того, как смылась вся кровь, Влад встал перед зеркалом и взял в руки бритву, намереваясь убрать ещё один кусочек прошлого со своих плеч.

Со своего лица.

Он вернулся домой лишь с одним желанием, отказ от ко-

того преследовал бы его всю оставшуюся жизнь – покончить с прошлым, проведя его достойным образом. Он не убежал от него, нет, а стремился встретиться с ним лицом к лицу и не страшась похоронить под толстым слоем глубокого забвения. Оставить в их квартире всё то, что смогло бы напомнить о миновавшем счастье и набросившимся ужасе, и выйти из неё с освободившейся от груза душой. Следует принять то, что произошло, и, выпрямившись во весь рост, пойти дальше – навстречу будущему, вырвавшись из прошлого.

Поэтому Влад и сделал то, что сделал, хоть его желудок постоянно протестовал этому. Он открыл дверь и вошёл внутрь, всё ещё будучи только в семейных трусах и окрашенный кровью собственной жены. Добрался до спальни и вновь увидел раскиданные по кровати останки, соединяющиеся в некое подобие человеческой фигуры. Будто в пьяном тумане он сложил их в большой чемодан для их совместных путешествий. Серую ткань обрамляли аккуратные рамки, и хоть с момента покупки и прошло уже более десяти лет, это абсурдное сочетание серого и розового до сих пор смотрелось отлично и навевало приятные воспоминания о радостных улыбках и её переливчатом смехе.

Поэтому он и хотел похоронить Олю именно в этом чемодане – таком красивом и прекрасном, что его хотелось немедленно выкинуть.

Влад не помнил, как складывал части тела Оли на дно чемодана. Не помнил, как болели пальцы, пока в сумасшедшем

бреду выкапывал землю клумбы во дворе. Его сознание заботливо задвинуло шторы перед всем происходящим, пытается сохранить психику в норме. Окружающий мир поплыл перед глазами, и впервые в жизни Влад действительно испугался, что его мозг может вскипятиться. Мышцы рук беспрестанно изнывали от боли, и когда была вырыта достаточно глубокая яма, он взял чемодан и опустил вниз. Собирая разбросанную вокруг грязь, принялся закапывать гроб своей жены и прежде чем закончил, два раза опустошил желудок, но продолжал держаться на ногах и оставаться в сознании. Когда поверхность клумбы стала такой же ровной, какой и была, а солнце заметно сместилось на ярко-голубом небе, Влад медленно встал с четверенок и, тихо рыдая, поплёлся обратно в квартиру.

Его руки по локоть были испачканы грязью, по голому торсу текли капли пота, перемешанные с тонкими красными ручьями. Помыв руки, он принялся за уборку и на протяжении часа отмывал кровь по всей квартире. Она была везде и больше всего – в их спальне, окутав кровать огромной, пугающе огромной лужей. Она заполняла собой вёдра, так что Влад каждый раз выливал и мыл их, потому что не мог смотреть на то, как кровь его жены, выжимаемая с половой тряпки, добиралась до самых-самых краёв. Жара потихоньку отступала, и вскоре в открытые окна стал проникать прохладный ветерок, но ещё долго слышался плач одинокого мужчины на фоне оглушающего шума пылесоса. Он вычищал

квартиру дочиста, ведь хотел покинуть её и оставить в достойном виде – в том, который бы точно понравился Оле. В некотором смысле это место может стать отправной точкой его новой жизни, и он желал начать её с уважением к прошлому и отпустить его, сохранив всё прекрасное, что было в нём всегда.

После того как Влад полностью убрался, уставший и вымотанный донельзя, он сходил в душ и смыл с себя остатки пережитого ужаса. Тогда же он и сбрил бороду, удивившись молодому лицу, увиденному в зеркале. Уже через десять минут он вышел из квартиры, по привычке закрыв дверь на ключ. Немного подумав, снова провернул его, вернулся и бросил на кровать, после чего навсегда переступил порог бывшего дома, лишь чуточку прикрыв дверь. В этом мире необходимость запираеть двери отпала, и если кому-то пригодится его квартира в качестве убежища... что ж, он будет только рад.

Влад вышел на улицу полностью голым, оставив всю свою одежду, все свои вещи позади. Его душа и тело очистились и не нуждались в накидках минувших дней. Раз он решил переродиться, следовало бросить абсолютно всё в мусорку и отправиться в путь ни с чем, только в дороге собирая новые частички строящейся жизни. Он так и поступил, зайдя в расположившийся рядом магазин одежды, где, не заплатив мёртвому кассиру, взял бежевую футболку, джинсы, носки, трусы и спортивные кроссовки.

Сейчас же он стоял на углу одной из сотен опустевших улиц, сжимая руль своего нового велосипеда. Жара продолжала отступать, и прогонял её внезапный прохладный ветерок, что разбавлял горячий воздух приятной свежестью. В голубую синеву ясного неба кто-то макнул тоненькой кисточкой с красной краской на самом конце, и теперь тёплые цвета стали слабо разливаться по огромному потолку мира, стекая плавными волнами к горизонту. Неожиданно Влад ощутил, насколько же велика планета. Насколько он мал по сравнению с бесконечными просторами гигантской вселенной. Но даже несмотря на свою крошечность он был полон уверенности, что сама Земля станет покорна ему, и не существует на ней ни одного такого места, до которого бы он не смог добраться. Человек способен на всё и даже больше, стоит ему лишь поверить в себя. Каждый, абсолютно каждый может свернуть горы и взять в руки парящую в небе звезду, но главная беда многих людей заключается в том, что они не верят в себя и свои силы; не верят, что достойны величия, и боятся забраться на вершину Эвереста.

И даже если весь мир отправился в ад, но в нём ещё остались достойные люди, тогда есть надежда на возрождение Спадшей Империи. Потому что никакие испытания, никакие Армагеддоны не смогут остановить и уж тем более сломить тех, в чьих жилах течёт неистовая сила и чья вера крепче любого металла. Именно на плечах таких героев испокон веков держался весь свет, и если он вдруг начинал меркнуть, оку-

наться во тьму, то мощное сияние живых легенд приумножало его и поднимало ещё выше.

Влад чувствовал, как растёт внутри палящая огнём уверенность; как расправляются его плечи и как преданно бьётся рвущееся в бой сердце. Он обрёл гармонию. Безумие, но сейчас он чувствовал себя как нельзя хорошо. От его жены остались обглоданные останки, он закопал их во дворе под окнами дома и сам выжимал мокрую тряпку над ведром, наполняя его кровью любимой женщины. Но... чёрт, как же прекрасно он себя ощущал! Прошёл через ад и ворвался в ворота душевного рая. Упал на колени и вот уже занёс лезвие над собственным горлом, но заставил себя встать и идти дальше, хоть и был сильно ранен ударом жизни. Он смог победить себя и свою слабость, а значит, и сможет справиться с любыми другими сложностями, ведь самое главное – это...

...обрести гармонию внутри себя, Егор.

Да, обрести гармонию внутри себя. В этом ты прав, Влад. Чертовски прав.

Он закрыл глаза и всей грудью вдохнул свежий воздух подступающего вечера. Уголки его губ приподнялись в искренней улыбке, и как же всё-таки было приятно ощущать ветер на своём чисто выбритом лице! Как он щекотал гладкую кожу и обволакивал её лёгкой прохладой! Этот день был ужасным, но Влад не позволит ему стать ещё хуже. Пока он жив, пока в его венах течёт кровь, он будет бороться за право жить на этой проклятой Земле и до последнего вздоха ве-

ритель в рассвет когда-то павшего мира.

Влад открыл глаза и крепче сжал ручки велосипеда. Не переставая улыбаться, он оседлал Шмеля и выехал на простирющуюся вдаль дорогу.

***

Когда он подъезжал к больнице, его голову пронзила яркая вспышка озарения, так что ему пришлось затормозить, чтобы не врезаться в открытую дверцу машины. Он остановился и уставился в трещины на асфальте, после чего тихо проговорил:

– Твою мать.

Сенсорный телефон остался в его доме (в его *бывшем* доме), и если Егор звонил ему, то мог не рассчитывать на ответ. А вдруг что случилось с той девочкой Викой? Вдруг им грозит опасность, и только он был способен отозваться на их зов о помощи? Влад же обещал, что будет держаться на связи. Или не обещал? Он не помнил. Забыл, чёрт возьми! Крыша больницы уже виднелась над кронами деревьев и находилась совсем близко, поэтому он вновь закрутил педали и как можно быстрее направился к ней, лавируя меж обломков автомобилей.

Заехав во двор, Влад увидел силуэт высокого мужчины, стоящего в гордом одиночестве на краю крыльца. Силуэт поднял руку и дружелюбно помахал. Это был Егор. Сомнений в этом быть не могло, и скользнувшие по голубым глазам лучи лишь подтвердили это. Не прошло и суток, как они вме-

сте покинули бар, держась друг за друга и смеясь во весь голос, но Владу показалось, что проползла целая вечность. Сегодняшний день стал самым длинным в его жизни, и именно поэтому он так радовался рубиновым оттенкам заката высоко в небе.

Шмель начал замедляться и вскоре полностью остановился у подножья широкой каменной лестницы.

– Здравствуйте.

Влад слез с велосипеда и поставил его на подножку, после чего пожал протянутую ему руку.

– Привет, Егор. Мы вроде как уже перешли на «ты».

Невидимая ниточка потянула вверх уголки губ молодого юноши, хоть и удалось ей это сделать с большим трудом.

– Да, я помню, но тогда я был слегка пьян и вообще мог назвать вас своей любовницей. – Он секунду помолчал и добавил. – Но хорошо, ладно, перейдём на «ты» – так будет правильно. – Егор внимательно всматривался в лицо Влада, не скрывая искреннего интереса. – А где борода? Унесло ветром?

Влад засмеялся, по-настоящему радуясь, что даже при таких обстоятельствах Егор ещё не разучился шутить. Улыбаясь, он проговорил:

– Нет, для неё потребовался бы ураган. Никогда не думал, что будет так хорошо без бороды.

– Ты как будто... помолодел, что ли? Ни разу не видел тебя без бороды.

– Ага, хоть на человека стал похож.

Они стояли во дворе больницы, где размещалась пара-тройка служебных машин, и не было ни одного даже мёртвого человека. Прохладный ветер лишь скромно заглядывал на парковочную площадку, играя с брошенным людьми мусором. Окутавшая город тревога, что заполнила головы многих жителей после «сияющих фонариков», ощущалась сейчас как нельзя чётко и давила своей тяжестью на плечи тех, кто остался в живых после роковой ночи. Она витала в воздухе подобно острым духам, прожигаящим лёгкие безумной насыщенностью. Чувствовалась на коже и не ослабляла хватку с нервных клеток. Тревога стала первым проводником нового мира в старый; первым предвестником грядущего Апокалипсиса и верным спутником подступающей смерти, что лишь немногих обошла стороной.

Влад вновь посмотрел Егору в глаза, и тот снова удивился, каким же молодым выглядит лицо его учителя. Это было лицо двадцатилетнего студента, и только опыт в глазах да еле видимые сеточки морщин у самых их краешков говорили о том, что этому мужчине уже более тридцати лет. И всё же... он выглядел невероятно молодо.

– Где Вика?

Ответа не последовало. Голубые глаза Егора стыдливо опустились вниз, а руки завелись за спину. Владу хорошо была знакома эта поза – поза провинившегося ребёнка.

– Егор, ты ответишь?

– Отвечу. – Он говорил, не поднимая головы. – Отвечу я, хорошо, только... пожалуйста, постарайтесь... – он осёкся и на секунду остановился, но потом продолжил, – постарайся меня понять. Я сделал это, потому что не было другого выхода.

– Что ты сделал?

– Усыпил её. – Голова наконец поднялась, и голубые глаза блеснули на солнце. – Да, я усыпил её. Но я не мог поступить иначе! Чёрт, она вообще была не в адеквате! Видите? – Егор оттянул край футболки и открыл вид на своё плечо. В ложбинке, чуть выше ключицы, неровной линией была прочерчена неглубокая царапина. – Это вот она. Ногтём. Ногтём, мать его! Хотя я пытался её успокоить и даже смог...

– Где она?

– Эмм... Я не помню номер палаты и отделение, но если пойдём, то я смогу привести к ней. Я уложил Вику в постель и укрыл одеялом, так что она не валяется на полу или где-нибудь ещё. С ней всё хорошо.

Влад серьёзно посмотрел на него.

– А с тобой?

Егор молчал, поджав губы и уставившись на землю. Его плечи начали тяжело подниматься и опускаться, пока сам он шумно вдыхал в себя воздух. Всё ли с ним хорошо? Да! Просто охренительно! Утром он обнимал останки своей матери и позже вглядывался в её чёртовы глазницы, а у него спрашивают, всё ли у него хорошо? Он почувствовал слабое

дуновение гнева, и возненавидел себя за это чувство. Весь свет окунулся в непроглядную тьму, и даже теперь, когда их, несчастных выживших, осталось совсем мало, он позволял себе ненавидеть за какой-то вопрос другого человека. Тем более не просто другого человека, а его друга и наставника, который, быть может, преодолел полгорода ради того, чтобы встретиться с ним.

И Егор укротил свой гнев, но всё же ответил честно и неприкрыто:

– Я сегодня похоронил родителей. И как ты думаешь, у меня всё хорошо?

Но всё равно это прозвучало довольно грубо, и на какое-то мгновение между ними повисло тяжёлое напряжение. Они смотрели друг другу в глаза и оба молчали. Каждый из них почувствовал, будто наступил другому на ноги в лёгком танце их диалога. И когда воздух стал слишком наэлектризованным, Влад произнёс:

– Прости. Ты прав, глупый вопрос. Не следовало мне этого говорить. – Ветер, подсказывая, прошёлся по его спине и волосам. – Проведёшь к Вике?

Егор согласно кивнул, и они вместе пошли ко входу в больницу. Влад невольно бросил взгляд на облокотившийся о стену красно-чёрный велосипед и узнал его, ведь именно он всегда был привязан к столбу, рядом с которым было парковочное место внедорожника у школы.

Который теперь пополнил коллекцию брошенных ма-

шин-призраков.

Ни один из них не проронил ни слова, пока шёл к лестнице. Хоть лифт и работал, они предпочли подняться именно по ней, договорившись меж собой одними только глазами. Струна доверия между ними, что так хорошо образовалась прошлым вечером за барной стойкой, теперь сильно натянулась и грозилась порваться, если её не ослабить. И происходящее с миром лишь всё больше и больше растягивало её. Влад уже начал жалеть о своём вопросе, но тут Егор, будто прочитав его мысли, сказал:

– Ты хотел знать, всё ли со мной в порядке. Это проявление заботы и доброты, но я просто... – Он не смог объяснить и лишь беспомощно сжимал ладони в кулаки, пытаясь поймать нужные слова. – Короче, я не знаю. Я немного на взводе из-за всей этой херни и могу сорваться с любой мелочи. Тут такое! Попробуй оставаться спокойным!

– Понимаю.

– Если вы, – он мигом поправился, – то есть, ты хотел знать, цел я или что-то в этом роде, то тогда да – со мной всё в порядке. Но мне кажется... мне кажется, лучше бы я умер.

Они шли по лестнице, но после последних слов Егора Влад резко остановился, притормозив и его.

– Не говори так. – Он серьёзно смотрел в блестящие от готовых сорваться слёз глаза, радужка которых отдавала цветом ясного моря. – Не смей говорить так, Егор. Ты остался в живых и только хотя бы поэтому...

– Вот именно! Зачем я остался в живых?! На хрена меня заставили смотреть на всё это и участвовать в этом дерьме?!

Он облокотился о перила и поставил на них локти, опустив голову вниз. Чувствовалось, что ему еле удаётся контролировать свои эмоции. Его тело начало слабо трясти. Что-то внутри Егора жаждало вырваться наружу и расшатывало внешнюю оболочку, поэтому сам он всеми силами сдерживал это нечто, не позволяя ему завладеть собой.

– Я... – он тяжело выдохнул и собрался с мыслями. – Я боюсь. Ужасно боюсь. Когда мы с Викой встретились, она тут же обняла меня и зарыдала. Я думал, она упадёт в обморок или потеряет сознание. Знаешь, я никогда в своей жизни не видел человека, так сильного нуждающегося в чьей-то помощи. Она рыдала мне в шею и сжимала в объятьях, но я тоже хотел рыдать. – Егор полностью повернулся к Владу, чувствуя, как текут по горячим щекам слёзы. – Я хотел свернуться клубочком и спрятаться где-нибудь далеко, где меня никто не найдёт. Но она так прижималась ко мне... И вот именно тогда я понял, что должен сдерживаться. Не показывать при ней свою слабость и свои страхи, иначе это пошатнёт её уверенность. Я понял, что для неё в этом мире не осталось ни одной надёжной опоры, кроме меня. А если и я дам трещину, то она вовсе потеряет веру.

– Веру во что?

– Да во всё. В то, что всё будет хорошо. Только я остался для неё олицетворением всего лучшего, во что она всё ещё

верит. И если я начну рыдать на её глазах, то это будет конец для нас обоих. – Егор сжал ладонь в кулак и поднёс его к груди. – Я должен быть сильным. Ради неё. – Громкий всхлип прорвался сквозь его голос, нарушив клятвенную речь. – Да чёрт! – Он вновь повернулся к перилам и со всей силой сжал их. – Я должен быть сильным, да, но я же тоже не железный. И такие порывы, как сейчас, могут просочиться в любую минуту. И только тебе я могу показывать свою слабость.

Влад не ответил, а лишь продолжал слушать, хоть и видел только обтянутую футболкой спину.

– Вчера... Охренеть, это было вчера! Совсем недавно... – повисла небольшая пауза, после чего Егор продолжил. – В общем, вчера, когда мы выпивали, ты сказал одну очень мудрую вещь. Ну, или она кажется мне мудрой. Чтобы хорошо себя почувствовать, нужно обрести гармонию внутри себя. Так ведь?

Он не поворачивался и всё так же сжимал перила, тяжело дыша. Влад аккуратно произнёс:

– Так.

– Так... – эхом отозвалась спина Егора. – Чтобы почувствовать себя хорошо, нужно обрести гармонию внутри себя. Звучит классно. – Он фальшиво засмеялся, и вновь всхлип перебил его. – А можно узнать, что такое гармония?

– Ну, это хороший симбиоз...

– Погоди, погоди. Дай я сам сформулирую. – После этих слов их окутала тягучая тишина опустевшей больницы, и

на краткий миг Влада накрыло то же чувство, что и совсем недавно Женю – будто из щелей чуть приоткрытых дверей за ним кто-то следит. – Получается, гармония – это такое душевное состояние...

– Начало как в школьных учебниках.

Из-за плеча на Влада взглянули два голубых огня, после чего сразу же исчезли.

– Хорошо. Гармония – это состояние души человека, который... смог обрести внутри себя покой и умиротворение. Сделал он это путём... ну, наверное, путём признания реальных фактов и честным разговором с самим собой. Выходит, что гармония – это открытость перед самим собой и принятие себя. Я прав?

– Немного не точно, но суть ты передал правильно.

– Суть я передал правильно... – снова этот ужасный смех и пробивающиеся всхлипы. – А теперь можешь мне, пожалуйста, сказать, – он повернулся к Владу всем телом, – как обрести эту чёртову гармонию сейчас? Когда весь мир подыкает у нас под носом?!

Губы Егора судорожно задрожали, и ему пришлось сжать их в тонкую белую линию, но его голубые глаза продолжали вопросительно смотреть на Влада, умоляя дать ему ответ.

– Что мне делать, а? Что делать, если всё вокруг рушится и хочет сбить тебя с ног? Гармонию искать, что ли?! – Голос начал неровно скакать и слегка подрагивать, но он продолжал говорить, не замечая, что переходит на крик. – Да нахер

эту твою гармонию! Как она мне сейчас поможет?! Как она вернёт моих родителей?! КАК?!

– Успокойся, Егор. – Влад положил ему руку на плечо и сжал его. – Закрой рот и слушай меня. Это никак не вернёт твоих родителей. Не вернёт никого из близких тебе людей. Но это поможет тебе держаться в этом мире.

– Зачем?

– Да хотя бы ради неё, сам же говорил. Но запомни, ты опора не только для Вики, но и для самого себя тоже. Если хочешь заставлять человека подниматься, то тогда умей сам поднимать себя. Не хочешь лишить её веры, верь сам, понимаешь? Подумай сейчас о своих родителях.

– Не хочу я о них думать!

– Подумай! Представь их эмоции, когда они слышат такие слова от тебя: «Лучше бы я умер». Это что такое, Егор? Ты же сильный парень. Очень сильный. Раз ты чувствуешь ответственность перед Викторией, почувствуй ответственность и перед родными. Но самое главное, – блестящие голубые глаза не отрывались от Влада, – почувствуй ответственность перед собой. Я не знаю, что случилось. Но точно знаю, что всё это ужасно. Почему мы остались в живых? Я и этого не знаю. Но в одном я уверен на сто процентов.

– В чём?

– В том, что надо идти дальше.

Егор громко засмеялся и вновь повернулся к перилам, но лишь на секунду. Он развернулся и произнёс:

– Вот так всегда! Ты говоришь: «Нужно идти дальше, нужно обрести гармонию» и прочую хрень! Извини, но это так. Ты говоришь слишком абстрактно и ничего конкретного. Будто взял какие-то цитаты из модных журналов и вставляешь их в разг...

– Ты марионетка?

– Что?

– Я спрашиваю, ты марионетка?

– Эмм... нет. А это тут причём?

Тут уже улыбнулся Влад и твёрдым голосом продолжил говорить:

– Так если ты не считаешь себя марионеткой, то почему думаешь, что я должен давать тебе чёткие инструкции, что и как делать? Ты уже взрослый мужчина и вполне способен принимать решения самостоятельно. Я лишь показываю тебе направление, куда нужно идти, а вот тропу себе уже прокладывай сам. И что ты для этого возьмёшь, зависит только от тебя, понимаешь?

– Ладно, хорошо, а что с гармонией?

– Тебе следует найти силы внутри идти дальше. Не сдаваться. Я не знаю, что мы будем делать завтра, но точно знаю, что оно наступит, и я планирую встретить рассвет нового дня. Может, мы выстроим новую империю, кто знает? Может, мы погибнем где-нибудь в овраге. Но это явно лучше, чем сдаваться и наложить на себя руки, – на секунду Влад замолчал, но сразу же продолжил. – Мы не знаем, что нас ждёт,

но мы будем к чему-то идти, к чему-то стремиться, и только хотя бы ради этого стоит жить. Я не думаю, что мы остались живы просто так. Возможно, это случайность, но что-то слабо мне в это верится. Найди в себе силы, Егор. Мир, может, и погиб, но пока мы дышим и находимся здесь, какая-то светлая его часть всё ещё жива. Она прячется в нас. Не вздумай сдаваться, слышишь? Нам дико повезло! Дико! И мы не должны просрать с тобой этот шанс.

Влад отпустил плечо Егора, но тот будто не заметил этого и всё так же смотрел в глаза своего бывшего (бывшего?) учителя.

– Охренеть... Ты прав. Нельзя просирать этот шанс.

И внезапно он обнял его, крепко зажав в искренних объятиях. Его борода теперь не кололась как вчера, и поэтому Егор ещё сильнее прижался к нему, благодаря Бога или кого-то там за то, что тот ему такого прекрасного человека. Молчаливые ручейки слёз потекли по юному лицу. На одном из лестничных пролётов, в окутанной тишиной больнице, обнимаясь, стояли два друга. Двое мужчин, пережившие настоящий ужас.

Отпрянув, Егор сказал:

– Прости, если я как-то нагрубил, просто был на эмоциях.

– Прощу, но если ты ещё раз у меня за что-нибудь попросишь прощения, то я лично завяжу твой язык бантиком.

– Хорошо, договорились. Так значит, обрести гармонию, да?

– Да, обрести гармонию.

Оба они обменялись взглядами и непонятно отчего рассмеялись.

– Так ты проведёшь меня к Вике?

– А, да, точно. Пойдём.

Они вновь зашагали по лестнице и вскоре вышли в полутёмный коридор, в котором нараспашку была открыта самая последняя дверь, изливая на пол бледные лучи пробивающегося в палату заката.

– Вон там. Я специально так открыл дверь, чтобы она не была похожа на другие, закрытые. Да, знаю, звучит бредово, но меня слегка пугают эти двери по бокам. Вернее, пугали, пока ты не приехал.

Они вошли внутрь и увидели белоснежную кровать, под одеялом которой лежала молодая девушка. Её безумно яркие огненные волосы, чей пламенный жар проходил от корней да самых кончиков, были свободно распущены по подушке и частично прикрывали красивое юное лицо. Влад невольно подумал, что у Егора хороший вкус, но тут губы напомнили вечерний поцелуй Оли, и его желудок мигом завязался узлом, а грудь резко сжалась в крепких тисках.

– Это Вика. После того, как она увидела своих родителей, сразу же впала в истерику, и мне ничего не оставалось, как усыпить её. Я, конечно, не так хотел вас познакомить, но как получилось. – Егор прошёлся взглядом по скрытому одеялом телу. – Пока она спала, я ходил в магазин здесь непо-

далёку. Денег у меня с собой не было, но никто мне ничего не сказал, так что я взял всё, что счёл необходимым. Ни я, ни Вика, да и, думаю, ты тоже ничего с утра не ел, да?

– Да ты экстрасенс!

Этим Влад вызвал у него лёгкую улыбку.

– Ага, экстрасенс. Я понабрал много всяких вкусняшек, тем более срок годности ни у одного продукта истечь ещё не успел. Так что вот все наши сокровища, – Егор указал на небольшой столик в углу палаты, на котором разместилось пять лимонадов, два торта, тринадцать булочек, двадцать два батончика и пятнадцать йогуртов.

– А ложки ты забыл, гений.

– Ой...

И когда Егор отправился искать их на местной кухне, Влад подошёл к столу, взял коробочку из-под йогурта и посмотрел на срок годности.

Глава 22

Рэндж

Он ещё не истек. Чёрные цифры обещали ему ещё две недели, и Женя решил поверить им. Он положил йогурт в свой ранец (не совсем свой, если учитывать то, что он его нагло утащил из магазина), немного подумал и взял ещё парочку. Держа рюкзак за одну из лямок, он направился дальше, внимательно оглядывая стеллажи с продуктами.

После расставания с Катей Женя впервые в жизни впал в растерянность. Он абсолютно не знал, что ему делать. Был предоставлен сам себе в этом огромном, действительно огромном мире и ощутил его тяжёлое давление на свои плечи. Но спустя какое-то время ответ пришёл сам по себе, хоть и до жути простой.

Идти.

Куда? Хороший вопрос. За ней? Точно нет. Может, он и питал к ней нечто особенное, хотя сам не до конца понимал что именно, но всё же у него сохранилась гордость, и если он сказал, что не пойдёт за ней, значит не пойдёт.

Женя принял решение и тут же удивился, почему эта идея не возникла у него раньше. Но причина была до простоты ясна, хоть и жестока.

Что-то ужасное случилось с городом, да и с миром в це-

лом. Насчёт всего света утверждать точно нельзя, но где-то глубоко внутри крепла уверенность, что Апокалипсис настиг всю планету. Но оставил несколько выживших. И почему бы среди них не быть родителям Жени? Вероятность этого крайне мала, но есть. Поэтому он и пошёл к себе домой. Улицы Петербурга он знал хорошо, так как почти всё свободное время проводил на них.

Но хотел ли он домой? Если быть откровенным, нет.

Когда в школе говорили о семье, о тёплом очаге домашнего уюта и о любви, Женя всегда чувствовал стыд и заливался гневом. Потому что у него этого не было. Дома его ждала вечно орущая мать и отец-невидимка, который постоянно сидел перед телевизором и открывал рот только для того, чтобы приказать своему сыночку сбегать в магазин за пивом. Признаться, Женя ненавидел собственную семью. Ему было не знакомо чувство любви, ведь она никогда не распространилась на него. Он постоянно где-то пропадал, потому что не хотел возвращаться в клетку родителей. Он стал тайком проникать ночами в спортзал и тренироваться там до потери пульса, выпуская гнев наружу. В яростных криках избивал грушу и выходил на улицу с разбитыми в кровь костяшками. И единственным светлым пятном в его прошлой жизни была учительница – Елена Николаевна. Женщина средних лет с лучезарной улыбкой, которая всегда заставляла улыбаться в ответ. Она проводила с ним беседы, и зачастую они длились по несколько часов, но пролетали эти часы незаметно,

будто под дуновением ветра. Она показала ему другую, более светлую сторону жизни, и именно она сделала Женю таким, каким он сейчас и является. Хороший учитель – это дар свыше. Если во внешнем мире на ученика оказывается колоссальное давление и постоянный стресс, то только настоящий преподаватель способен увидеть свет в потухшем сердце ребёнка и помочь ему засиять вновь, стать его верным наставником и самое главное – другом. Елена Николаевна была таким другом. Наверное, даже лучшим другом. Она воспитала в нём большинство его лучших качеств, если не все. Выстроила его мировоззрение и не дала загнуться в окружении ненавидящей семьи. Именно поэтому он так часто пропадал у неё в классе и всегда добросовестно выполнял домашнее задание. Женя был бесконечно благодарен этой женщине, спасшей его жизнь; женщине, которая занималась им больше, чем его собственные родители.

И тем не менее он шёл домой. Дамы и господа! Можете смело посмеяться над иронией злосчастной судьбы: маленький мальчик всю свою жизнь ненавидел мать, отца и их дом, но когда всё вокруг вдруг стало разрушаться, что он решает сделать? Правильно! Пойти именно туда, откуда всегда бежал! Смейтесь сколько угодно, но это правда. Грустная правда, сердце от которой разрывается на части.

Паршиво, но в то же время и сладостно было на душе у Жени при мысли о гибели матери. Он понимал, что радоваться этому – плохо, но ничего не мог с собой поделать.

Улыбка играла на его лице, ведь каким же классным было осознание того, что, скорее всего, родная матушка, которая постоянно на него орала (особенно после смерти отца), наконец отправилась в ад. Теперь она является лишь жалкими остатками собственного тела, и от осознания этого слабый призрак радости заполнил всё внутри Жени, разливаясь плавными медленными ручейками. Стыдно? Ни капли. Теперь не перед кем было стыдиться. Он полностью открылся самому себе и признался, что с самого рождения, сколько себя помнит, питал ненависть к своей семье.

Знал бы он адрес Елены Николаевны, то однозначно пошёл бы к ней. Но ему известен лишь его проклятый дом, поэтому именно туда он и держал путь. Что он там будет делать? С этим определимся на месте. Главное, что сейчас у него имеется хоть какая-то цель, а пока у человека есть цель, ему есть куда стремиться, куда двигаться.

Через полчаса прогулки под дневным солнцем Женя остро почувствовал голод и то, как пронзительно взывал желудок. Но больше всего его мучила жажда, и если Катя успела разом осушить бутылку, то сам он напрочь забыл о воде и пошёл прочь от магазина, полностью углубившись в свои мысли. Заглянув в спортивный магазин, он взял лежащий на кассе рюкзак и тут же вышел обратно, не в силах вытерпеть царствовавший там запах. Уже через десять минут Женя очищал полки от продуктов в одном из супермаркетов, радуясь, что тот закрыли на ночь и теперь здесь нет ни одного

тела, ни одного трупа – даже слинявшего куда-то охранника.

Он сразу же открыл первый попавшийся ему на глаза лимонад и прильнул к его горлышку, жадно глотая прохладный напиток. Выбросив пустую бутылку в ведро, он вскрыл несколько батончиков и за пару укусов съел их, прожёвывая всё быстро, подобно дикарю. И только когда Женя утолил свой голод, он пошёл по прилавкам складывать в ранец самое, на его взгляд, необходимое.

Он забрал несколько пачек йогуртов (срок годности которых ещё не истёк, но которые следовало съесть уже сегодня), кучу шоколадок, три бутылки обычной воды и пять – сильно-газированной, сладкой. Также он захватил две пачки печенья, три сырокопчёных колбасы, две упаковки бекона и много, очень много сухариков. Подумав, Женя добавил паштет и ещё парочку похожих консервных банок. На всякий случай.

Застегнув ранец и повесив его ляжки на свои плечи, он вышел на улицу. Пока что жара не отступала, но на коже уже чувствовалось слабое дуновение прохладного ветерка, что со временем обещал лишь усилиться. Солнечные лучи не ласкали всё, до чего дотрагивались, а сжимали в горячих рукавицах, выжимая все соки по максимуму, но и крепкая хватка лучей начала ослабевать и медленно-медленно исчезать.

Но главным ужасом была не жара, а то, что она делала. Создавала этот запах. Десятки, может даже сотни тел обычных

прохожих валялись на улице. Некоторые – со вскрытыми животами и вывернутыми наизнанку грудными клетками, некоторые – с размазанной о поребрик головой и повисшими на ниточках глазами. И все они ужасно воняли под гнётом жары. Хоть нос и лёгкие уже успели привыкнуть к этому запаху, всё же он сильно бил по голове и подгонял к горлу тошноту. Женя старался не замечать витающего вокруг аромата, но это было невозможно. Он был везде. Проникал в любую щель и заполнял собой каждую молекулу воздуха, заставляя сознание пробиваться сквозь мутный туман. От него хотелось убежать, но куда? Весь город окутал поглощающий смог разложения, и от осознания этого у Жени невольно подкосились ноги.

Он резко зажал рот рукой и хотел добежать до туалета, но по несчастию судьбы того рядом не оказалось. Женя согнулся пополам у самой кассы, выпустив последнее, что осталось в его желудке, наружу. Откашлявшись, он подошёл к прилавку с тортами, открыл защищающую упаковку и голыми руками принялся его есть, не заботясь о гигиене. Одолевал большую часть дешёвого шедевра и запил это всё колой, боготворя её невероятно прекрасный вкус, после чего выкинул весь мусор в корзину, а оставшееся от торта завернул в пакет и положил в рюкзак.

Посмотрев на улицу, Женя закрыл глаза. Меньше всего на свете сейчас хотелось идти через полгорода пешком, встречая на своём пути сотни и сотни обезображенных трупов, и

бороться с удушающей вонью, исходящей от них. Но он поставил себе цель и менять её не собирался, а значит, обязан добиться. И точка, никаких вопросов.

На окрашенном синяками лице открылась пара карих глаз, в глубине царствовала решимость.

Он вышел из магазина навстречу сгинувшему миру.

***

Никогда прежде Женя не уставал так сильно, как за эту долгую прогулку.

У него не было часов, поэтому он шёл через многочисленные улицы, потеряв счёт времени. Солнце всё ближе склонялось к западу, унося с собой выматывающую жару. На смену ей явился приятный слабенький ветер, что аккуратно обволакивал тело невидимыми волнами. Женя переходил с одной улицы на другую, постоянно держа карты районов у себя в голове. Вскоре его плечи стали жалобно постанывать, а вес рюкзака ощущаться сильнее, поэтому иногда приходилось делать остановки где-нибудь в тени, отдыхая и немного перекусывая, дабы утолить голод.

Собираясь с силами, он продолжал идти дальше, стараясь ни о чём не думать, а просто идти. Женя проходил мимо витрин десятков магазинов и у одного из них, чьё огромное стекло имело отражающую поверхность, остановился. Остановился и стал вглядываться в незнакомца, смотревшего на него с нескрываемым любопытством.

Лицо пропало, и его место заняла тёмная маска. Высох-

шие ручейки крови скрытно сливались на фиолетовых коврах кожи. Катя хорошенько ударила его носком чуть выше виска, и при такой силе удара Женя мог только радоваться, что вообще остался жив. Небольшие царапины от её ногтей остались у него на шее – небольшая памятка о том, что не следует прижимать эту женщину к чему-нибудь и затыкать ей рот своей ладонью.

Что ж, теперь они разошлись и больше никогда не встретятся. Может, оно и к лучшему.

Женя подошёл к стеклу поближе и задрал футболку. Под ней скрывались перетягивающие торс бинты, что частично сковывали движения. Без них было бы куда проще, но правильным ли решением будет снять бинты? Женя полагал, что нет. Если и избавляться от них, то точно не сегодня.

Он опустил футболку, последний раз полностью прошёл-ся взглядом по своему отражению и пошёл прочь, к бывшему дому.

Он не помнил, сколько прошло времени, прежде чем его ноги начали наливаться свинцом. Не помнил, как ясное дневное небо постепенно превращалось в огромную палитру мягко-ванильных цветов, что насыщались яркостью ближе к горизонту. Женя пересекал дороги одну за другой, но разум его витал где-то далеко, в зоне недосягаемости. Иногда перед ним представляли блестящие от слёз серые глаза. Он пытался прогнать их из собственной головы, но они всё равно возвращались и напоминали о себе.

Позже начали ныть мышцы ног, и остановки пришлось делать чаще, массируя икры и стуча кулаками чуть выше колен. До дома оставался примерно час ходьбы (с нынешним самочувствием Жени – все два), и поэтому он рассчитывал добраться до него до наступления темноты. Что он будет там делать, он не знал. Сначала следует достичь цели и только потом, исходя из результатов, ставить новую. Вдруг там его ждёт любимая мамочка, живая и невредимая? Что ж, в таком случае он оставит её гнить в квартире, а сам пойдёт дальше, куда глаза глядят. Поступит с ней так же, как она поступала с ним всю жизнь – насрёт на её существование и забудет об этом. Пора уже понять, мамуля, что сыночек вырос.

С этими мыслями Женя поправил лямки ранца на плечах и, ещё немного потянув ноги, зашагал вдоль забитой машинами дороги. День полностью отступил, и теперь прохладный вечер управлял балом и царствовал на просторах мёртвого города – Санкт-Петербурга. Его бесконечные улочки, что так поражали приезжавших туристов, пересекал молодой паренёк, который время от времени на ходу массировал свои плечи. По затихшим улицам разносились шаги спортивных кроссовок по асфальту и мерное шуршание пачек из-под сухариков внутри рюкзака. Усталость накатывала на Женю набирающими силу волнами, и вскоре сонливость стала завладевать им, заставляя ноги запутываться друг в друге и всё чаще опираться о что-нибудь крепкое, что сможет удержать чуть пошатывающееся тело.

Слабость заполняла сознание утопающим внутри себя туманом. Даже воздух внезапно очистился и стал слегка сладковатым, невероятно свежим. Он заботливо предлагал остановиться, насладиться им и отдохнуть. Да, отдохнуть... Это приятное слово – отдохнуть... Только при одной мысли об этом мышцы разливались в плавном экстазе, будто чья-то рука развязывала крепкую верёвку, до этого сдерживающую мощные крылья.

Глаза Жени начали предательски закрываться, и казалось, с каждым разом было всё тяжелее и тяжелее поднять веки. Понимая, что держится из последних сил, он решил немного отдохнуть и, может быть, слегка вздремнуть. И как только мысль о сне проскочила в его голове, взгляд зацепился за вывеску одного из спортзалов, прямо под которой находилась дверь, ведущая, как обещал плакат, прямо в «ВОЛШЕБНЫЙ МИР ЗДОРОВЬЯ И СПОРТА».

Это было именно то место, что идеально подходило для отдыха. Насколько Жене было известно, все спортзалы или хотя бы большая их часть закрывались на ночь. А это означало, что там не будет никаких застрявших во времени бедняг, испускавших отвратительный запах смерти, что не могло не радовать.

Он пересёк улицу и подошёл к двери. Дёрнул за ручку, но та отозвалась лишь протестующим скрипом.

Заперто.

За-пер-то. Одно слово, три слога и столько отчаяния, за-

ставляющего опустить руки. На миг в голове сверкнула яркая вспышка, подсказывающая выбить стёкла, что находились по обе стороны от двери, после чего можно было бы пробраться вглубь спортзала, отыскать где-нибудь мягенький мат, лечь на него и чуть-чуть поспать, дав организму возможность набраться сил. Но эта идея сразу отпала, потому что это уже будет попахивать дикостью: разбить стекло и подобно вору просочиться внутрь. Он сам ругал Катю за то, что она стала забывать человеческие нормы. И что же? Он и нарушит то, за что боролся? Разве он не привык сдерживать свои слова, если высказал их и дал обещание? И в первую очередь, обещание самому себе.

Женя сделал глубокий вдох и заполнил лёгкие свежим воздухом. Отойдя от двери, он повернулся и пошёл дальше в поисках более удачного места для отдыха.

И остановился.

Обернулся, вновь посмотрел на запертую дверь. Увидел отражения автомобилей в кристально чистых стёклах, что размером превышали его рост и были раза в три шире. Сжимаемая и разжимая кулаки, Женя вглядывался в это отражение, не замечая того, как начал прикусывать нижнюю губу. Наконец он выдохнул и сказал:

– Да и хер с тобой.

В два шага он вернулся обратно и прижался лбом к прозрачной стене. За ней простирался широкий холл с тремя динамиками и лестницей, уходящей вниз. Осколки полетят на ка-

фель, забрызгав собой всё пространство вокруг. Некоторые из них останутся торчать по краям, но если аккуратно протиснуться в образовавшуюся раму, стараясь не задеть окружающие острия, то можно оказаться внутри и спуститься в сам спортивный зал. Звучит всё довольно-таки просто и не особо трудно, так что план вполне мог сработать. Осталось только найти, чем можно разбить стекло.

Женя огляделся и заметил лежащий на дороге кирпич. Подошёл, взял его и взвесил в руке. Да, то что нужно. Он вернулся к стеклу, сжал обеими руками кирпич и со всей силы швырнул его, резко повернувшись спиной. Послышался громкий звон осколков и удар тяжёлого предмета о кафель, после чего вновь наступила тишина. Только тяжёлое дыхание разбавляло её убаюкивающую песню. Кровь протекала в висках быстрыми ручьями, пока усталость обволакивала тело своими крепкими щупальцами, а окутанное туманом сознание намекало на головную боль.

Женя посмотрел через плечо и увидел сквозной проход, края которого были обрамлены осколками. С большой осторожностью он протиснулся меж них, и тут же на него хлынул запах бассейна – резкий привкус хлорки, витающий в воздухе. Нога ступила на кафель, и позже он уже спускался по лестнице, пытаясь удержаться в настоящем мире. Он прошёл регистрационный столик, сразу направился в тренажёрный зал, а точнее – в зал гимнастики. Там нашёл то, за что сейчас был готов отдать полжизни – стоящий в углу мат. Взяв его и

кинув на пол, Женя снял ранец, лёг и, облегчённо выдохнув, закрыл глаза.

Сон мгновенно завладел им.

***

Ему ничего не снилось. Лишь призрачные образы минувшего дня витали в его голове, смешиваясь в единое целое: чуть приоткрытые двери больницы, изгибы безупречно-женского тела, сводящие с ума серые глаза и нескончаемая боль в ногах, что сопровождала его на протяжении долгой части пути.

Но проснулся он не от боли.

Причиной пробуждения стал первобытный страх.

Глаза резко открылись, но мир всё так же продолжал оставаться во тьме. Первой мыслью была «*Я ослеп*», но уже через секунду начали проглядываться слабые очертания тренажёров и их еле видимые силуэты. В зале не было окон, так что весь свет проникал только с лестницы. Это были бледные лучи сияющей луны, что слегка разбавляли собой темноту. Мягкие розовые цвета сошли с чистого неба, которое заполнили тысячи ярких огоньков, именуемые звёздами. Ночь вновь явилась в уже знакомый город, чьё сердце уже как сутки перестало биться.

Но Женя всего этого не видел. Его окружал густой туман черноты, сквозь который изредка пробивались контуры наблюдающих скелетов. Множество глаз смотрело на него, скрываясь в тенях и чего-то выжидая, следя за ним и мед-

ленно, очень медленно подкрадываясь.

Страх, дикий и невероятно сильный, вскрыл грудную клетку и ворвался глубоко в душу. Его острые клыки царапали покрытую мурашками кожу и заставили обостриться все органы чувств, сделав реальность ещё более пугающей, ещё опасней. Страх был необъясним, иррационален, но тем не менее он приказал всем мышцам напрячься, а волосы на загривке встать дыбом.

Женя упёрся руками в мат и подогнул ноги, мгновенно проснувшись. Сознание максимально прояснилось и теперь выискивало в темноте источник опасности. Сердце бешено стучало и отдавалось мощными ударами в горле. Нервы натянулись подобно струнам и были готовы порваться в любой момент. Всё окружение, хоть и невидимое, стало невероятно огромным, давящим своей колоссальной массой. Такой страх испытывали далёкие предки, когда слышали рядом рычание опасного зверя, что запросто мог разорвать человека одним щелчком пасти. Страх смерти, поджидающей тебя совсем рядышком и точащей лезвие под твоё горло.

Спереди звякнули гантели.

Женя уловил слабое движение перед собой и замер. Что-то явно скрывалось в темноте и следило за ним. Он аккуратно подтянул ноги и, стараясь не шуметь, начал вставать.

Кто-то ступил на пол.

Этот шаг был приглушен, будто тот, кто шёл, не хотел, чтобы его заметили. Он передвигался тихо и осторожно. Его

присутствие, его взгляд ясно ощущались напрягшимся рассудком, и каждый новый шорох отзывался эхом в пульсирующем сердце.

Женя слышал чужое дыхание.

Оно было странным, отличным от человеческого и... настороженным. Глаза лихорадочно пытались отыскать хоть что-нибудь, но натыкались только на непроглядную тьму. Женя подсознательно чувствовал, что может протянуть руку и нащупать чужое, живое тело.

Здесь только он и кто-то ещё. Только он и чьё-то дыхание. Только он и незваный гость, подкрадывающийся к нему рысью походкой. Совсем один, лицом к лицу с неизвестным, оставленный наедине со своей судьбой. Никогда в жизни Жени ни разу не ощущал реальность всего происходящего так сильно; ни разу не понимал так ясно, насколько подвластно ему его тело, и насколько оно непослушно одновременно. Теперь дальнейшие действия зависели только от него.

Он полностью встал и выпрямился, продолжая смотреть прямо. Сделал шаг вперёд и услышал, как предательски скрипнул мат. Память подсказала, что где-то рядом лежит рюкзак. Там же есть пара стеклянных бутылок из-под лимонадов, которые могли бы сойти за неплохое оружие.

В темноте раздалось рычание.

Оно заполняло собой весь мир, отражаясь эхом о стенки головы. На миг время остановилось, и Женя увидел два

блеснувших в слабом свете луны глаза. Два карих глаза, как у него самого. Они тут же окунулись во тьму, но отчаянный голод, что пылал в этих зрачках, всё ещё слышался в мерном рычании всего лишь в одном метре от лежащего на полу мата.

Парализованное сознание наконец сорвало цепи и стало лихорадочно думать, ведь на кону стояла целая жизнь. При желании зверь мог бы одним прыжком наброситься на свою жертву, но он почему-то этого не делал. Но продолжал наступать – медленно и уверенно. Его шаги были бесшумными, как у настоящего хищника. И хищником этим завладели жажда и голод, утолить который можно было только убийством более слабого.

Женя сделал шаг назад и ещё один чуть в сторону. Пятка обо что-то ударилась, и тишину уничтожил шум стукнувшихся друг об друга стёкол. Рычание резко смолкло и полностью исчезло. Вновь пропали все звуки. Лишь собственное дыхание контрастно выделялось на фоне загробного молчания.

Сглотнув слюну и облизнув сухие губы, Женя начал говорить наступающей на него пустоте:

– Эй, послушай! – Он, не сводя глаз с невидимого зверя, нагнулся и нащупал собачки на молниях рюкзака. Стараясь издавать как можно меньше шума, с большой осторожностью он стал раздвигать их. – Я тебе не враг. Если хочешь есть, я могу дать мясо. Бекон или колбасу, что понравит-

ся. – Он открыл самое большое отделение и пустил туда руку, в надежде найти ключ к спасению. Подушечки трясущихся пальцев прошлись по тонкой упаковке бекона, и Женя тут же вытащил её.

Тихое рычание снова зарождалось в темноте, теперь почти у самых ног. Мощные лапы ступили на мат, и тот еле слышно скрипнул.

– Ты голоден, я знаю. – Сбивчивое дыхание мешало говорить, но он всё равно продолжал. – У меня много еды, можешь забрать хоть всю, в магазинах её полно. Давай я сейчас открою пачку и кину тебе, хорошо?

Острые когти вспороли мягкую обшивку и продолжали приближаться. Женя, не думая, вцепился зубами в плёнку из-под пачки и резко дёрнул головой, порвав её. Зацепил пальцами несколько ломтиков и достал их, после чего кинул себе под ноги и отошёл назад.

Рычание смолкло, и теперь из пустоты разносились частые вдохи обнюхивающего носа. Через пару секунд раздалось тихое чавканье, и перед глазами сразу представилось, как розовый язык облизывает острые клыки.

На кончиках которых блестит алая кровь.

Повисла выжидающая тишина, что способна была свести с ума. Слабые лунные лучи скользнули по тёмной шерсти подходящего зверя. Полностью привыкшие к темноте глаза смогли уловить очертания животного. Крупного, крепко сложенного животного. Голод его был ненасытен, и витающий в

воздухе страх только разыгрывал его, раздражал.

Женя схватил всё оставшееся в пачке и кинул вперёд. Услышал, как плюхнулся на пол бекон и как начали смыкаться мощные челюсти. Он же потихоньку отходил, удаляясь от этих звуков, пока не врезался в стену, и из его груди не вырвался шумный выдох.

Слегка задрезжали застёжки рюкзака, и вновь в темноте неровно задышал нос. Еле видимый силуэт головы собаки (или волка) приподнимал края ранца и с интересом копался в нём, вытаскивая всякие вкусности наружу. Зазвенели стеклянные бутылки и зашуршали упаковки из-под сухариков. Голодный зверь недовольно пыхтел, возя непонятную сумку туда-сюда по полу. Закончив с ней, он начал лаять на запёртый под плёнкой бекон и бодать его лапой, не в силах понять, как его заполнить.

Еда – безумно важная вещь, но в сгинувшем мире, по крайней мере в первые две недели, её было навалом, так что волноваться о её потере не стоит. Женя решил оставить все вкусности на растерзание, пока сам будет пробираться к лестнице и выйдет через неё в главный холл, а оттуда – на улицу. Он прижался к стене и, передвигаясь вдоль неё, медленно пошёл к выходу – самому светлому пятну в этой крошечной тьме. Ступни ставились на носки и передвигались очень тихо, пока тело с грохотом не врезалось в тренажёр.

Крик боли вырвался наружу, после чего наступило молчание.

Гробовое молчание, что бывает на заброшенных кладбищах глубокими ночами.

Женя услышал приближающиеся шаги мягко ступающих лап. Только сейчас до него дошло, что он держит пустую упаковку из-под бекона. Разжал ладонь и услышал, как упаковка упала на пол. Закрыв глаза и задержав дыхание, Женя поднял голову и впервые в своей жизни начал молиться. Он не знал ни одной молитвы и поэтому лишь подсознательно шептал о помощи, просил её у... чего-то высшего, но точно не Бога. Никогда, никогда ему не было так страшно. Даже в глубоком детстве, когда мать постоянно запирала его в шкафу. Совсем рядом причмокивали чьи-то губы. А за ними скрывались острые кинжалы, что прогрызали плоть одним своим взмахом.

Кто-то лизнул ладонь.

Женя дёрнулся, и сердце его отозвалось болью во всём туловище. Язык был тёплым и даже слегка шершавым, похожим на укрывающий от холода шарф. Тело замерло и мигом напряглось, выжидая новое прикосновение с неизвестным.

Кто-то опять лизнул ладонь.

Она вся была в жире и отдавала приятным ароматом манящего мяса. Притягивала к себе, как лакомый кусочек еды притягивает оголодавшее животное. Эта ладонь была на прицеле следящего зверя, так что свободной осталась только одна. Слепую она прошлась по стене и нащупала что-то похожее на...

...на выключатель.

Пальцы щёлкнули по кнопке, и комнату заполнил яркий свет.

Перед Женей стояла крупная немецкая овчарка чёрного окраса. Её клинообразная морда плавно переткала в мощную шею, а та, в свою очередь, – в крепкое мускулистое тело. Встань она на задние лапы, то стала бы выше большинства людей, которые смогли бы смотреть только на её широкую грудную клетку. Карие глаза светились двумя огоньками на монотонно-чёрном покрывале под стоячими столбиком ушами. Вспотевший нос игриво блестел в лучах флуоресцентных ламп, а тёмная шерсть слегка переливалась стеснительными бликами света. И пышный хвост медленно проходил веером из стороны в сторону.

Пёс вновь лизнул жирную ладонь, но теперь более осторожно, глядя на стоящего перед ним человека и чуть наклонив голову набок, будто что-то спрашивая. Две пары карих глаз смотрели друг на друга в молчаливом разговоре, находя лишь собственное отражение в чужих зрачках. Пёс уселся на задние лапы и открыл пасть, высунув язык наружу. Женя не знал, что означает этот жест, но интуитивно почувствовал, что подступающая из темноты опасность исчезла, растворившись в лучах вдруг вспыхнувшего света.

Он аккуратно, с лёгким страхом протянул необлизанную руку и положил её на голову собаке. Готовый в любой момент рвануть с места, Женя начал почёсывать кожу за стоя-

щим ушком, и ему показалось, что уголки губ пса чуть приподнялись. Да, он и вправду расплылся в улыбке, и что было поразительнее всего – она появилась не только на губах, но и в глазах.

Оказывается, собаки умеют улыбаться.

Женя чуть наклонился и тихо проговорил:

– Всё хорошо? – спрашивал он больше себя, но ему всё равно ответили радостным причмокиванием. – Ты не хочешь меня съесть, дружище? – После последнего слова хвост завилял ещё сильнее, а голова мигом приподнялась выше. – Слушай, если это такой хитрый ход, то я не куплюсь. – Но карие глаза говорили об обратном и сияли искренностью, так что все опасения разом отпали. – Ладно... Ты, наверное, есть хочешь, да? – Ответом ему послужило громкое урчание живота под чёрной шерстью. – Понял, принял, обработал. Я тогда сейчас пойду схожу за ранцем, а ты постарайся не откусить мне зад, договорились?

Он выпрямился и зашагал в сторону мата, не переставая следить за мирно сидящим псом. Добравшись до рюкзака, подобрал его и достал сырокопчёную колбасу. Порвал зубами упаковку, снял её и откусил головку, так как там была пищевая верёвка на самой верхушке. Пищевая, не пищевая – всё равно ей можно подавиться, поэтому лучше было её и не давать.

Овчарка внимательно следила за каждым его действием, но не уходила с места, а покорно сидела и продолжала ждать.

Женя вернулся к ней и вдруг заметил, что глаза у неё совсем не карие, а более оранжевые – цвета хорошего коньяка. Они отдавали слабые блики искусственных лучей и поражали своей ясностью, своей открытостью. Ни у одного человека не было таких глаз. Они не скрывались под призмой лжи и не прятались под вечной маской, нет, наоборот – в них ярким огнём горели самые настоящие чувства, что не боялись показать себя миру. Искренность сияла в глубинах этих зрачков, и в подлинности её сомневаться не приходилось – в это верилось сердцем, и вера эта не обманывала.

Оно чувствовалось глубоко внутри. Там, где сидит наше настоящее «Я».

– Будешь? – В ответ Женя услышал бодрое причмокивание. – Хотя, чего я спрашиваю? Конечно, ты будешь. Только подожди чуть-чуть. – Он поднял колено и разломал об него колбасу, после чего одну из частей протянул псу. – И из чего эта колбаса? Я даю тебе пока что только половинку. Но это не потому, что я жадина, – оранжево-карие глаза с интересом наблюдали за ним, а ушки, казалось, наострились ещё больше, – а чтобы ты не подавился одним большим куском. Как прикончишь первую часть, я дам тебе вторую, лады?

Челюсти аккуратно сомкнулись на желанной вкуснятине, и вскоре лапы быстренько зашагали к лежавшему мату. Пёс улёгся на нём, и, уместив половину колбаски меж лап, принялся за неё со всей любовью.

Женя сел на пол, облокотившись о стену, и не стал мешать

праздной трапезе, а лишь наблюдал. Сам пару раз откусил ворованного мяса, и его желудок благодарно заурчал. Всё-таки пёс был псом, а не собакой, и чтобы понять это, хватало даже детских знаний в биологии. Чёрный красавец, чья шерсть мягко переливалась на ярком свете, поедая свой деликатес, не понимая, насколько красив он в этом, казалось бы, обычном процессе.

– Тебе нужно имя, зверюга. – Вытянутая морда на миг посмотрела на него и вновь сконцентрировалась на самом вкусном. – Как же тебя назвать-то, а? – Женя опустил голову и положил руки на согнутые колени. К нему вновь возвращалась сонливость, и он совершенно был не против неё – пусть смыкает глаза и расслабляет мышцы. Отчего-то в нём зародилась уверенность, что он находится в безопасности. И здесь не нужно быть великим аналитиком, чтобы понять, что на это, скорее всего, повлияло появление пса. Может, они подружатся, а может, всё закончится простым пожиранием его еды, но хоть как-нибудь назвать забредшего гостя надо.

И тут пришло озарение.

– Рекс? – Женя сам же понял, что сказал. – О Господи, нет, слишком банально. Ты заслуживаешь имени получше. Какое-нибудь звучное и краткое. Что-то наподобие «Рекса», но гораздо лучше. Что-то оригинальное, понимаешь?

Пёс закончил с первым куском и с наслаждением прошёлся языком по острым зубам. Широко зевнув, он встал и приблизился к Жене, но не выхватил колбасу у него из рук, а сел

прямо перед ним.

Лёгкий смешок удивления вырвался из его груди:

– Чего тебе? Вкусняшку? – Он поднял руку со вторым куском, но стройный красавец из породы немецких овчарок продолжал смотреть на него, не обращая внимания на соблазняющий голод запах. – Не хочешь, что ли? – Ответом послужили молчание и пристальный, внимательный взгляд, проникающий глубоко в душу. – Эй, ты чего? Подсказать мне что-то хочешь?

Пёс встал и медленно подошёл к сидящему человеку практически вплотную. Их головы располагались на одной высоте, и он своей мягко упёрся в крепкое плечо, после чего вновь посмотрел в лицо юноши.

И внезапная вспышка света озарила сознание Жени, ослепив его собственной простотой.

На него смотрели оранжевые, именно оранжевые глаза, ярко выделяющиеся на чёрном поле коротко подстриженной шерсти. Их радужка переливалась цветом светлой меди, поражая своей глубиной и красотой. Ни у одной собаки на свете не было таких глаз, какие были у...

– ...Рэнджа. – Он прошептал это имя, но тут же повторил его громче, взяв голову нового друга в ладони. – Тебя зовут Рэндж. От английского orange, прям как твои глаза! – В приливе радости Женя потрепал стоячие ушки Рэнджа и искренне засмеялся. – Точно, братишка. Ты же этим и выделяешься! Как тебе?

Шершавый язык дружелюбно лизнул его по лицу и через секунду ещё раз, облизывая все щёки.

– Эй, фу, ты зубы не чистил! Хватит меня облизывать, Рэндж! Возьми лучше колбасу и иди пое... – но язык уже успел залезть ему в рот и прервать речь. – Фу, Господи! Ты что делаешь?! Я в любовники не записывался!

Ему ответили бодрым лаем, после чего забрали вторую половину недоеденного деликатеса. Чёрный красавец, только что получивший новое имя, подбежал к мату и принялся за своё любимое дело, время от времени поглядывая на новоиспечённого хозяина. Через пару минут он принёс оставшийся кусок колбасы, зажатый меж зубов, и мягко боднул головой человеческое плечо.

– Это ты мне? – Женя взял оставленный ему кусочек и с нескрываемым удивлением посмотрел на своего четырёхногого друга. – Ну ты молодец, красавчик! Покрыл тут всё слюнями и решил меня угостить? – Увидев слабый призрак вины в оранжевых глазах, он добродушно рассмеялся и начал поглаживать шерсть на мускулистой шее. – Спасибо, Рэндж. Я ведь тоже проголодался, пока ты пугал меня до усрачки.

Он доел колбасу и встал на ноги. Подошёл к матрасу и, уперев руки в бока, произнёс:

– Ну ты, конечно, засранец, Рэндж. Ты нахрена это всё разбросал, а? – Вскрытый ранец мусором валялся на полу, пока все остальные припасы были разбросаны вокруг него. Сзади слышался почти бесшумный топот мягеньких по-

душечек по паркету, и вскоре Рэндж сел перед Женей, демонстративно высунув язык наружу. Карие глаза непонимающе вглядывались в оранжевые и только потом широко раскрылись от осознания. – Ты пить хочешь, что ли? – Краткий «гав» послужил ему ответом, и Женя удовлетворённо кивнул. – Хорошо, понял, сейчас тебе достанем водички.

Он поднял ранец, запустил туда руку и, нащупав бутылку обычной воды, достал её. Открутил крышечку и стал оглядывать зал гимнастики.

– Слушай, тебе же миска нужна, да? Ну или что-то наподобие, ты же так не выпьешь. – Наконец его взгляд зацепился за небольшой фиолетовый тазик в углу зала, который был нужен бог знает зачем. Подойдя к нему и взяв за краешек, Женя вернулся к покорно ждущему Рэнджу и вылил ему полностью всю бутылку. – Это ты удачно в гости зашёл. Хотел меня сожрать, а в итоге тебе и бекончика дали, и колбаски, так ещё и напоили. У тебя случайно в роду евреев не было?

Но Рэндж не ответил, а тут же начал лакать языком воду, жадно проглатывая её.

– Надо будет взять книгу про чёрных овчарок. А то я про тебя вообще ничего не знаю. Ну, кроме того, что ты любишь пугать людей до инфаркта. – Справился он со всем быстро, так что пришлось достать и вылить вторую бутылку. – Какой план действий, дружище? Смотри, я предлагаю такой: после тебя есть и пить буду уже я, а потом мы ляжем на мат, если уместимся вдвоём, и проспим до утра. Как тебе идея, а?

В здании потух свет, и всё резко погрузилось во тьму.

– Охрененная идея...

***

В то же время в одном из салонов красоты также потух свет, но никто этого не заметил. Даже спящая в углу девушка со светло-русыми волосами, скрывающими лицо. Её сон был тревожным, а тело постоянно содрогалось резкими движениями. Кисти натуго перевязали бинтами, что уже успели впитать в себя выходящую наружу кровь.

Девушка плакала. Крупные слёзы катились по её щекам и падали на холодный кафель, на котором она и лежала. Окровавленные ладони иногда что-то сжимали в воздухе, пытались поймать, но всё безрезультатно. Её колени прижались к груди, совсем как у ребёнка, которому снится страшный сон.

Над девушкой, на стене под информационным стендом, маленькими красными буквами, с ручейками потёков крови на концах, было выведено одно единственное слово:

МИША

Глава 23

Обнажённая телом, обнажённая в мыслях

– Проснулась?

Влада медленно открыла глаза и сделала глубокий вдох. Воздух пах чем-то странным, чем-то горьким, заставляющим лёгкие чуть съёживаться. Это был запах хлора, и как только она это поняла, до неё донеслись звуки журчания воды, что навевали мысли о каком-нибудь озере в самой глубинке.

– Эй, красавица, ты ещё жива?

Влада повернула голову в сторону мужского голоса и услышала, как закрипели шейные суставы. Справа от неё сидел крупный мужчина средних лет, который явно годился ей в отцы. Его широкое лицо с чётко выраженными скулами освещали ласковые лучи утреннего солнца. Слегка закрученные пряди волос на чёлке переливались проглядывающей сединой и оставшейся нетронутой чернотой брюнета. Небритая щетина мелкими снежинками покрыла щёки и подбородок. Лёгкие сеточки морщинок виднелись у самых краешков глаз, и глаза эти были невероятно яркими и пронизательными. Их радужка светилась яркой голубизной чистого неба. Такие глаза у молодого юноши запросто могли свести с ума

большинство девчонок, а если в них ещё и играла озорная улыбка, тогда у прекрасной половины человечества точно не оставалось шансов.

– Я Джонни. – Мужчина протянул волосатую руку, и уголки его губ тут же приподнялись вверх.

Они находились в аквапарке, под огромным стеклянным куполом, выступающим в роли потолка и открывающим вид на улицу. Влада была укутана в одеяло с головой, оставшаяся лишь в своём простом хлопчатобумажном нижнем белье. Она лежала на дешёвом матрасе около спуска в сам бассейн, но его преграждал сам мужчина, не давая ей упасть в воду. Он сидел рядом, засучив рукава клетчатой рубашки, что была на нём, и с расстёгнутыми верхними пуговицами, открывающими вид на кучерявые седые волосы на груди.

– Не хочешь здороваться? Понимаю. – Мужчина убрал руку и вновь повернулся к бассейну, продолжив копаться в спортивной сумке. – Я нашёл тебя на заправке, окровавленную и почти умершую. Ты знаешь, кого мне напоминала? Огромный такой мешок из-под картошки, испачканный тёмно-бордовой грязью. – Он засмеялся, и Влада увидела, как затряслась его спина. – Ты кажешься такой лёгенькой, а как возьмёшь на руки, сразу начинаешь валиться с ног. Ах да, кстати, – он посмотрел на неё через плечо и махнул рукой вправо, – вся твоя одежда вон там. Не волнуйся – постирана, всё пучком. Слава Всевышнему, стиральные машины на тот момент ещё работали, поэтому не пришлось мучать свои

нежные ручки. – Он вновь засмеялся. Искренно и непринуждённо – так, как смеётся человек, внезапно вспомнивший хороший анекдот. – Прости, милая, мне пришлось раздеть тебя. Был как в музее: смотрел, но не трогал. Вёл себя как истинный джентльмен. Откопал кое-где матрас с одеялом и завернул тебя в него сразу после того, как промыл все раны и обработал их. Вода в душевых до сих пор включается, поэтому, если хочешь, можешь пойти сполоснуться.

Влада хотела откинуть одеяло и встать, но вспомнила, что находится в одном белье, а напротив неё сидит незнакомый мужчина, пусть и видевший маркировку её трусиков. Вместо этого она приподнялась на одном локте, невольно показав белую ляжку небольшого бюстгальтера. Голос прозвучал совсем сонно и слабо, когда она спросила:

– Кто вы?

Голубые глаза мужчины удивлённо посмотрели на неё, после чего раздался лёгкий смешок.

– Я же сказал, я Джонни. Спас тебя на заправке и притащил сюда, в аквапарк. Только не заставляй меня думать, что у тебя проблемы с памятью, красавица.

Влада тупо уставилась на его безупречно чистые кроссовки, пока мозг её пытался прийти к себе. Сознание было покрыто сплошным туманом. Пробираться сквозь него казалось невероятно трудным. Мир всё ещё плавал в невидимых реках, и контуры его расходились друг с другом, запутывая разум ещё сильнее. Мерное гудение в центре головы слег-

ка потухло, когда до ушей дошёл переливчатый, даже слегка приятный смех:

– Всё никак не можешь ото сна отойти? – Их взгляды встретились, и когда это произошло, на небритом лице расплылась тёплая улыбка. – Ну да, ты долго дрыхла. Проспала больше суток и до сих пор в спящую красавицу играешь. Я бы, конечно, мог тебя и поцеловать, но уж очень...

– Что произошло?

Мужчина, представившийся Джонни (Джонни? Что за странное имя?), застегнул молнию спортивной сумки и встал на ноги. Посмотрев на Владу сверху вниз, он произнёс:

– Давай ты сначала оденешься, и тогда я тебе всё расскажу. А то вести беседу с кульком одеяла я не особо хочу. Подглядывать не буду, честно, обещаю. Смотри. – Он отвернулся и театрально закрыл глаза, прижав ладони к лицу. – Можешь не стесняться, мой затылок ничего мне не расскажет. А если и попробует, то я дам ему по роже.

Лёгкая смешинка вырвалась из её груди, заставив улыбнуться. Но лишь на миг. Всё же это был чужой человек, от которого можно ожидать всё что угодно и даже больше. Следует быть с ним осторожной, ведь кто знает, что у него в голове?

Убедившись, что он не смотрит, Влада откинула одеяло и встала, выпрямившись во весь рост.

Занавес пепельно-русых волос застелил собой всю спину, скрыв её наготу от чужих глаз. По узким, ничем не при-

крытым бёдрам скользнули ласковые лучи утреннего солнца. Силуэт худенькой девушки чётко выделялся на фоне сияющего солнца, которое лишь подчёркивало изящество её тела. Босые ступни шли по бледно-голубому кафелю, пока в нескольких сантиметрах от них плескалась прохладная вода. И как осторожно, даже слегка стеснительно она прилиwała к бортикам самого бассейна. Будто флиртовала с ним, временами приближаясь и отдаляясь.

Влада подошла к аккуратно сложенной одежде, находящейся на краю белой скамейки, и взглянула на... Джонни. Да, именно так его и зовут. Он, как и обещал, повернулся к ней спиной и не подглядывал. Его клетчатая рубашка была наполовину заправлена в штаны и наполовину – высунута наружу. Он имел крупную мужскую фигуру: широкие плечи и медвежий, по-настоящему мощный торс, крепкая шея, длинные ноги и... да, всё же глаза зацепились за это – упругие ягодицы, очертания которых проглядывали сквозь тёмную ткань. Если этот мужчина и хотел что-то с ней сделать, тягаться с ним просто бессмысленно – у неё не было никаких шансов против такой громадины. А если им движут благие намерения, тогда он ей всё расскажет: что произошло и почему они тут оказались.

Влада взяла в руки жёлтый квадратик, и под её пальцами он расправился в чистую футболку, рассчитанную как раз на её размер. Держа футболку в руках, она громко произнесла: – У меня была другая футболка, не жёлтая!

После небольшой паузы до ушей донёлся голос Джонни. Приятный голос Джонни...

– Да, я ту выкинул. Ты прости, но она была совсем никакая. Полностью разорванная и больше похожая на тряпку. Розовенькая, да?

– Да.

– Ну, она в мусорке. Ей разве что полы бы мыть, а не на себе носить, поэтому я и купил... ну, не совсем купил, но нашёл в магазине такую вот футболочку. Взял самую лучшую. Выбирал на свой вкус, так что прости, если будет ужасно.

Но она не была ужасной. Обычной – да, но не ужасной. Влада надела её на себя, вытащив волосы наружу. Мягкая ткань цвета солнечного диска приятно ощущалась всей кожей. По центру художник изобразил вид на залив одного из пляжей, окружённых склонёнными листьями растущих кругом пальм. И через нарисованное ясное небо проступали два небольших холмика маленьких грудей. Острые ключицы скрылись за воротом футболки, низ которой еле доставал до резинки белых стрингов.

Она надела светлые джинсы, белые носки и на удивление удобные кроссовки. Ноги в них чувствовали себя превосходно, и внезапно Влада почувствовала резкий прилив сил. Он хлынул в вены подобно мощному водопаду и ударил в мозг зарядом энергии, так что теперь она точно не успокоится, пока не узнает всё произошедшее. Абсолютно всё.

Она присела на корточки и, нагнувшись над водой, за-

черпнула её руками и окунула в них лицо. Прodelав это несколько раз и полностью проснувшись, встала, подошла ко всё ещё повёрнутому Джонни (да что это за имя?) и, скрестив руки под грудью, спросила:

– Так что случилось?

Он повернулся и, как только открыл глаза, засиял своей фирменной улыбкой, что непременно заставляла улыбнуться в ответ. Влада не удержалась, и уголки её губ слегка поднялись.

– Давай не будем стоять здесь как два одиноких баобаба, а присядем и нормально поговорим, хорошо?

Джонни подошёл к стоявшим в углу стульям для следящих за порядком спасателей и дал один из них ей, а на другом уселся сам, развернув его спинкой вперёд и положив на неё свои руки.

– Присаживайся, не стесняйся. – Она так и сделала, согнув колени и сцепив руки в замок. – Я расскажу тебе, что произошло в городе, но только при одном условии.

– Условию? – Тёмно-зелёные глаза насторожились. – Я сижу в незнакомом месте с незнакомым мужчиной, и вместо того, чтобы посвятить меня в курс всех событий, он собирается ставить мне условие? Это нормально?

Он добродушно засмеялся и беспомощно поднял руки вверх:

– Да, ты права. Прошу прощения за свою невоспитанность и бестактность. Ты ещё ничего не знаешь, и я пока не имею

никакого права скрывать от тебя что-либо.

– Пока?

– Вообще не имею права, оговорился. Послушай, я не знаю, кто ты. Ровно так же ты не знаешь, кто я. Сейчас мы друг для друга – загадка, и я предлагаю всё же познакомиться, прежде чем я начну рассказывать эту увлекательную историю. Повторюсь в сотый раз – меня зовут Джонни.

Он вновь протянул руку, и хоть Владе хотелось пожать её (эти ясные голубые глаза так и притягивали взгляд), всё же она удержалась.

– Я не назову своего имени и не буду здороваться с вами, пока не узнаю, что происходит.

На миг в его зрачках проскочило удивление, и когда он заговорил, то не скрывал этого в собственном голосе.

– А ты мне нравишься! Ладно, так уж и быть, расскажу тебе всё, что знаю сам. Ночью двадцать второго мая город накрыло что-то непонятное. Я до сих пор не до конца понял, что именно, но по итогу утром двадцать третьего мая было так тихо и безлюдно на улицах, будто все жители разом выпили снотворное и решили поспать.

– А на самом деле что?

– Думаю, ты и сама догадываешься. Они все мертвы. Мы с тобой, вроде как, ещё живы, и, похоже, не только мы, потому что утром я слышал, как кто-то катил по улице на велосипеде, но всё равно выживших не так много. Я бы даже сказал – мало. Очень мало.

– А от чего все погибли?

– Не знаю. Я видел пару трупов... тел, извиняюсь. Так вот, – он немного изменился в лице, но продолжил, – абсолютно у каждого хоть немного да обглоданы кости и высосаны глаза. На их месте теперь у всех пустые глазницы.

Влада резко зажала рот рукой и сорвалась с места. Добежав до спуска в бассейн, она согнулась пополам и выплеснула из себя всё содержимое желудка. Он завязался тугим узлом и тяжким грузом потянулся вниз. И пока она задыхалась и сплёвывала в воду собирающиеся во рту слюни, Джонни подошёл и укрыл её хрупкие плечи лёгеньким пледом.

– Поступок, конечно, не совсем правильный, – он посмотрел на плавающую вблизи бледно-коричневую лужу, – но кто нам что скажет, да?

И он весело подмигнул ей с мальчишеским задором.

– Простите, пожалуйста, я не хотела, просто...

– Тшшш... Не надо. – Джонни прижал её к себе и почувствовал, как она приняла объятия: сомкнула руки на его спине и уткнулась головой в мощную грудь. Её тело слегка затрясло, а редкие слёзы стали скатываться по ткани клетчатой рубашки.

В опустевшем парке, освещённом проникающим через купол лучами, обнимая друг друга, стояли худенькая девушка и крупный мужчина, который, казалось, спрятал её в своих крепких руках, защищая от опасностей внешнего мира. Молчаливая тишина окутала их, и только шёпот колеблю-

щейся воды перебивал её. Плач Влады был тихим, беззвучным, и поэтому не раздалось ни одного всхлипа. Она положила ладони на сильные плечи, пока сама с зажмуренными от страха глазами переживала прошлую ночь.

Влада чуть отпрянула, и тёмно-зелёные глаза ярко блеснули под прядями волос.

– Я вспомнила Рому и того... – звонкий щелчок раздался в её горле, – того парня, который врезался в нас. У него тоже были пустые глазницы, но они ещё и светились. Как будто там внутри что-то было. Что-то сияющее. И я... я... – Слова застревали на полпути и не желали выходить целыми фразами, так что она снова уткнулась головой в вырез клетчатой рубашки и замолчала, чувствуя, как тяжело поднимаются и опускаются плечи.

Джонни поднёс губы к её уху и мягко прошептал:

– Тебе станет легче, если ты всё расскажешь. И ты хочешь это сделать, я же вижу. Пару минут назад ты отказывалась пожимать мне руку, а теперь мы с тобой обнимаемся, заметила? – Непринуждённый смешок обдал её кожу тёплым дуновением, прогнав волной по спине мурашки. – Тебе нужно выговориться, дорогая. Но лучше сначала...

– Влада, – голос был тихим, еле слышимым. – Меня зовут Влада. Я не представилась.

– Влада... – Он повторил это имя, пробуя каждую букву на вкус. – Тебе следует собраться с мыслями. Сходи в душ, если хочешь, и потом поговорим.

Душ, тёплый и расслабляющий, как раз был ей сейчас необходим. Под ним разум прояснится, а сознание вырвется из сдерживающих поток мыслей оков. Именно в душевой кабинке лучше всего работает мозг, временами выдавая сногшибательные, гениальные идеи.

– Давай ты пока искупаешься, а я приготовлю поесть. Жареного ничего не обещаю – только то, что нашёл в магазине. Подглядывать не буду, честное пионерское.

– Хорошо. Полотенце есть?

– Да, всё там. Я не знаю, работает ли сейчас душевая, но если нет, то ты можешь искупаться в бассейне.

– Ага, куда я наблевала.

Она залилась стыдливым смехом, чуть прикрывая лицо руками. Улыбка тронула губы Джонни, и позже он уже смеялся вместе с ней, всё ещё прижимая к себе.

– Ну да, это ты молодец. Но тут несколько бассейнов, отгороженных друг от друга, так что все остальные спаслись от твоей жестокой кары.

Её переливчатый смех усилился и немного приглушился, когда она вновь уткнулась головой в грудь Джонни. Успокаиваясь и выплёвывая последние смешинки, она произнесла:

– Я поняла, хорошо. Тогда я сейчас в душ пойду, потом вернусь, и мы поедем, так?

Он согласно кивнул, и Влада, напоследок взглянув в эти ясные голубые глаза, повернулась и мигмом отыскала взглядом дверь в женскую душевую. Направилась к ней, чувствуя

на спине пристальный взгляд и невольно закусив нижнюю губу. Она схватилась за ручку, опустила её и вошла внутрь.

Её сразу же окутал влажный воздух, что успел здесь настояться за сутки. Гостеприимная тишина вежливо молчала, и только звук захлопывающейся двери на миг прервал её. Оказалось, весь мир разом рухнул. За одну ночь. Быть может, даже за один час или минуту. За это краткое время прахом развеялось всё то, к чему человечество шло веками, тысячелетиями. И в итоге пришло к пустоте, к пугающему одиночеству. И одиночество это как нельзя сильно ощущалось именно здесь, в опустевшей душевой, стены которой всё ещё помнили смех многих девушек и их тайные разговоры, пока сами они мылись в одной кабинке.

Не давая мыслям пробраться глубоко в сознание раньше времени, Влада за пару движений сняла кроссовки, оставила в них носки, расстегнула молнию джинсов, и через пару секунд они уже аккуратно висели на одном из прибитых крючков. Сняв стринги, что надевались на свидание с Ромой, одними большими пальцами, она тут же освободилась из-под футболки и повесила её. Завела руки за спину и в мгновение ока расстегнула застёжки бюстгалтера – так, как это умеют делать только девушки или уже опытные самцы.

Теперь она стояла полностью обнажённая, вдыхая оголённой грудью до жути знакомый воздух, насыщенный хлором бассейна – этот слабый отголосок ушедшего мира. Влада выбрала самую крайнюю кабинку, что была у стены. Повернула

краники, и на неё тут же хлынул поток тёплой, такой приятной воды.

Что ж, мозг, освобождайся и мучай меня сколько хочешь. Сейчас как раз самое время.

Что мы имеем на данный момент? Она находится в абсолютно безлюдном аквапарке, в который её принёс незнакомый мужчина, уже успевший несколько раз обнять её и назвать «дорогой». По его словам, он промыл ей раны и закинул стираться окровавленную одежду.

Раны...

Она вытянула руки вперёд и только сейчас заметила, что они были перебинтованы. Правая – чуть ниже локтя и до самого запястья, левая – под самым изгибом плеча. Белые полосы были идеально чисты, без намёка на какую-либо кровь. В голову яркой вспышкой ударил фрагмент памяти, как она, волоча за собой ногу, добиралась до единственного светлого пятна во всё потухающем мире – автозаправке. Она помнила, как стонала и давилась собственными соплями, перемешанными с кровью. Помнила этот проклятый шкафчик и сломавшуюся пополам скрепку, часть которой так и осталась торчать из замка. Помнила, как поднималась и рычала от боли, не собираясь отдавать свою жизнь в костлявые ладони смерти, и помнила, как мощной волной впиалась в её вены невероятная сила, как угрожающе крутилось колесо над головой, и с каким рвением её пытался задушить огонь. Всё это запечатлелось чёткими снимками в памяти Влады, пугая

своей реалистичностью и детализацией. И самым последним выплыл тот, на котором она, сдавшись, сползала вниз, к растущей красной луже и холодному как могильная плитка кафелю.

Сдавшись...

Вода стала горячее, а сердце забилось чаще.

Она могла умереть и, возможно, умерла бы, если бы не этот мужчина. Джонни, как он себя называл. Он создавал впечатление приятного человека и, по сути, был таким. Но всё же не стоит забывать, что они знакомы друг с другом не более получаса, а делать какие-то выводы пока слишком рано.

Но всё же он спас ей жизнь, а это что-то да значило.

Перед её глазами до сих пор маячило лицо того водителя, который протаранил своей машиной их такси. Его светящиеся глазницы, сияющий жёлтый рот. Похоже, подобная участь настигла большинство людей, и оставалось лишь гадать, почему именно ей повезло избежать подобного. Почему она осталась жива.

Влада упёрлась руками в стену и уставилась на свои ступни, не видя их, распутывая собственные мысли в попытках хоть в чём-нибудь разобраться.

Рома погиб. Только сейчас она вспомнила торчащий кусок его руки из-под переднего сиденья. На ней осталось три пальца; остальные два размазались по обшивке сидений, хоть пару секунд назад проходили по нежной коже её бёдер.

Тошнота вновь подкатила к горлу, но на этот раз её удалось сдержать. Если мы решили вспоминать всё, так вспоминаем всё, как бы тяжело это ни было.

Влада глубоко вдохнула и закрыла глаза.

Впервые она не понимала своих чувств. В школе она всегда отличалась рациональным мышлением, но сейчас весь рационализм напрочь пропал, уступив место странной пустоте. Её парня, любви всей её жизни не стало, но почему-то Влада чувствовала лишь лёгкую тоску, будто случайно наступила на ни в чём не виноватую улитку. Она восхищалась им и вдыхала аромат его духов с щепетильной нежностью; только ему она позволила поднять краешек юбки и залезть поглубже, предвкушая бурю эмоций страстного секса. Она жила им, чёрт возьми! Жила и была готова умереть за него, если на то вдруг будет необходимость!

А умер он.

И она ничего не чувствовала.

Влада пыталась выдавить из себя хоть каплю горя, каплю скорби по ушедшему близкому, но ничего не вышло. Только лёгкая тоска, подобная расставанию с непродолжительными отношениями. Вот так и бывает: безумная любовь мигом переросла в холодное безразличие.

Но больше всего её пугало другое. Больше всего её пугали люди. А именно те, с кем смерти было лень иметь дело. Хотя Владе и исполнилось всего девятнадцать, она прекрасно понимала, что человеку необходим какой-никакой да

контроль. А если он будет предоставлен сам себе в современном мире... что ж, это станет дикой природой с высокоразвитыми технологиями. Снова главным правилом будет «выживает сильнейший», и спорить с этим будет глупо, иначе тебе просто перегрызут глотку. Свободный человек действует исключительно по своим убеждениям и принципам, а в декорациях нынешнего мира они будут не самыми радужными. Большинство превратится в зверей, это однозначно. Добрую половину человечества сдерживают только законы и писанные правила, но как только они утратят силу, то тут же начнёт править первобытная природа, скрывающаяся глубоко внутри нас. И только сознательная воля, только крепкие убеждения будут способны удержать от того, чтобы перешагнуть черту, отделяющую человека от животного.

Влада подняла лицо вверх, навстречу десяткам струй горячей воды.

Ей предстояло приспособливаться к новым условиям, раз она хотела выжить в новом мире. Он изменился, его края заострились, и теперь следует научиться обходить их или же стискивать зубы от боли, когда они начнут испаривать кожу. Пойдёт ли дальше с ней Джонни, она не знала, но точно была уверена в том, что не будет сидеть на месте, а первым делом...

Внезапно лёгкие сжались, а глаза широко раскрылись. Кто-то резко ударил под самые рёбра и сильным рывком вытянул весь воздух, на миг парализовав тело. Её разум выдал

лишь одно слово, но его хватило, чтобы сомкнуть невидимые пальцы на шее и начать душить Владу, пока та не верила пришедшему осознанию.

Родители.

Глаза мамы, такие прекрасные и всегда вселявшие надежду, могли превратиться в два мёртвых огонька, в два пустых кратера, в глубинах которых разгуливает вечная пустота. Отец мог быть придавлен каким-нибудь станком на заводе, и от одной картины, как его внутренности плавно стекают по всё ещё работающей технике, стало безумно страшно. Никогда Влада не ощущала смерть настолько *реальной*. Даже истекая кровью на той проклятой заправке. Только сейчас она осознала, как запросто эта костлявая сука способна подцепить на острие своей косы любого. Абсолютно любого. Её присутствие ощущалось как нельзя сильно, особенно в опустевшей душевой, что стала настоящим фрагментом прошлой счастливой жизни. Только когда смерть подбирается максимально близко, ты начинаешь чувствовать её запах. Только когда она отнимает у тебя близкого человека, в полной мере понимаешь, насколько ты не защищён от её лезвия, и как неотвратим, как неизбежен конец.

Казалось, она дышит прямо над ухом и постукивала своими пальцами о мокрый кафель. Она, возможно, забрала самое дорогое, что было в жизни Влады – её родителей. И это «возможно» пряталось в широкой улыбке усмехающегося черепа.

В голове пронеслись сотни моментов из детства, и все они лучились радостью, сияли детским восторгом и неподдельным счастьем. В одном из них мама учила её печь торт и давала советы, как понравиться Диме из параллельного класса – тому самому мальчику, на которого влюблёнными глазами смотрела её дочь. На другом фрагменте папа учил кататься на велосипеде, и после того как она врезалась в чью-то машину, они оба рванули с места, смеясь и оглядываясь одновременно. Всё это память вытаскила наружу и облила мягким светом воспоминаний, но их тут же накрыла тень поджидающей смерти – молчаливой смерти, равнодушной к любым крикам и просьбам.

Она могла забрать родителей, но могла и оставить в живых. И только увидев их перед собой, Влада смогла бы успокоиться, независимо от результата. Самое страшное – именно неизвестное, и пока оно скрывается под завесой тайны, сердце никогда не будет биться ровно.

Решение «что делать дальше» было принято мгновенно, без каких-либо колебаний. Владислава Кравцова повернула краники в исходное положение и, когда поток воды иссяк, расправила хрупкие плечи и вдохнула полной грудью. Крупные капли стекали по её горячей коже, преодолевая небольшие окружности и отражая блики цокольных ламп. Маленькие ладони с силой сжались в кулаки. Мышцы всего тела разом напряглись, выступив в роли доспехов для раненой души. Теперь она знала, что делать. Теперь у неё была цель, и

пока та не будет достигнута, о спокойствии не может идти и речи.

– Я справлюсь, – голос прозвучал хрипло, но уже со следующим словом обрёл былую силу. – Я найду маму и папу. Чего бы мне это ни стоило. И буду сильной. – Тёмно-зелёные глаза решительно смотрели на вырезы плитки на стене. – Я буду сильной. Обещаю.

Влада насухо вытерлась, высушила волосы феном, работающим на аккумуляторе, оделась и, в крайний раз глянув на себя в зеркало, вышла из душевой.

На том месте, где она лежала, укутанная в одеяло, теперь стоял раскладной столик, окружённый двумя стульями, на которых они уже сидели. На одном из них уместился Джонни, и сразу увидев открывшуюся дверь, он встал, доедая бутерброд с колбасой. Когда Влада к нему приблизилась, он виновато улыбнулся и развёл руками.

– Прости, не удержался, – он ещё прожёвывал свой завтрак, и поэтому говорил с набитым ртом. – Ты просто очень долго мылась, вот я и подумал, что...

– Я еду к родителям. – На пару секунд между ними повисла тишина, и только пение птиц (птиц?) за куполом разбавляло её. – Я не знаю, поедешь ли ты со мной, но здесь оставаться я не собираюсь.

Она посмотрела в его глаза, и что-то внутри неё вдруг резко переменялось, разлилось по венам опьяняющим вином. Она увидела в этих зрачках сочувствие и самое главное – *по-*

нимание. Будто он был вместе с ней в душе и ловил вылетающие из её головы мысли, ощущая каждую в полной мере.

Влада почувствовала, как начинают заплетаться верёвочки их отношений.

– Я поеду с тобой, – его голос звучал мягко и искренне, совсем как у отца, разговаривающего со своей дочкой. – Ты должна быть под чьей-то защитой. Я не имею в виду, что ты сама не сможешь защищать себя, а...

– Я поняла. Ты просто хочешь быть рядом.

Улыбка тронула губы обоих, приподняв их краешки вверх. Секунду-другую они ещё смотрели друг на друга, но потом Джонни чуть отступил в сторону, перестав закрывать стол, и театрально указал на него руками.

– Рядом, не рядом, но всегда будет плохо, если желудок начнёт есть сам себя! Поэтому, не побоявшись осуждений критиков, я приготовил свои фирменные деликатесы, что не сравнятся ни с одним рестораном мира! – Польщённый её смехом, он продолжил. – Итак, дамы и господа, приготовьтесь! Втяните слюни и расслабьте животы! **МЫ НАЧИНАЕМ!** – Джонни стал оглядывать стол и тут же указал на коробку печенек. – Знакомьтесь! Это лакомые кусочки «Динь-Динь-Дон», что тают во рту подобно вашему сердцу от моих комплиментов. О-хо-хо! А эти арбузные дольки были просто самыми лучшими на рынке, вах! Ну а про Великие Бутерброды Джонни Райза я вообще промолчу! Кто не знает их изысканного вкуса и такого манящего запаха? Да никто! Все

признали мастерство этого гениального шеф-повара, орудующего только ножом для масла и мозгами, что у него ещё остались. Ммм... а этот аристократический аромат дешёвого лимонада... Мой животик уже урчит как котик. – Влада не сдержалась и засмеялась, прикрывая рот рукой. Её глаза светились весельем, без намёка на какую-либо горечь. – А какой здесь стоит запахок кофе! Только внюхайтесь в него! Я, между прочим, столько мучился с той конфоркой на кухне, что чуть себе пальцы не обжог. Откопал самое лучшее молоко и размешал его с зёрнами молотого кофе. Ходит легенда, что когда доили ту самую корову, из её вымени рекой лилась радуга, а из глаз сыпались звёзды. И вот эти самые звёзды превратились в крупички сахара, которые я положил на дно чашечки. – Он расплылся в своей робкой улыбке и с выжиданием посмотрел на Владу. – Это всё, что я успел приготовить.

Она подошла к нему и обняла, вновь поразившись тому, каким маленьким кажется её тело в сравнении с его, более крупным. Прижалась головой к груди и услышала, как бьётся мощное сердце. Все сомнения по поводу опасности от незнакомого мужчины рассеялись прахом, и об этом говорили чистые голубые глаза. Иногда чувствуешь энергетику людей, исходящую от них и витающую в воздухе. При первых секундах разговора интуитивно понимаешь, чего хочет человек, и если его душа тепла и откровенна, то невольно приближаешься к нему, делаясь уже своим теплом.

Так было и с Джонни. Влада ощущала его энергетику и выпускала свою в ответ на приветственное, заботливое сияние.

Она отпрянула от него и, глядя снизу вверх, сказала:

– Спасибо.

Он аккуратно взял её плечи в свои руки.

– Да не за что. Практически всё, что было на кухне в кафешке персонала, либо протухло и заблагоухало удушающей вонью, либо было полнейшим скотским кормом, и я подумал, что мы заслуживаем чуть большего, поэтому по-быстренькому сгонял в магазин и захватил самое вкусненькое. Ты лучше присядь и поешь, чем смотри на меня такими глазами, ладно? А то я уже начинаю смущаться.

Она так и сделала, сев на стул спасателей. Джонни уместился напротив и, сразу перейдя к делу, схватил один из бутербродов и принялся его уничтожать. Влада, не скрывая и своего голода, также прильнула к бутербродам, запивая их и вправду приятным кофе.

– Ну рассказывай.

Короткий выдох вырвался из её груди, и после слова полились из неё рекой.

– Меня зовут Владислава. Я уже говорила, да? – Она неловко засмеялась, но продолжила. – В ту ночь я со своим молодым человеком возвращалась из парка аттракционов. У нас было свидание, и мы планировали закончить его у него дома, в постели. Его звали Рома. – На долгие секунды повисла тишина, и легче было поддаться ей, чем что-либо расска-

зывать дальше, но и здесь колеблющуюся уверенность смогли поддержать ярко-голубые глаза. – Мы вызвали такси, оно приехало и увезло нас из парка. Мы... мы были чуть ли не на взрыве. Каждый из нас. Наверное, это люди и называют похотью или страстью. Называли. – Тяжёлый глоток щелчком отозвался в напряжённом горле. – Для нас эта поездка казалась невероятно долгой. Мы хотели скорее наброситься друг на друга и сорвать одежду. Прямо там, в салоне машины. Господи, я только сейчас поняла, как неловко было тому водителю. Мы же чуть ли не трахались на заднем сиденье! Прошу прощения.

– Ничего, продолжай.

Она отпила ещё немного кофе и собралась с силами.

– В какой-то момент Рома полез ко мне под юбку, и, признаюсь, я не стала ему мешать. Говорю же, мы были совсем дикими. Ну и вот как раз в этот момент что-то случилось – я не помню точно что, – и я повернула голову направо. А там, спереди, я увидела, как на нас летит машина. Не было никакого шанса уйти от столкновения, не было даже времени сделать какой-нибудь манёвр. И ещё глаза того парня... они светились.

– Ты говорила.

– Да, но я до сих пор не могу понять, что это было. Я думала, может я уже кукухой поехала, но когда ты сказал про пустые глазницы, мне по-настоящему стало страшно. Ты же меня не обманывал?

– Доказательства лежат прямо на улицах. Пачками. Думаю, если б я обманул девушку, которая смогла выбраться из горящей тачки и сама добраться до заправки, то, скорее всего, без глаз бы остался я.

– Откуда ты..?

– Знаю? Проезжал мимо двух столкнувшихся автомобилей, которые всё ещё полыхали. Увидел на асфальте длинную такую дорожку из крови – никогда бы не подумал, что её может так много уместиться в тебе – и решил ехать по ней, пока не свернул на заправку. Ну а там, – он налил себе лимонада, – там я нашёл еле дышащую окровавленную девушку, полулежащую на полу.

– Да, так всё и было. Я выбралась из машины, – в сознании всплыло крутящееся колесо, – и не знаю как добралась до того магазинчика. Я вроде пыталась найти аптечку, но не нашла.

– Я нашёл. Она была на том шкафчике, спиной к которому ты и была прислонена.

Влада на миг замерла, и это не укрылось от Джонни.

– Что такое?

– Да ничего. Просто вспомнила... – она отмахнулась рукой, как бы говоря, что ничего значительного не произошло.

– В общем, я тебя подобрал, отвёз сюда на мотоцикле.

– Мотоцикле?!

Её искренне удивление поразило его, заставив сбиться с мысли, но лишь ненадолго.

– Ну да, на мотоцикле. Взял и пристегнул тебя к себе, чтобы твоё тело случайно не осталось на дороге.

– Я ездила на мотоцикле?!

– Да ездила ты, ездила, но только лишь грузом.

– Мама меня приб... – Она резко замолчала, тупо уставившись на бледно-голубые плитки, из которых был выложен пол. Проглотила застрявший в горле кусок хлеба. Её мозг злобно напомнил о текущих в мире событиях, а точнее об одном – апокалипсисе.

Апокалипсисе...

Приведя мысли в порядок, Влада спросила:

– У меня есть серьёзные раны?

– Серьёзных ран нет, лишь синяки и царапины. Ты везучая девчонка, чертовски везучая. Я наложил тебе бинты, но ты их, похоже, намочила.

– Спасибо за бинты, но они наложены неправильно и косо, поэтому я сама потом сделаю всё как надо. Я училась на медсестру. Почти закончила колледж. Планировала в дальнейшем пойти на хирурга, хоть папа и был против. Так что если нет серьёзных травм, я сама о себе позабочусь.

– Хорошо, понял, не лезу. Ты, кстати, заметила, как здесь красиво? – Он указал на купол и плывущие над ним облака, ярко выделяющиеся на фоне приятно-голубого неба.

– Джонни, красиво или не красиво – мне плевать. Я хочу поскорее отыскать своих родителей, потому что не знаю, живы они или нет. У меня душа не будет на месте, пока я их не

найду, понимаешь? Поэтому давай красотой мы полюбуемся попозже, а сейчас поедим, соберёмся и направимся ко мне домой, если ты всё ещё не передумал ехать со мной.

Он с приятным удивлением посмотрел на неё, и вновь в солнечных лучах блеснули его голубые глаза.

– Хорошо, товарищ командир. Только разрешите немножечко полакомиться арбузом?

Искренняя улыбка расплылась на её лице, и Влада игриво произнесла:

– Разрешаю.

Глава 24

Утро в палате

– Скоро она проснётся?

Егор откусил шоколадный батончик и с набитым ртом сказал:

– Не знаю. Я вроде ей не так много подсыпал, так что, думаю, к полудню она точно встанет.

Окно в палату было открыто нараспашку, и Влад с удовольствием ощутил приятное дуновение ветерка, что разгуливал по огромным просторам Санкт-Петербурга. Оба сидели за столом с голым торсом, потому что солнце хоть и сбавило градус жары, но всё равно припекало, продолжая нагревать всё и вся. Радостные птички перекликались друг с другом, с интересом обсуждая, куда вдруг подевались все люди. Кудрявые облака, привлекающие глаза своей пышностью, не спеша плыли по гладкому небу. Природа была умиротворена и, казалось, улыбалась исчезновению такой насущной проблемы, как человек.

– Так что будем делать?

Егор отпил лимонада и, сделав последний глоток, ответил:

– Ну, в ближайшие пару недель я не особо планирую умирать. А если серьёзно, то нам нельзя оставаться на месте. Нужно куда-то двигаться и куда-то идти, как ты и говорил.

Что нам нельзя сдаваться и нужно идти куда-то дальше.

– У меня есть идея. – Влад облизнул обёртку от йогурта и продолжил говорить, попутно орудуя ложкой. – Не уверен, что она понравится тебе, но мне она кажется довольно интересной. Я говорю о возрождении империи. – Брови Егора комично сдвинулись, что, само собой, вызвало смех. – Сейчас объясню. Смотри, ты же понимаешь, что мы с тобой и та милая спящая девушка, скорее всего, не единственные выжившие во всей стране? Конечно, мы пока ещё никого не встретили, но, думаю, время это поправит. А теперь поразмысли вот над чем: человек останется человеком без контроля над ним?

– Ну да. Если он будет поступать правильно и так, как велит совесть.

– А ты уверен, что она есть у всех?

Егор молчал, продолжая прожёвывать шоколад и обдумывая заданный вопрос. Наконец он поднял взгляд и, прочистив горло, проговорил:

– Я понял, куда ты клонишь. К тому, что большинство людей – говнюки, и как только им дашь волю, они тут же пойдут сеять хаос.

– Ладно если бы они просто сеяли хаос, придерживаясь какой-либо идеологии или что-то наподобие этого. Егор, всё будет гораздо страшнее. Люди поймут, что их наконец ничего не сдерживает, и опьянеют от осознания этого. Они будут делать то, что раньше им нельзя было делать. Будут насла-

ждаться вкусом запретного плода, с которого сняли скрывающую мантию. И самое главное – они будут удовлетворять собственные нужды, наплевав на всякие законы и правила, потому что те уже представляют из себя лишь бесполезные клочки бумаги, которыми теперь можно только потереться. А в нужды многих до сих пор функциональных мужчин входит секс. Можно, конечно, и уединиться одному, но кто станет это делать, когда полиция дремлет вечным сном, а одинокие женщины прогуливаются по улицам пустынного города? Я ж мужчина! Я сильный! И почему не могу позволить себе воспользоваться женщиной, если хочу этого? Именно так будет рассуждать большинство представителей сильного пола, ведь ты же сам, Егор, знаешь не понаслышке, как быстро отключается мозг, когда в игру вступают похоть, страсть и дикое желание кого-нибудь трахнуть.

Да, он знал это не понаслышке. Точно так же отключается мозг, когда в сознании алым пламенем вспыхивают ярость и непреодолимая жажда убить засранца.

– Будут изнасилования, и много изнасилований. Не исключено, что апокалипсис не тронул некоторых психопатов и маньяков, которые только и ждут возможности воплотить свои мечты в реальность. К ним относятся и всякого рода религиозные фанатики, способные бог знает на что. И если мир не смог прикончить сам себя до конца, то, поверь мне, с этим справятся люди. Они ему помогут закончить начатое.

Егор перестал есть и теперь тупо смотрел в одну точку,

игнорируя все посторонние звуки и сконцентрировавшись на тех образах, что появлялись в его голове. Идущая в одиночестве Вика, к которой из-за угла здания подходит тёмный силуэт с полными безумия глазами. Он сцепляет свои пальцы на её запястье, ломает его и уже через пару секунд рвёт ткань её трусиков, еле справляясь с дрожью во всём теле. Далее мысли перешли к оружию. Доступному каждому, не требующему лицензии оружию. Его мог взять кто угодно, и именно оно станет весомым аргументом в пользу установленных правил своего хозяина. Людьями всегда управлял страх, и чёрный круг чуть шатающегося ствола был отличным орудием для успокоения чьего-нибудь внезапного героизма. Миром начнёт править анархия, и ничего хорошего в этом не будет. Только внутренняя сила человека, его сохранившиеся понятия о добре и чести, высокие моральные качества и стойкость помогут ему не примерить шкуру дикого зверя. И что важнее всего – не остаться в ней.

Слева слышалось слабое мычание и после него – неразборчивый бубнёж. Вика просыпалась, но до полного возвращения из мира снов было ещё далеко. Поэтому Егор слегка отодвинул еду в сторону и сказал:

– Надо и ей оставить тоже. А то тощие попки меня не привлекают.

Этим он вызвал у Влада смех, чуть не заставив его подавиться клубничным йогуртом. Но как только последние смешинки иссякли, он посерьёзней и, глядя Егору в глаза, спро-

сил:

– Ты понимаешь, к чему я веду?

– Понимаю. Мне не совсем это нравится, но я представляю, о чём дальше пойдёт речь – о Великом возрождении Спадшей Империи, да?

– Да, именно о возрождении. Рано или поздно люди придут к этому, так как поймут, что власть необходима. В принципе, ровно так же, как и контроль. История повторится, уверяю тебя. Она всегда повторяется, просто мы этого не замечаем. Цикличность – неотъемлемая часть всего живого и времени тоже, поэтому даже на руинах старого мира начнут возникать те идеи, которые посещали головы правителей ещё много-много лет назад. А именно то, что людьми необходимо управлять, иначе они просто перегрызут глотки друг дружке; что должны быть установлены определённые правила и, естественно, наказания за их нарушение, потому что – так уж сложилось – страх хорошо влияет на поведение людей. Ну и, конечно, нужна какая-никакая организация, чтобы контролировать это всё. Под организацией я имею в виду порядок и слежку. Не тотальную, нет, но хотя бы самую примитивную, по типу контроля выдачи чего-либо по норме, отчитывание граждан за услуги ЖКХ или попросту понаставить банальные камеры. Человек должен чувствовать, что чей-то глаз то и дело подглядывает на него, поэтому и будет более сдержанным, а от этого уменьшается количество преступлений. Запомни, всегда должна быть дисциплина. Либо

внешняя, либо внутренняя – то есть, самодисциплина. Не будет её, наружу пойдёт всё самое противное, что только есть в людях.

– И что ты предлагаешь?

– Подожди.

Влад соскрёб ложечкой последние остатки йогурта со стенок упаковки и, съев их, запил всё лимонадом. Он взял упаковку в правую руку, выпрямил спину, сделал мусорное ведро целью перед своими глазами и неуклюже разжал ладонь в баскетбльном броске, но всё равно попал. Улыбнувшись, он сказал:

– Трёхочковый! Кстати, неплохой. – Влад постучал пальцем по стоящей рядом стеклянной бутылке. – Я про напиток. А про твой вопрос будет сейчас. Ван сэконд, плиз. – Он разорвал пачку из-под булочки с маком и достал её, уже предвкушая во рту любимый вкус. – Обожаю их. Особенно если эти гады-производители не опыляют их маленькими чёрными камушками, а не жалеют мака и заполняют им всю булку. Эта как раз одна из таких. Спасибо тебе, Егор.

– Да не за что, взял самое лучшее. Так что насчёт вопроса? Мы будем возрождать Спадшую Империю?

– Я уже начинаю жалеть, что назвал это именно так. Ещё чуть-чуть и ты обидишь своим чувством юмора мою попытку показаться остроумным. Ну а если по факту, то да, как раз это я и хочу сделать. Существует очень много нюансов, которые нужно будет отдельно рассмотреть и подправить, но

самое главное, что уже есть зарисовка. Общий эскиз, понимаешь? И уже исходя из него, мы будем добавлять различные детали.

– То есть, ты хочешь построить новое государство?

– На данном этапе звучит это слишком громко, но суть ты уловил правильно, да. Рано или поздно это произойдёт. При том условии, конечно, что человечество не решит окончательно истребить себя. И я думаю, это произойдёт рано, чем поздно. Так почему бы... охренеть, какая вкусная булка! Где ты её купил?

– Не купил, а навечно одолжил. Эти хреновины пару раз пикнули, но охранник решил меня не останавливать. Ты лучше продолжи, что там дальше?

– А что там дальше? – Влад вопросительно взглянул в глаза Егору, шевеля челюстью и пытаясь ухватить конец верёвочки убегающей мысли. – Вроде бы я говорил...

– Какая же это охрененная булка, – послышался сбоку голос Вики. – А до этого вы говорили: «Так почему бы...» и там что-то дальше вы не договорили. – Её голос был слабым, но трезвым и чистым от следов снотворного. Огненно-рыжие волосы показались из-за верхушки кровати, и сразу же сквозь их пряди блеснули два ярко-зелёных огонька. – Вы, значит, мне поминки уже устроили, да? А я жива, обломитесь! Сейчас как встану и дам по мордам тому, кто родился с самой хитрой жопой!

Егор недоумённо посмотрел на Влада и увидел в зрачках

то же непонимание, что было и в его собственных глазах. Но как только Вика продолжила говорить, непонимание смешалось с удивлением и лёгеньким-лёгеньким азартом.

– Усыпить меня решил, красавчик? Ну ничего, я тебе потом покажу, когда наедине останемся. Я отоспалась и хрен теперь дам спать тебе, и это не в том смысле, в котором ты думаешь, нет. Я тебя реально, блин, замучаю, понял?

Она опустила на пол стройные ноги и, встав с кровати, потянулась во весь рост. Солнечные лучи освещали плавный изгиб её спины и округлые, так и манящие в утреннем свете бёдра. Худенькие ручки, сцепленные в замок, стремились высоко вверх, поднимая беленькую футболку и открывая вид на плоский живот. Пламенные волосы прилегали к тоненькой шее и спускались вниз, заканчиваясь у самой талии яркими кончиками горящего огня. Грудь Егора слегка сжалась и внезапно показалась слишком маленькой для того, что так отчаянно билось внутри. Он вновь почувствовал себя неуверенным мальчишкой, каким и увидел её впервые – такую прекрасную и сияющую жизненной энергией. Хотя её лицо и было опухшим от сна, всё равно она оставалась несравнимой красавицей, и красота её стократно увеличивалась в глазах влюблённого.

Такое сокровище блестело бликами чистого золота, и его было необходимо охранять и держать под защитой, любить и хранить в сердце, подпитывая блеск своим светом, не давая угаснуть всему хорошему, что есть в любимом человеке. И

Егор понимал это. Понимал, что несёт ответственность за Вику и за её жизнь, хоть никто и не вешал на него подобные обязанности. И тем не менее он должен оберегать её, если не хочет потерять огонёк тепла в своей душе.

В своей жизни.

Потягиваясь, Вика тихо простонала, зажмурилась и расплылась в улыбке. Опустив руки и облегчённо выдохнув, она повернулась к сидящим у окна мужчинам и сказала:

– Я сейчас в душ, а потом, как выйду, присоединюсь к вам. Только не съедайте все вкусности, потому что я злая, когда голодная. – Её переливчатый смех нежно ласкал уши своим мягким звучанием, пока птицы дружно переговаривались меж собой. – Егор знает, можете спросить у него. Один раз он случайно пихнула меня, я уронила мороженое в Неву, так я ему тогда чуть ли не все мозги высосала. Страшная женщина я, это да. Ладно, – она поправила упавшие на лицо волосы, – я пошла, а вы пока наслаждайтесь жизнью без моего присутствия, потому что я скоро вернусь. Это не угроза, но что-то похожее.

Вика снова засмеялась, и каким же заразным был её смех! Как незаметно он умел заставлять появляться на лице улыбку, очищая разум от лишнего груза и пуская в его тёмные уголки яркие лучики света, пусть всего и на время. И пока она смеялась, то уже успела раздеться, скрыться в предбаннике и войти в душевую, закрыв за собой дверь.

Егор посмотрел на Влада и, увидев глаза последнего, чуть

не подавился смешком и еле смог проговорить:

– Да, она в представлении не нуждается. Вот такую отбитую я себе отыскал.

– Ну почему сразу отбитую-то? Весёлая симпатичная девочка, просто с...

– ...небольшим прибабахом, да? Думаю, она тебе понравится, но не обещаю, что не будет таких моментов, когда не захочется её прибить. Надо отдать ей должное – Вика умеет выводить из себя. – Голубые глаза Егора вдруг резко блеснули. – А, да, кстати. Мы же так и не договорили о Великом Возрождении Падшей...

– Заткнись, умоляю тебя. Были бы мы в школе, я написал бы тебе замечание. Примерно такое: «Верёвкин решил продемонстрировать всем скрытые в нём таланты комика...

– ... но не смог обогнать своего препода, ведь мастерство последнего недостижимо». Ну да, куда уж мне до вас, Мюррей Франклин. – И он подмигнул из-за верхушки стакана, улыбаясь слегка нахально, по-мальчишески. – Ну так что? Так почему бы нам не что?

Влад посмотрел в сторону доносившегося до них шума льющейся воды и пробивающегося сквозь него женского пения. Высокий голос, мягко растягивающий ноты, эхом прогуливался по длинным коридорам безлюдной больницы. Ни одна медсестра, ни один доктор или врач не смогли насладиться приятной тональностью поющей в душе девушки, чьё а капелла произвело бы впечатление на любого музыкально-

го критика. Но в этом опустевшем здании, что раньше слышало самые искренние молитвы и видело самые чувственные поцелуи, пение Вики нашло отклик лишь в двух сердцах сидящих друг напротив друга мужчин, один из которых любил её всей своей душой.

Она пела песню «Heroes Fall» группы Hidden Citizens.

– У неё дар, ты знал об этом?

– Я пою с ней в дуэте уже два года. И да, она талантлива. Безумно талантлива. Но меня кое-что слегкастораживает.

– И что же?

Егор подался чуть вперёд и понизил голос, говоря негромко и глядя прямо в тёмно-карие глаза Влада:

– Странно, что она вообще поёт. И ещё то, в каком расположении духа она проснулась. Она радостна и сияет энергией так, будто не помнит произошедшего вчера, хотя откуда-то узнала, что я её усыпил. Либо её память пока лихо подтасовывает карты и не выдаёт ей картину мёртвых родителей, либо с воспоминаниями всё в порядке, но вот как раз последнее меня очень смущает.

– Скажи прямо то, что хочешь сказать.

Тяжёлый выдох вырвался из груди Егора, и, уперев локти в ноги и сцепив руки в замок, он начал говорить:

– Ладно, хорошо. Скажу как есть. Я боюсь рассказывать ей о вчерашнем в том случае, если она ничего не помнит. А если помнит, то тогда я думаю, что она могла сойти с ума, иначе я не представляю улыбку на лице здорового человека, который

так яростно истерил прошлым днём и был готов чуть ли не убить меня. Она всегда отличалась ярким оптимизмом, но сейчас он больше настораживает, чем расслабляет. Я бы всё отдал, чтобы...

– Остановись, Егор. – Оба замолчали, невольно прислушавшись к ласкающему уши женскому пению, но не переставая смотреть друг другу в глаза.

Через несколько секунд Влад продолжил:

– Ответь мне только на один вопрос, хорошо?

– Хорошо.

– Ты доверяешь ей?

Эти три слова засияли неоновой вывеской в голове Егора, и сразу после этого в душе выключилась вода, оставив голос Вики без подпевания, в гордом одиночестве. До них донеслись звук открываемой крышки из-под шампуня и трение мочалки о мокрую кожу. И только когда тысячи капель вновь стали омыwać горячее тело девушки, Влад услышал ответ:

– Доверяю. Иногда даже больше чем себе.

– Так раз ты ей доверяешь, почему тогда позволяешь себе сомневаться в здравости её ума?

– Да просто... – Он не находил подходящих слов и только беспомощно сжал кулаки. Его губы сжались и превратились в бледно-розовую линию. Он ведь ей доверял, и когда говорил это, то не шёл против истины, нет. Но всё же было что-то ещё, что скрывалось за этим доверием и только сейчас стало проглядывать у самой поверхности. Только сейчас начало

подкрадываться понимание, к чему дальше пойдёт разговор.

К тому, о чём так боится говорить Егор.

– Ты не можешь найти ответ, да? Ты считаешь, что полностью доверяешь Вике, но при этом гадаешь, не сошла ли она с ума? Это уже не доверие, а излишний контроль.

– Опять контроль!

– А он везде, знаешь ли. Где-то он хорош, как в случае с государством. Мы, кстати, договорим на эту тему, ты мне потом напомни. А что насчёт контроля – его чрезмерность вредит отношениям.

– И как же я контролирую Вику?

– Помнишь, мы вчера разговаривали на лестнице? И ты мне сказал такую вещь, что ты чувствуешь большую ответственность за неё. В том числе за её жизнь, настроение, силу и веру. Это хорошо. Ты достойный мужчина в этом плане. Но есть одна крайность, близко к которой подходить не стоит. И называется она «чрезмерная опека».

– Опека?! Слушай, ну это уже бред! Я её не опекаю и никогда не опекал!

– Именно это ты сейчас и делаешь, Егор. Сам взгляни на вещи конструктивно. У Вики, естественно, случился нервный срыв после пережитого стресса и самое главное – после так называемой «встречи» с родителями. Ты поступил правильно, подсыпав ей снотворного, чтобы она хоть как-то успокоилась. Её сон длился более двенадцати часов, и этого времени вполне достаточно, чтобы организм успел восста-

новиться. И что мы видим наутро? Она просыпается в прекрасном настроении и улыбается! Разве ты можешь винить её за это?

– Нет, но как это связано с опекунством?

– Похожий случай со «слишком любящими» родителями. Они принимают решения за своих детей, ставят свои мысли выше их соображений и выдают желаемое за действительное, будто их ребёнку всё нравится и он в полном восторге от происходящего. И главная проблема таких горе-родителей в том, что они не воспринимают сына или дочь всерьёз как личность. Личность, которая имеет свои желания, нужды, которой есть что показать и рассказать и которая, в конце концов, будет жить самостоятельно, без чьих-либо заботливых голосов над головой. Так же и с тобой, Егор. В отношении Вики, я имею в виду. Ты не полностью воспринимаешь её как личность.

– Херня.

– Это правда, и ты знаешь, что это так. – В какой-то момент глаза обоих ни на миг не отрывались друг от друга, но потом всё же голубые уступили карим и опустились вниз. – Ты считаешь, что должен заботиться о ней, но не делай её своим питомцем, слышишь? Она – человек и так же нуждается в самостоятельности, как ты или я. Не цепляй на неё оковы, а наоборот – позволяй делать выбор и не чувствовать себя под твоим надзором. У тебя обязано быть доверие к её самостоятельности, к её умению принимать решения. Это не

значит, что ты не будешь ни хрена делать, а всем заниматься будет она. Это значит, что вы должны работать вместе, ощущать себя опорой, единым целым. Именно доверие является основным фундаментом всех хороших отношений и в особенности – любовных. Не будет доверия – всё разрушится с треском. Невозможно всей душой любить человека, от которого ты скрываешь собственный пердёж, понимаешь? Пёрднули, посмеялись и полюбили друг друга ещё больше.

– Так что же мне делать?

– Я похож на листочек с инструкцией? Я показал тебе лишь направление, в котором следует двигаться, а какие делать шаги, уже решать будешь ты. Ты свободен в выборе и полностью самостоятелен, а если я скажу конкретные действия, то сам же могу послать в задницу всё то, о чём только что говорил. Просто запомни: твоя вторая половинка должна чувствовать себя целостной личностью, а не домашним питомцем. Только на полном взаимоуважении и строятся хорошие отношения. Даже между врагами.

Вода в душе резко замолчала, и теперь лишь падающие вниз крупные капли разбавляли повисшую тишину. Вскоре послышался звук открываемой двери, и в палату вошла стройная женская фигура с завязанным на голове полотенцем. На Вике не было никакой косметики, ничего противозастенного, и эта натуральность её красоты вновь разожгла пламя в сердце Егора. Ненакрашенные губы расплылись в искренней, слегка игривой улыбке, а чистая кожа ещё

блестела после душа, отдавая блики солнечных лучей. На ней было надето лишь нижнее бельё, и как только она увидела тупо уставившиеся взгляды мужчин, заулыбалась ещё сильнее и, подойдя к своей одежде, хихикнула:

– Не буду вас смущать, а то все покраснеете, и потом я случайно спутаю вас с помидорами.

Влад вежливо отвернулся и сделал вид, будто с диким интересом разглядывает зелёные кроны деревьев за окном. Егор же не отказывал себе в удовольствии и продолжал смотреть, ведь каждый изгиб этого тела был знаком ему по ощущениям, долгим ночам и вечно смятой простыне. Вика надела ту же беленькую футболку с огромным нарисованным микрофоном по центру, и когда она полностью оделась, то с улыбкой взглянула в пляшущие на неё голубые глаза. Беззвучно, лишь одними губами произнесла фразу, которую Рома понял в ту же секунду:

– Останемся одни, я тебя прибью.

Теперь улыбка расплылась и на его лице. Он одобрительно кивнул и, отодвинув от стола третий, пустой стул, сказал:

– Присаживайся. Сейчас ты отведаешь лучший завтрак во всём мире.

– А кто готовил?

Егор гордо поднял голову.

– Я. Это моя работа, знаешь ли.

– Ну... надеюсь, до туалета я добежать успею.

И она засмеялась, не в силах сдержать рвущийся наружу

хохот. Её руки взметнулись к лицу, чуть стыдливо прикрывая корчащееся лицо. Остались видны только глаза, и какой бы обидной ни была шутка, это лучистое сияние в яркой зелени её радужек и в тёмной мгле её зрачков порождали такой же смех глубоко внутри, заставляя его набирать силу. Та энергетика, что всегда витала вокруг Вики, теперь заполняла собой и чаши чужих душ, щедро разбавляя всё радостью.

Она и вправду была лучиком яркого света в кромешной тьме.

– Ладно, прости. Ты ж понимаешь, что я не могла не пошутить. – Справившись с последними смешинками, Вика слегка поправила на своей голове полотенце и присела за стол, присоединившись к общей трапезе. – Чувствую, сейчас меня ждёт шедевр современной кулинарии, да? – Она взяла бутерброд с сырокопчёной колбасой, укрытой поверх тонко нарезанными кусочками огурца, и откусила его, после чего закрыла глаза и с наслаждением простионала. – Божечки! Ничего вкуснее я никогда в жизни не пробовала! Это похоже на...

– Вик... – Егор аккуратно перебил её, стараясь сохранять мягкость и твёрдость в своём голосе одновременно. – Давай я тебя сначала познакомлю с Владом...

– ...и только потом я буду пускать свои шуточки, я поняла. – Она повернулась к симпатичному мужчине с тёмно-русыми волосами и не менее тёмными глазами. Протянула руку и после того, как её пожали, произнесла: – Я Виктория

Краева, бывшая ученица тринадцатой школы. Являюсь половым партнёром того красавчика справа, а также его верным наставником и личным мозговыносящим чудовищем. Люблю кушать, спать, есть и кушать. Ну и спортом заниматься. Надо же иногда булками трясти. – Она игриво подмигнула и продолжила: – Хорошо пою, особенно когда напьюсь. Могу быть послушной красавицей, а могу быть и невыносимым страшилищем – это уже в зависимости от настроения. Классно танцую, готовлю вроде бы что-то съедобное, с чувством юмора проблем нет. Ну как, я принята на работу?

Влад мгновенно улыбнулся и пропустил один смешок, но всё же смог произнести:

– А ты мне нравишься. Егору безумно повезло с половым партнёром, я погляжу.

– Да он самый настоящий счастливчик! Вы даже не представляете, какой он везунчик!

– Только, Вик, давай договоримся, что мы будем обращаться друг к другу на «ты». А то так я чувствую себя рассыпающимся дедом.

– Как скажете, дедуля. – Она вновь хихикнула и, налив себе лимонада, спросила: – Так ты Влад?

– Да, Владислав Боркуев, бывший препод твоего парня. Хотя себя таковым не считаю, как и тебя – бывшей ученицей. Всегда есть, что учить и чему учить, так что мы по жизни ученики и учителя.

Егор чуть нагнулся вперёд и положил ладонь Вике на ко-

лено.

– Приготовься к вечным нравоучениям и лекциям. Он это любит. Прямо обожает их. Но на самом деле Влад если говорит, то говорит правильные вещи, и к ним стоит прислушиваться.

– Не вгоняй меня в краску. Я сбрасывал бороду не для того, чтобы показывать свои красные щёки. Лучше давайте обсудим, что нам делать дальше.

– Обсудим, но сначала я задам один вопрос. – Егор повернулся к Вике и, борясь с последними сомнениями, всё-таки решился и спросил: – Ты помнишь вчерашнее?

Улыбка медленно исчезла с её лица и полностью пропала в сияющих до этого глазах. Вся она стала серьёзной и мрачной, будто греющее тепло глубоко в сердце внезапно сменилось ужасающим холодом. Пальцы, держащие чашку, с силой вжались в неё, заставив побелеть разом все костяшки. Ключицы угрожающе выперли из-под выреза футболки, и всё тело Вики, казалось, напряглось до предела. Наконец после долгой паузы она заговорила, и в голосе её было столько же жизни, сколько в могильной плите давно усопшего человека.

– Я знала, что ты задашь этот вопрос, но не думала, что так скоро. – Её глаза впились в глаза Егора и не сводили с него взгляда. – Я всё помню. Всё. И даже то, как заметила торчащую у тебя из кармана упаковку снотворного. Ты усыпил меня лишь потому, что я тебе позволила сделать это, так

как сама хотела поскорее сбежать от реального мира. И нет, я не сошла с ума, как ты думаешь. У тебя это на лбу написано. Я проснулась ещё когда вы болтали о какой-то там империи, и первым моим желанием было наброситься на тебя и выцарапать глаза, но потом я поняла, что ты был прав, поэтому и решила всё хорошенько обдумать. Не буду за столом излагать все свои мысли на тот момент, скажу только, что пришла к такому выводу: что было – то прошло, и надо жить дальше. Я всё-таки осталась жить здесь не для того, чтоб ходить и пугать всех своим унылым лицом, а для чего-то другого, но точно не для этого. Я всё прекрасно помню, Егор. Помню, но предпочитаю не вспоминать, и давай договоримся больше не обсуждать это, хорошо? А то действительно тяжело.

– Хорошо, прости. – Он взял её руки в свои, и как отлегло на его душе, когда она вновь улыбнулась! – Ты умничка. Я немного ошибся в тебе и за это прошу простить меня. – Его губы коснулись её лба – нежно, с неподдельной любовью.

– К тому же я рада, что он умер. – Увидев, как Егор вопросительно посмотрел на неё, а затем кинул взгляд на Влада, Вика тут же поспешила сменить тему. – Ладно, давайте не за столом. Лучше разберёмся, что будем делать дальше. А то здесь оставаться я не хочу.

– А родителей..?

– Оставлю здесь. Отец не заслуживает того, чтобы я его хоронила, а душа мамы будет спокойна только рядом с ним, поэтому пусть покоятся там, где выбрали. Я уже устала за

ними ухаживать.

– Короче, – Влад поднялся из-за стола и, уперев в него кулаки, оглядел сидящего перед ним юношу и его молодую спутницу. – Предлагаю для начала найти вам обоим новую одежду, а то воняет от вас после вчерашней нехило. Естественно, запастись продуктами, побродить по магазинам в поисках чего-нибудь нужного и идти дальше.

Егор с сомнением посмотрел в окно и задал всего один вопрос:

– А что потом?

– Потом? – Карие глаза полыхнули огнём. – Потом мы найдём радиопередатчик и войдём в эфир. Начнём возрождать Спадшую Империю.

Глава 25

По волчьим следам

– Знаешь, что общего между нами? – Женя потрепал гладкую шерсть и тепло улыбнулся. – У нас у обоих черные морды.

Рэндж не понял шутку и всё так же смотрел на него своими безумно яркими оранжевыми глазами.

– Да, надо будет поработать над твоим чувством юмора. А то у тебя с ним совсем беда.

Женя ещё раз почесал Рэнджа за ушком и, выпрямившись, расправил плечи перед приятным ветерком.

Когда ночью во многих зданиях отключилось электричество, они оба вышли в вестибюль спортзала и, довольствуясь только лунным светом, постелили там мат. Вдвоём легли на него и заснули. Без одеяла, без какого-либо пледа – лишь делясь собственным теплом друг с другом. Один раз Женя вырвался из сна и почувствовал тупую тяжесть в нижней части живота. Он спустился вниз, стал искать дверь в туалет, но спустя минуты безрезультатных поисков забил, вышел на улицу и справил нужду, полив рядом стоящую клумбу.

Всё-таки Катя была в чём-то права. Нахер теперь кому ну-

жен этот этикет?

Вернувшись, он обнаружил верно ждущего его Рэнджа, который покорно сидел и не сходил с места. Сказав, что всё хорошо, Женя улёгся и обнял его, после чего они вновь за-
снули и проспали до самого утра.

Рэндж был умным псом, поэтому не стал никого будить для того, чтобы его вывели, а сам вышел на улицу и прогуливался по ней, но не отходил далеко от своего хозяина. Через полчаса солнце уже не стеснялось показать себя среди несущихся куда-то пушистых облаков и сияло, обдавая всё вокруг утренним светом. Женя проснулся до полудня и, шевеля мозгами и поглаживая шею нового друга, прикинул, что успеет добраться домой до самой жары, то есть примерно до двух часов дня. Но так ли он хотел возвращаться домой? Только если ухмыльнуться над телом матери и оставить его гнить там, но идти всё равно было некуда, поэтому выбора не оставалось. Тем более теперь он был не один и мог разделить свои мысли на пару с ещё одним языком, пусть и не особо разговорчивым.

Выйдя из спортзала, первым делом они направились в магазин, где хорошо позавтракали и положили всё самое вкусное с полок в рюкзак. Следующей их остановкой стал зоомагазин, но как только они переступили порог, то сразу же выбежали обратно на улицу, выплёвывая из лёгких удушающих запахов мёртвых хомячков и попугаев. Женя снял футболку, решившись идти с голым, перевязанным бинтами тор-

сом, а сам повязал её на голове у Рэнджа. Хоть он и был жутким троечником, но всё же помнил из курса физики, что тёмные тела поглощают света намного больше, чем светлые, и об этом ясно говорили высунутый из пасти язык Рэнджа и его частое, тяжёлое дыхание. Из-под ткани футболки выпирали две небольших горки – стоячие ушки немецкой овчарки. По сравнению со вчерашним днём жара заметно ослабилась, но всё же чьи-то крепкие пальцы потихоньку выжимали все оставшиеся соки и ласково поглаживали голову, повышая её температуру. Ветер радостно поднимал с асфальта брошенные пачки чипсов, разгуливал меж стен молчаливых домов и заглядывал в каждый свободный уголок, пока по тротуару одной из улиц, стараясь не обращать внимания на витающий вокруг аромат, шли высокий юноша с маской смерти вместо лица и крупный пёс с повязанной на голове футболкой.

Теперь они стояли в аптеке и, укрывшись от солнца, отдыхали. Женя снял ранец и осел на кафедру, прислонившись спиной к стене, и вскоре Рэндж улёгся у него на коленках, прося любви и ласки.

– Вот ты туша. – Его рука стала поглаживать покрытое чёрной шерстью тело. – Тебя в переулке увидишь, так в штаны сразу наложишь. А на самом деле ты ж сама нежность, а? – Ему ответили слабым сопением – Рэндж засыпал. – Ладно, подрыхни. Я, может, тоже пока посплю. Я раньше, знаешь, всегда любил днём, а особенно с утра поспать. Обыч-

но это была либо геометрия, либо алгебра. – Женя засмеялся и почувствовал, как лёгкие намёки на слёзы начали щекотать глаза. – Хотелось бы сказать, что хорошее время было до апокалипсиса, но... не хочу врать. По-моему, сейчас лучше. На Земле намного меньше стало ублюдков, и теперь выживут и хорошо будут жить те, кто это заслужит трудом, а не которым просто повезло. Тем более теперь у меня появился друг. Наглый, правда, да ещё и ссыт где попало, но друг. Да, Рэндж?

Но тот не ответил, а уже полностью провалился в сон. Женя последовал его примеру и сам вскоре задремал, положив голову на грудь. Рёбра обоих мерно поднимались и опускались, а их общее дыхание, казалось, разносится в унисон, пока они отдыхали и восстанавливали силы. И именно потому, что сон завладел ими, ни один не услышал шум двигателей проезжающих мимо мотоциклов.

***

Ему опять ничего не снилось.

Он просто провалился во тьму и через несколько секунд вынырнул из неё, чувствуя боль в затёкшей шее и лёгкое гудение внутри головы. Огромное туловище до сих пор придавливало его к полу, тихо посапывая и время от времени дёргая задней правой лапой. Тело слегка поламывало, так что когда Женя резко выпрямил спину, то сразу же услышал хруст собственных суставов. Мир перед глазами становился всё чётче и яснее, пока разум приходил в себя, а реальность

становилась всё ощутимей. Рэндж то и дело причмокивал и к чему-то принюхивался, так и не открывая глаз. И когда Женя уже решил разбудить его, он перевернулся на спину и, согнув передние лапы, поудобнее устроился на ногах, которые, похоже, совсем потеряли чувствительность.

– Ну это уже наглёж высшей степени, братиш. Давай вставать. – Колени чуть подогнулись, но краткий стон, донёсшийся из мощной груди Рэнджа, смог заставить сердце затрепыхаться и биться чуть сильнее, отдавая странной, сияющей теплотой. – Ладно, спи. Но как только я почувствую, что мои ноги начнут уходить от меня, то тут же подниму тебя, слышишь? И хоть облизывай мне всю морду, я не поменяю решение. Обещаю тебе. – Женя осмотрел небольшой зал аптеки и, немного подумав, подтянул к себе рюкзак и запустил туда руку. Достал ручку с блокнотом и, открыв первую, ещё чистую страницу, принялся писать. – Я пока займусь делом и составлю список всего того, что нам не помешало бы в дороге. Если что придёт в голову, можешь подсказать, я запишу. Девочек не обещаю, но что-нибудь интересное мы тебе найдём.

Белый лист бумаги потихоньку заполнялся чернилами и скоро сменился другим. В сонной тишине разносилось лишь поскрипывание кончика ручки, прерывистое и непостоянное. Плавающие в сознании мысли чёткими словами изливались на девственное полотно, заполняя его фразами и односложными предложениями. На какое-то время Женя ото-

рвался от реальности, от своего тела, и всё его существо уместилось в тёмно-синие руки на огромных просторах обычного блокнота. Только когда он вернулся в действительность, то заметил, что рядом со списком рисует чьи-то глаза, аккуратно обводя их контуры. И на удивление они вышли красивыми. Даже... потрясающими.

И их незакрашенные радужки казались не белыми, а именно серыми. Цвета серого льда.

Женя убрал всё в портфель и застегнул его, стараясь выбросить из головы собственный рисунок. Когда собачки с шумом прошли по молнии, Рэндж резко напрягся, но потом вновь расслабился, поняв, что всё в порядке. Когда они пришли сюда, солнце лишь слегка выглядывало из-за угла здания напротив, что просматривалось через главный вход в аптеку. Теперь же яркий жёлтый диск поднялся выше, намереваясь продвигаться дальше, к самому западу. Значит, стрелки на чьих-то часах уже должны были пересечь отметку 12. Примерно через час или полтора жара устроит свой концерт на безлюдных улицах Петербурга, и такая возможность представлялась очень вероятной. Женя испугался её, но что странно, испугался он не за себя, а за то чудо, которое сейчас дрыхло на его ногах. Чёрный природный окрас мог сыграть с Рэнджем плохую шутку, и тут бы не помогла одна повязанная на голову футболка. Если он заболит, то болезнь его так и останется загадкой, ведь Женя ничего не знает об организме собаки и тем более – чёрной немецкой овчарки.

Тяжело выдохнув, он вновь расстегнул ранец, достал ручку с блокнотом и написал: «*Нужно найти медицинскую книгу о собаках. Энциклопедию или что-то по типу того. Нужна информация о чёрных немецких овчарках*». И, немного подумав, добавил: «*Книжный магазин?*»

Рэндж слегка дёрнулся и тут же успокоился, продолжив спать и еле слышно посапывать. Женья вновь убрал всё в рюкзак и наклонил свою голову к торчащим из-под футболки ушкам. Положив ладони на мощную шею, он произнёс:

– Просыпайся. Нам надо успеть дойти, чтобы не мучиться под солнцем, особенно тебе, так что пошли. Можем перекусить, если хочешь. – Колени снова подогнулись, и на этот раз тяжкий груз сошёл с них, встав на четыре лапы. – Охренеть ты молодец, Рэндж! Все ноги мне отдал! Я их, похоже, не чувствую. Теперь молись своему собачьему богу, чтобы я хотя бы встал!

Рэндж не молился, а спокойно потягивался, закрыв глаза в растекающемся по телу наслаждении, после чего сел и широко зевнул, продемонстрировав все прелести своего нечищеного рта.

– Классно поспал, да? А вот если я сейчас останусь лежать здесь беспомощным мешком мусора, то это уже не будет так классно. Ты тогда потащишь меня на себе, понял?

Женья упёрся руками в пол и медленно встал. Под кожей на ногах пробежали армии маленьких насекомых, и особенно их было много в ступнях. Пару разминочных движений и

чуточку мучений – мышцы тут же придут в порядок, но всё равно ощущения были довольно неприятными.

– Слушай, а ты ещё вырастешь? Я имею в виду, ты же уже не щенок или всё-таки он? А то ты и так бугай бугаем, а если подрастёшь, так тобой вообще можно будет народ пугать. Если, конечно, никого не схватит инфаркт при виде тебя.

Рендж одобрительно гавкнул и завилял чёрным пушистым хвостом.

– Ладно, давай разбойничать. Возьмём то, что нужно. – Женя подошёл к маленькой дверце, доходившей ему до пояса и отделявшей посетителей от внутренней стороны витрины, и открыл её. Теперь лекарства не были отгорожены от него стеклом и свободно лежали на своих местах, в ожидании, что кто-нибудь подберёт их. – В первую очередь нам нужна бадяга. Эти ублюдки хорошо постарались надо мной, Рэндж. Я вообще сначала подумал, что они сломали мне рёбра, но там оказалось всего пара трещин и то небольших. Да, кстати, – он посмотрел на свой перебинтованный торс и провёл ладонью по верхним кубикам пресса, – надо будет и бинты взять. Насчёт корсета не знаю. У тебя пальцев нет, чтобы мне его застегнуть, а сам я вряд ли справлюсь. Да у меня и не болит ничего, так что, думаю, обойдётся без него. А вот бадяга пригодится, да, чтобы у меня лицо хотя бы от твоего отличалось. – Он нашёл её в отделе «**МАЗИ**» и тут же засунул себе в карман. – Что я там ещё написал?

Женя вновь подошёл к рюкзаку и достал блокнот, ещё раз

перечитав весь список.

– Болеутоляющее, болеутоляющее от головы, перекись водорода, снотворное, что-нибудь от аллергии... – Он резко замолчал, когда взгляд его наткнулся на нарисованные им серые глаза. Хоть они и были созданы обычными чернилами на обычной бумаге обычными руками, они в точности повторяли те самые серые глаза Кати и точно также заглядывали глубоко в душу, в самые потайные её уголки.

Он быстро закрыл блокнот и кинул на пол, после чего пнул в дальнюю стену. Тот с гулким ударом врезался в неё и замер на кафеле подобно испуганному животному, притворившемуся мёртвым.

– Похер, найду другой.

Отчего-то в его сердце забились взбушевавшие волны злости, и приливали они к краям грудной клетки, пытающейся сдержать внутри то, что там зарождалось. Лёгкий шёпот гнева, вызванного упущенной возможностью, нарастал в бьющемся сердце и лишь подогревал его пыл. В самом центре души, где-то очень глубоко начинался шторм, сила которого может быть смертоносной и опасной – такой, какой не было ни у одного человека в мире.

И во главе шторма сидел, сложив крылья, выжидающий орёл.

Женя отбросил все эти мысли, взял ранец и быстро положил в него всё самое необходимое, что было в том списке. Кроме, разумеется, серых глаз. С ними он попрощался ещё

вчера, кинув на них последний взгляд около магазина.

Но сохранив их образ у себя в голове.

– Пошли, Рэндж. Нам здесь больше нечего делать.

Но тот сидел на месте и даже не думал вставать. Его оранжевые глаза, радужки которых были цвета янтаря в солнечных лучах, не отрываясь смотрели на Женю. Его футболка чуть развязалась и теперь грозила упасть на пол из-за одного неловкого движения головы и стоячих ушек. В зале одной из многочисленных аптек, глядя друг на друга, стояли юноша и крупный, покрытый чёрной шерстью пёс. Каждый из них чувствовал растущее вокруг напряжение, и только один не понимал почему.

– Рэндж? – Женя подошёл ближе и чуть наклонился. – Ты чего, Рэндж? Есть хочешь, что ли? – Ответом ему послужили молчание и тишина, которая будто окутала собой мир, заставив померкнуть все остальные звуки. – Слушай, я не знаю, какие там прихоти у немецких овчарок, так что давай сначала узнаем всё о тебе, а потом капризничай сколько хочешь. Пошли уже. – Но крепкие лапы всё так же продолжали упрямо стоять на кафеле, не сдвинувшись ни на сантиметр. Оранжевые глаза прямо и неприкрыто заглядывали глубоко в душу и, казалось, знали гораздо больше, чем можно было представить.

Женя снял рюкзак и присел напротив Рэнджа.

– Хорошо, я готов тебя выслушать. Чего ты хочешь? Чтобы я снял футболку? Пожалуйста, – он стянул её со стоя-

чих ушек и бросил за спину, мгновенно забыв о ней и вновь сконцентрировавшись на этих молчаливых, что-то утаивающих зрачках. – У тебя что-то болит или что? Послушай, я не ветеринар и ничего в этом не понимаю. Я тебе даже помочь не могу. Но если мы найдём какую-нибудь книгу об анатомии собак, то, возможно, я что-нибудь и соображу, но сейчас я ни хрена тебя не понимаю. Ты просто сидишь и смотришь на меня, хотя нам надо двигаться дальше. А солнце вот-вот... – Внезапно Рэндж встал и, мягко ступая на подушечках своих лап, подошёл к откинтому к стене блокноту. Поддел его блестящим от пота носом и перевернул, после чего молча посмотрел на Женю. Спокойствие происходящего медленно порождало тревогу где-то внутри, выступая в роли обманывающего затишья перед самой бурей. Слабый призрак осознания, лёгкий намёк догадки прохладным ветерком стелился по набирающим силу волнам, гонимых с океана души. Что-то в разуме начало распутываться подобно клубку, и преданная интуиция подсказывала, что именно эта ниточка приведёт его к правильному ответу.

– При чём тут блокнот? – Но он сам начал понимать, что важен не блокнот, а то, что находится внутри. Что нарисовано синими чернилами. – Рэндж, с тобой всё в порядке? Это нам не нужно, мы оставим это здесь. Ладно, давай я схожу и найду что-то полезное, а ты пока посидишь здесь, раз не хочешь никуда уходить. Хорошо?

Рэндж продолжал стоять на месте, но когда Женя встал,

чтобы уйти, то сразу схватил его за штанину и зарычал. Это был рык дикого зверя, ничем не отличающийся от того, что раздавался прошедшей ночью в темноте. Он был пропитан угрожающим предупреждением и подстерегающей опасностью. Оранжевые глаза хищно блеснули. На миг из зрачков пропал Рэндж и вернулся тот кровожадный пёс, который загонял свою жертву в крошечной мгле спортзала. Он потянул напрягшуюся ногу на себя, с силой уперев лапы в пол и подняв верхнюю губу в оскале, обнажив острые зубы. На какой-то момент настоящий ужас, страх за свою жизнь заполнил разум Жени, и он полностью поверил тому, что место его нового друга заняло разгневанное животное, поэтому не стал сопротивляться, а двинулся туда, куда его тащила сомкнувшаяся на ткани джинсов челюсть.

К блокноту.

Хватка исчезла. Теперь перед ним снова стоял Рэндж, но невероятно серьёзный и с прямым взглядом, требующим получить желаемое. Такие взгляды встречались и у людей – только у тех, кто претендовал на корону и не уступал ни дюйма, пока не получал, чего хочет. Эти люди покоряли горы, вершины и видели, как многие сразу начинают поскуливать перед ними, как только ловили на себе подобный взгляд. Взгляд непризнанного победителя, ещё не показавшего всем свою мощь.

И такой взгляд сейчас был у Рэнджа. Он чего-то требовал и ясно говорил, что не успокоится, пока не добьётся своего.

Даже будучи немым на человеческом языке, он сможет объяснить, что имеет в виду и чего хочет. Чего так яростно желает.

Женя наклонился и поднял блокнот, раскрыв его на странице со списком вещей. Прикрыв большим пальцем рисунок, он тяжело выдохнул и спросил:

– И что? Ты хочешь сказать, я что-то не взял? – Но чёрная мордашка мотнулась из стороны в сторону, совсем как у человека. «Какой же умный пёс», – на миг проскочила в голове мысль, и будто в подтверждение её Рэндж подошёл к лежащему рюкзаку и поддел его носом.

Намёк был понят сразу.

Через пару секунд блокнот оказался в ранце, а лямки того повисли на оголённых плечах. Рэндж наконец-то успокоился и подошёл к ноге, прижавшись к ней, как бы прося прощения. У выхода из аптеки, перед самым дверным проёмом, освещаемые лучами игривого солнца, смотрели на улицу юноша с перебинтованным торсом и покорно сидящий чёрный пёс, что своими размерами не уступал волку. Летний ветерок временами поглаживал их обоих, заглядывая внутрь через открытую нараспашку дверь, и уходил дальше, не отвлекаясь от своих дел. Город спал вечным сном, и лишь оставшиеся в живых вошки нервно копошились по его телу, борясь за ещё один свободный вдох. Природа не заметила перемен, и радостные птички всё так же пели песни, играя друг с другом и прогуливаясь по непривычно тихим

улицам Петербурга.

– И нахрена ты это сделал? Зачем нам с собой этот проклятый блокнот, а? – В ответ Рэндж ещё сильнее прижался к Жене, и тот, не выдержав, начал его поглаживать, продолжая смотреть на ужасающий пейзаж мёртвого мира. – Вот ты любитель попугать! Можно же было спокойно сказать или показать, а ты сразу за штанину и вперёд! Ещё и зарычал так! Я уже начал жалеть, что мне в три года перестали памперсы надевать. В следующий раз давай как-то поспокойнее, ладно? – Он потрепал стоячие ушки и улыбнулся. – Погнали дальше. Может, найдём тебе какую-нибудь сучку, и будешь мучать уже её, а не меня. – И засмеялся, выйдя из аптеки.

В паре кварталов от них взвыли два мотоцикла.

***

– Вот, смотри, ветклиника. Не думаю, что она работала ночью, так что давай заскочим.

Женя в два шага преодолел лестницу на крыльцо, и за ним тут же поднялся Рэндж, высунув язык наружу. Теперь его голову укрывала не потная грязная футболка, а часть дорогого женского платья. Естественно, белого. После аптеки они оба зашли в магазин одежды и, судя по всему, довольно дорогой и респектабельной. Ценники на некоторых товарах превышали средние заработные платы, и Женя, самой дорогой вещью которого был свитер с рынка, невольно замер, когда увидел их. Замер и рассмеялся, ведь теперь всё было бесплатным и доступным. Так что налетайте! Не стесняйтесь!

Берите запросто то, на что раньше копили бы всю жизнь!
Добро пожаловать в нынешний мир!

Женя снял с себя грязные джинсы и отдал их в руки манекену, который, похоже, был совсем не против. Стянул носки, отшвырнул кроссовки и лишь в одних трусах да обволакивающих торс бинтах начал идти по отделам, пока Рэндж плёлся за ним следом. В итоге его выбор пал на светлую футболку с банальной надписью **ROCK** на груди, лёгкие джинсы, чёрные носки и обычные спортивные кроссовки, что, казалось, были созданы именно для его формы ступни.

Он подошёл к женскому манекену, одетому в безупречное короткое платье цвета чистого, только выпавшего снега, и, осмотрев его со всех сторон, принялся расстёгивать позолоченную на спине молнию.

– Впервые за всю жизнь снимаю с кого-то женскую одежду. Даже с манекена. – Ему пришлось взять его обеими руками и положить на пол, чтобы стянуть наряд через искусственные ноги. Справившись с этим, Женя сцепил пальцы у самого выреза груди и резко потянул в разные стороны. Но всё, чего он добился, были напряжённые до предела мышцы кистей и собственное пыхтение. Крепкая ткань никак не хотела поддаваться и даже не треснула, не то что не порвалась. – Сделано на совесть. Постарались, говнюки.

Он бросил платье и двинулся к футболкам. Взял несколько штук тех, одну из которых нацепил на себя, и, проведя пальцами по выпуклой чёрной надписи **ROCK**, сложил их в

рюкзак. Последнюю он с лёгкостью порвал надвое и, подзвав к себе Рэнджа, повязал ему на голову белый платочек – аккуратно и даже с небольшим трепетом – так медсестра накладывает бинты тому солдату, которого безудержно любит. Стоячие ушки вновь прорезались сквозь ткань, но даже так шершавый язык благодарно лизнул Женю, заставив того отпрянуть и рассмеяться одновременно.

– Теперь ты Белая Шапочка, красавчик. Даже вроде как милым стал. Но просёру ты дашь любому даже так, я уверен. Ладно, погнажи дальше, а то жара уже вот-вот настанет.

Они вновь вышли на улицу, теперь более подготовленные к солнечным пыткам. За время их отсутствия воздух уже успел хорошо нагреться, а прохладный ветерок предательски пропал, оставив после себя лёгкое-лёгкое дуновение. Утро плавно переходило в день, и хоть плывущие по небу облака иногда и пытались прикрыть собою мир от палящего солнца, всё же они не справлялись с этим. Температура медленно, но уверенно повышалась, и теперь с лёгкостью дойти до дома (до бывшего дома), не потеряв сознание и не осушив пару бутылок воды, вряд ли представлялось возможным. Остался только один выход – найти укромное местечко и переждать там до того момента, пока тени не станут прохладными, а закат – лилово-багряным.

И сейчас Женя с Рэнджем стояли напротив ветклиники, прогулявшись от магазина одежды пятнадцать минут. Стояли и смотрели на закрытую дверь, которая никак не хотела

поддаваться ни резким рывкам, ни ударам с плеча (от этого наоборот болело именно плечо), ни ударам с ноги. Она твёрдо стояла и не собиралась впускать внутрь никого. Только подходящий ключ мог остудить её пыл и заставить открыться. Но он был в кармане одного из сотрудников, что навечно застрял во врезавшемся вагоне метро – общем склепе всех несчастных.

– Сука! – Женя ещё раз пнул ногой по двери и повернулся к Рэнджу. – Пойдём тогда дальше. Здесь точно должно быть что-то наподобие спортзала, запертого на ночь, но внутрь которого всё равно можно проникнуть.

Они спустились по лестнице и вновь зашагали по тротуару. Десятки тел валялись тут и там, и каждый раз следовало смотреть себе под ноги, чтобы не запнуться о чужую мать или чьего-нибудь ребёнка. Тошнотворный запах никуда не исчез и всё так же витал в воздухе, но организм уже успел привыкнуть и не обращал на него никакого внимания. Спортивные кроссовки пару раз наступали на провалившуюся вниз плоть и тут же отдёргивались как от чего-то горячего, безумно противного. Чёрные лапы аккуратно поднимались над обезображенными черепами, стараясь не касаться их. Пустые глазницы молча уставились в небо, а полураскрытые рты замерли на полуслове, так и не договорив последнюю фразу. Жизнь покинула этот город, этот мир, посыпав следы своего ухода человеческими телами – миллионами судеб, что оборвались под лезвием смерти.

Пока они выискивали пригодное для отдыха место, Женя задумался, а нужен ли Рэнджу ошейник с поводком? Это был крупный сильный пёс, и нельзя вечно рассчитывать на его спокойствие. Увидев какого-нибудь человека, который, может, и не имеет в мыслях ничего плохого, Рэндж мог наброситься на него, подумав, что тот представляет опасность. Но пока на глаза не попался ни один открытый зоомагазин, а тот, из которого они выбежали, фонил тушами мёртвых питомцев, можно было не заботиться об этом и довериться мощному сердцу идущего рядом зверя.

Зверя...

Женя остановился, и тут же прекратился топот мягеньких лап. Почувствовал первые капли пота на лице и шее. Почувствовал, как они скатываются вниз и впитываются в новую футболку. Вновь ощутил то же чувство, что нахлынуло раньше, в больнице. За ним, глядя отовсюду, наблюдали умершие души. Они перешёптывались меж собой и тихо хихикали, но не спускали с него глаз. Они тянули к нему свои невидимые руки, и он чувствовал, как пробегали по спине мурашки, когда чей-то палец касался его прилипшей к телу футболки. Он практически слышал, как хрустели сзади суставы мертвецов, восстающих и плетущихся за ним. Но как только их заставляли врасплох, все они покорно лежали на земле, смирившись со своей участью. Смерть сделала их собственными рабами, и Женя буквально ощущал ненависть пустых глазниц. Их гнев и ярость. Необузданную, дикую, заставля-

ющую забиться даже мёртвое сердце. И сердце это желало отомстить всем живым и в особенности тому, кто несколько раз наступил на лица несчастных, пусть и случайно.

– Пошли, Рэндж, – они мигом свернули за угол здания и оказались в просторной арке одного из питерских дворов-колодцев.

Женя плюхнулся на пол и прислонился к тёмно-жёлтой стене, укрывшись в полумраке царствующей здесь темноты. И как только он закрыл глаза, то почувствовал, как что-то легло ему на ноги и прислонилось к груди, постоянно обнюхивая всё вокруг своим носом. Тревога потихоньку отступала, но оставляла след терзающего страха и грызущего изнутри чувства, что кто-то – чьи-то пустые глазницы – беспрерывно наблюдает за тобой.

– Рэндж... – Его голос был слабым и сиплым, но всё же стоячие ушки ещё больше наострились, а вытянутая мордашка повернулась к голосу. – Рэндж... Господи, Рэндж... – Женя обеими руками обнял его крепкую шею и уткнулся в неё лицом. Пальцы пропали под чёрной шерстью, и сам он почувствовал биение чужого, собачьего сердца. Почувствовал, как у них у обоих поднимаются рёбра и почувствовал слабую боль в своих, которая до этого никак не проявлялась.

Они сидели на укрытом в тених бетоне, у стены широкой, повидавшей множество историй арке. Солнечные лучи стеснительно обходили это место, и только вернувшийся прохладный ветерок разгуливал по двору и меж домов. Он про-

бегал по мокрым волосам и поглаживал собою шерсть, разбавляя тошнотворный запах разложения свежим воздухом. Чуть отпрянув от терпеливо ждущего Рэнджа, Женя, с чуть покрасневшими глазами, спросил:

– У тебя ведь была семья, да? До того как мы встретились, и произошла вся эта хрень? Была же, да? – Шершавый язык прошёлся по избитому лицу, и хоть синяки отозвались слабой болью, всё же искренний смех смог вырваться из груди и разнестись в тишине. – А вот у меня не было, представляешь? Не было. Меня ведь никто никогда не любил. – Он подавился всхлипом и тяжело выдохнул. – Мать была той ещё сукой. Отец никогда не говорил и слова ей в ответ и вообще был притихшим мешком дерьма, который вечно сидел на диване. Он со мной общался только тогда, когда просил стонять за пивом. А если я приносил не той марки, так ещё и орал на меня, потому что только на мне он мог отыграться! Трусливое ссыкло! – Его губы слегка задрожали, вскоре Рэндж прижался к нему всем телом. – Меня никто никогда не любил... только, наверное, Елена Николаевна, но и её сейчас наверняка нет в живых. Я, знаешь, – первая слеза сорвалась с края глаза, – всегда мечтал полюбить кого-нибудь и почувствовать взаимность, отдачу. Ну, как в фильмах или книгах. Но я никак не мог найти такого человека и, похоже, теперь уж точно не найду. Но я... – вновь его прервал краткий всхлип – ...я нашёл тебя. Тебя, Рэндж. Точнее, это ты отыскал меня и чуть не сожрал, но теперь-то мы сидим здесь

и обнимаем друг друга. Я... – Горячий воздух мерным потоком вышел из лёгких. – Я... чёрт, а это не так уж легко.

Женя уместил мордашку Рэнджа в своих ладонях и посмотрел уме в глаза.

– Я, похоже, люблю тебя, Рэндж. – И сам засмеялся, когда последнее слово сорвалось с губ. – Охренеть! Мы ж знакомы меньше суток, а ты уже понравился мне больше, чем практически все грёбанные люди! – Чёрная голова мягко боднула его в грудь, заставив вновь рассмеяться. – Господи, Рэндж... Я никому тебя не отдам. Обещаю. Никому, слышишь? Ты, конечно, засранец, но только мой засранец. Только мой... – Он снова обнял его и впервые поцеловал. Поцеловал в мокрый носик, почувствовав тёплую влагу на своих губах. – То ли ты такой один, то ли все собаки...

Но слова застряли в горле, когда Рэндж резко вскочил и мигом напряг всё тело. Он принял позу готовящегося к броску хищника и грозно зарычал, смотря прямо на Женю. Но зрачки в обрамлении оранжевых радужек говорили о другом. Они смотрели *за него*. Будто бы в пустоту. И на секунду в них проскочило пугающее осознание.

Рэндж сорвался с места и выбежал из арки, выпрыгнув на тротуар. Женя, не думая, мгновенно вскочил и кинулся за ним, чуть не споткнувшись о чьё-то распластавшееся тело. Чёрные лапы с бешеной скоростью перепрыгивали через мёртвых людей и не останавливались. Немецкая овчарка, место которой теперь занял одичавший зверь, невероят-

но быстро пронеслась сквозь улицы и переулки, пока за ней еле успевал молодой юноша, белая футболка которого полностью облепила торс.

– Рэндж! – Но как только он произнёс это имя, пёс остановился и предупреждающе зыркнул на него. И как только блеснули оранжевые кольца вокруг этих глубоких, таких бездонных ям, в голове яркой вспышкой сверкнула мысль: *«Лучше молчать»*

Остановившийся зверь отвернулся и продолжил бежать, но уже медленнее и иногда оглядываясь посмотреть, успевают ли за ним Женя. Он успевал, но начинал чувствовать лёгкое жжение внутри лёгких и скатывающиеся вниз крупные капли пота.

Они бежали ещё около пяти минут, пока Рэндж (уже Рэндж, а не тот дикий зверь) не перешёл на шаг и не стал передвигаться тише, будто от кого-то скрываясь. Интуитивно Женя последовал его примеру и поступил правильно, потому что вскоре...

Он услышал голоса.

И среди них был голос Кати.

Рэндж остановился у самого угла здания и принялся. Женя также замер и увидел припаркованный на другой стороне улицы мотоцикл, и позади него – ещё один. Прислонившись к стене, он краешком глаза выглянул из-за неё.

Через дорогу, у входа в магазин спортивной одежды, спиной к ним стояло двое мужчин и чуть дальше от них, при-

слонившись к двери и смотря им в глаза снизу вверх, сидела Катя, по лицу которой ручьями стекала кровь. Левый был одет в простую белую майку, открывающую вид на внушительные мышцы обеих рук. В одной из них он сжимал оторванный кусок железной трубы, то и дело стучая им по бедру. Низ его штанов залила кровь, и она была точно такого же оттенка, что и на лице Кати.

Орёл напряг крылья.

На правом висела великоватая ему по размеру бордовая футболка с жёлтым воротником. И она именно *висела* на нём. Его узкие плечи подрагивали, когда сам он смеялся своим на удивление высоким голосом. Джинсы нуждались в постоянном подтягивании, потому что не могли удержаться на такой тощей заднице.

И да, их низ тоже окрасила алая кровь.

Катя громко стонала, хоть и пыталась подавить стоны сквозь стиснутые, обливаемые кровью зубы. Ноги ещё больше загоняли её в тупик, ещё сильнее вжимали в закрытую дверь, и даже с такого расстояния Женя увидел в её глазах ужас. Страх за свою жизнь. Страх перед надвигающейся, жуткой смертью – дикий и первобытный, какой бывает в последние минуты жизни.

Орёл щёлкнул клювом.

Внезапно он вспомнил, как точно так же стоял в тёмном, освещаемом лишь бледной луной переулке и выглядывал из-за угла. Мялся и не решался. Сомневался и искал оправда-

ния. Его страхи душили и душили, пока трусость набирала силу в разуме, в трепещущем сердце.

Но он сделал это. Взял и заступился за ту девушку, как и хотел поступить. Он оседлал смелость и стал её хозяином, так что ему мешает сейчас сделать то же самое? Выйти на ринг и принять бой! Что ему мешает сейчас?!

Вот именно.

Ничего.

Не зная что делает, Женя вышел из-за угла, и, мягкая ступая на лапы, вслед за ним последовал Рэндж. Не было никакого плана, никаких продуманных действий и даже чёртовых образов. Была только уверенность и всё. Её было достаточно.

Аккуратно, очень аккуратно приближаясь к этим ублюдкам, Женя заметил, как что-то отразило солнечный блик в руке у Тощего. Это был раскладной нож. Его лезвие переливалось белым светом и угрожающе подмигивало. Громила же подкидывал в воздух кусок трубы и спокойно, будто убаюкивая, говорил стонущей на полу девушке:

– Слушай, твоя дерзость здесь никому не нужна, милая. Если бы ты не сопротивлялась, мы бы просто сделали своё дело и ушли, оставив тебя в покое. Но ты решила попрактиковать удары...

– И у тебя хреново вышло! – Тощий залился противным смехом и вновь поправил спадающие джинсы.

Женя посмотрел на Рэнджа и увидел, как тот кивнул. Совсем как человек.

Они продолжали подкрадываться, стараясь идти как можно тише.

– Даю тебе последний шанс. Ты можешь отдаться нам прямо...

– Пошёл ты нахер, говнюк! – Катя плюнула в него кровавой слюной, что попала ему на белую футболку и начала стекать вниз.

Весь мир затаил дыхание. Замерло всё. Абсолютно всё. Птицы замолкли, ветер утих, а сердце и вовсе перестало биться. Все ждали, что будет дальше, и боялись нарушить тишину.

Наконец Громила поднял трубу и со всей силы врезал Кате по боку, откинув её в сторону. Жене еле удалось сдержать крик ярости, но всё же слабый стон сорвался с его губ, но тут же растворился в воздухе. Но протяжный вой вырвался из груди окровавленной девушки, что вжалась лицом в бетон, лишь бы не показывать гримасу боли. Она прокусила до крови нижнюю губу в трёх местах и продолжала стонать, пока гулкие удары падающих капель отдавались эхом в её голове.

Спортивные кроссовки и чёрные лапы приближались к повернутым к ним спинам.

– Ты поступила очень некрасиво, мерзавка! **ОЧЕНЬ НЕКРАСИВО!** – Громила перешёл на крик и сильнее сжал трубу. – **ТЫ, МЕЛКАЯ СУКА, НЕ ПОНИМАЕШЬ НОРМАЛЬНОГО ЯЗЫКА! МЫ ВСЁ РАВНО ДОБЬЁМЯ СВОЕГО, ПОНИМАЕШЬ?! НАДО БУДЕТ, МЫ ТРАХНЕМ ТЕБЯ**

СВЯЗАННОЙ, НО ТРАХНЕМ! ТЕБЕ СЛЕДОВАЛО ПО-
НЯТЬ ЭТО С САМОГО НАЧАЛА!

Взгляд Жени зацепился за лежащий неподалёку кирпич. На цыпочках он подошёл к нему, аккуратно взял обеими руками и, переложив в правую, двинулся дальше.

– Теперь тебе стоит помолиться Богу, если ты в него веришь, потому что просто так ты теперь не отделаешься. Мы тебя не просто трахнем, а изнасилуем, тварь. Ты пожалеешь, что вылезла из пиздёнки своей мамаша!

Катя подняла голову и уже собрала во рту кровь для следующего плевка, но тут же замерла, уставившись за спины стоящих перед ней мужчин. И Женя увидел, почувствовал её серые глаза. Их взгляды встретились, и на какой-то момент вся улица пропала. Дневной свет погас, и теперь его заменило лунное сияние, отражающееся тенями в пустом переулке. Под ногами ощущались острые камни, а прохладный ветер щекотал покрытую мурашками кожу. И да, впереди стояли три силуэта и ещё один – прижатый к стене. Это была девушка, по чьей оголённой груди ручейком стекала алая кровь. Вновь поединок и вновь подвиг. Снова на риск и снова ва-банк. Женя еле заметно кивнул и, увидев в серых глазах понимание, двинулся ближе.

Тощий продолжал махать раскидным ножом и говорил гнусавым, таким отвратительным голосом:

– Ты в невыгодном положении, сестрёнка! Раньше надо было думать о последствиях, а теперь мы...

– ЗАТКНИСЬ! – Громила грозно зыркнул на своего напарника. – Ты, блять, всегда всё вечно портишь, и будешь больше пиздеть, она ещё раз зарядит тебе по яйцам. Понял?

– Понял, понял, чё ты сразу начинаешь-то?

– Завали хлебальник или я тебе помогу. Будь лучше на подстраховке, пока я её не вырублю.

И здесь орёл расправил крылья.

Громила вновь занёс над собой трубу, но кто-то резко дёрнул за неё со спины, и когда его развернуло, тяжёлый кирпич прилетел ему в лицо. Спустя долю секунды кусок трубы оказался в руках у Жени и, не позволяя себе медлить, он врезал ублюдку по челюсти, откинув его на пару шагов влево. Боковым зрением он заметил приближающееся лезвие, и оно бы вошло Жене в глаз, вытащив его наружу, если бы Рэндж не набросился на Тощего и не повалил того на землю. Рык дикого зверя снова разнёсся по всей улице, но его заглушил истошный вопль человека, которому прогрызали острыми зубами шею. Женя услышал звук вырывающейся на свободу крови и увидел, как она бьёт фонтаном, и только голова Рэнджа более-менее сдерживала этот поток.

Слева раздались шарканье и скрежет.

Орёл насторожился.

Женя повернул голову. Перед ним стоял Громила, с разбитой губой и Бог знает как не сломанной челюстью. В одной руке он держал брошенный до этого кирпич, а другую сжал в кулак. Глаза его наполнились яростью и сквозным безумием.

ем, так что этот человек был способен на всё и даже больше, чем на убийство.

– Ты чё, сука? – Речь оставалась понятной, хоть и имела небольшие дефекты. Похоже, говнюк лишился пары зубов. – Ты чё, гандон, наделал? ТЫ НАПАСТЬ РЕШИЛ, А? ИДИ СЮДА, СУЧА...

Женя в два шага приблизился к нему и ударил кулаком в солнечное сплетение. И когда он услышал резкий выдох и увидел, как мгновенно согнулся Громила, то с размаху ударил его трубой в висок. Сразу же раздался хруст сломанных костей, и после того, как тело упало, а под головой начала разрастаться алая лужа, Женя разжал пальцы. Кусок трубы с визгом упал и вскоре затих. В этом мире существовало только его тяжёлое дыхание.

Убил человека. Я убил человека.

Он повернулся. Напротив Кати, встав передними лапами на грудь поверженного врага (не зря он надел бордовую футболку), стоял Рэндж, морда которого вся была запачкана кровью. Его оранжевые глаза преданно смотрели на Женю, будто ждали какого-то приказа. Сместив взгляд левее, он заметил уставившуюся на него Катю, чьё лицо пропало и уступило место корчащейся маске ужаса и боли. Действуя максимально быстро, Женя подошёл к ней и протянул руку.

– Пойдём. Быстро.

Она смотрела на него пару секунд, после чего сжала его ладонь и поднялась.

Глава 26

Стразы на платье

– Да ладно!

Она подбежала к висящим у дальней стены платьям и истошно завизжала, не в силах сдерживать себя.

– Господи, Влада, это всего лишь тряпки. И вообще мы не за этим сюда пришли.

– Я понимаю, но ты только посмотри на это! Эти стразы... – её ладони бережно проходили по мягкой белой ткани, а подушечки пальцев благоговейно трепетали, когда чувствовали под собой объёмные узоры.

Они находились в магазине женской, исключительно женской одежды. Жара обдала их, как только увидела вышедших из аквапарка. И уже спустя десять минут на жёлтой футболке Влады под мышками огромными пятнами расплылись круги пота. Джонни тащил перед собой мотоцикл (катил его только он и не позволял Владе помочь ему) до ближайшей автозаправки. Стрелка показателя топлива пала смертью храбрых, и теперь следовало хорошенько покормить железного коня бензином, чтобы тот завёлся.

Но палящее солнце взяло своё, и ими обоими было принято решение зайти в магазин одежды и сменить её, заодно немного отдохнув. Но на пути попался только женский бу-

тик, и, тяжело вздохнув, Джонни взял Владу за руку и повёл за собой.

Теперь она разглядывала одно из коротких платьев, которые молодые девушки обычно любили надевать на вечерние, более-менее серьёзные мероприятия. Не слишком короткий и не слишком длинный низ; не слишком глубокий, а в меру обнажающий вырез декольте; подчёркивающая контуры фигуры талия и, конечно же, позолоченная застёжка на спине, предназначенная для лучшей подруги или любимого мужчины. Такой наряд символизировал юность и беззаботность, чуть ли не граничащую с легкомыслием. Но тем не менее он был прекрасен и точно подходил Владе, хоть та ещё и не успела его надеть – это было видно по тому, как она улыбается и смотрит на платье. Женщины привыкли интуитивно чувствовать, что хорошо сочетается с их телом. И глядя на её радостную улыбку, Джонни заулыбался сам, и лёгкие искорки счастья запрыгали в его глазах.

Смех Влады напоминал ему смех его собственной дочери.

– Можно я его надену?

– Не думаю, что тебе будет удобно ходить в нём по жаре, но если хочешь, валяй.

Она тут же сняла платье с плечиков и отправилась с ним в примерочную, бежав чуть ли не вприпрыжку. Женщины... Такие женщины... Некоторые из них кажутся невероятно рассудительными, рациональными и расчётливыми, но как только дело доходит до внешних украшений, до внезапно

понравившейся юбки или футболочки, они сразу становятся маленькими девочками и проваливаются в омут собственных желаний, позабыв обо всём остальном.

Так было и с Владой. Когда она скрылась за белой шторкой, её смех – смех безумно счастливой девушки – всё ещё разносился по магазину мелодичным пением. На миг она забыла о возможной потере своих родителей, о грянувшем апокалипсисе и о собственных ранах, многие из которых до сих пор скрывались под неправильно наложенными бинтами. Её сознание заняли блестящие в свете ламп стразы и их непревзойдённая изысканность, отлично сочетающиеся с белым полотном светлого платья. Это было сокровище, о котором она так давно мечтала, и теперь оно доступно – после крушения всего мира и ухода Бога с небес.

И ушёл он потому, что стало невыносимо ему смотреть на то, как люди выжигают друг другу паяльником глаза, насилюют чужих детей и запекают в печи собственных племянников. Он понял, что люди – сатанинское отродье, и поспешил скорее удалиться с Нового Ада.

Через пару минут шторка слегка дёрнулась и полностью отодвинулась, перестав прятать за собой сияющее сокровище. Стуча только что надетыми каблуками, в главный зал вышла Влада, и казалось, не было на свете таких звёзд, которые светились бы ярче, чем её тёмно-зелёные глаза в этот момент. Они смотрели прямо на Джонни, ожидающе и с нетерпением, пока в глубинах их зрачков играла еле сдерживае-

мая радость.

– Ты выглядишь потрясно. Просто... грациозно.

И это было правдой. Платье будто специально сшили именно для неё, именно для её тела. Оно подчёркивало тонкую талию и превращало узкие бёдра в достоинство, убирая их из недостатков. На белом снегу солнечными лучами переливались играющие блики, и создавалось впечатление, что Влада надела на себя зиму – причём такую прекрасную и греющую душу своим холодом. Сквозь аккуратный вырез просматривались острые, чётко выделяющиеся ключицы. Тоненькая шея была чуть напряжена, и Джонни заметил выпирающую на ней вену, но даже она не портила всей грациозности девушки. Платье заканчивалось у плеч, а дальше руки переходили во владение бинтов, но они так грамотно подходили по цвету, что не казались лишними. Пепельно-русые волосы покорными волнами стелились по спине, большую часть которой не скрывал открытый вырез. Стройные худенькие ножки магнитом притягивали к себе взгляд. Притягивали к своей молодой коже и лёгкой грациозности, с которой они передвигались даже на каблуках. Вся она, казалось, в один момент стала воплощением женской юности – чуть легкомысленной и беззаботной. Уголки её губ и не думали опускаться, а после комично-удивлённого лица Джонни вовсе поднялись ещё выше.

– Нравится? – Влада широко улыбалась, и если бы сейчас перед ней стоял любой старшекласник или студент, ни

у одного из них не было бы шанса остаться равнодушным к этой улыбке. Она делилась радостью, восторгом и проникала глубоко в сердце, заставляя его откликнуться в ответ. И что самое главное – она светилась неподдельной искренностью.

– Ты похожа на молоденькую невесту. Которая вот-вот выйдет замуж и никак не может этого дожидаться.

Её смех переливчато пронёсся по пустому магазину, и в какой раз Джонни поразился ему. Тому, насколько он был красив и приятен на слух. Казалось, от такого смеха погибала любая болезнь, а душа расцветала, насыщалась до этого поблекшими красками. Он прогонял сгущающуюся тьму и освещал собой всё сознание, превознося в него нотки счастья и необузданной радости. И вся красота женского смеха заключалась в том, что он льстил мужчине и заполнял его силами, безумной энергией и теплотой.

– На выпускной курса я хотела надеть почти такое же платье, но вырез был более глубоким, поэтому Рома... – Влада на мгновение запнулась и, поправив волосы, продолжила: – В общем, он мне не разрешил идти в том платье на выпускной. Сказал, что не простит голодные взгляды мальчишек и даже некоторых преподавателей. – Её губы расплылись в печальной улыбке. – Он был жутко ревнивым и не хотел отдавать меня никому. Думаю, если ему и был предоставлен выбор, кто погибнет в той аварии, то он выбрал себя. Рома... – Тёмно-зелёные глаза вдруг заблестели и стали отражать сияние работающих от генератора ламп. Ладони резко взметну-

лись к лицу и прикрыли его, пытаясь сдержать рождающийся внутри всхлип. – Прости, я...

Но она не договорила. Крепкие руки заключили её в объятия и не желали отпускать, а согревали теплом бьющегося сердца. Они обвили её тело и прижали к себе. Влада с удовольствием поддалась и, медленно закрыв глаза, окунулась в омут такой необходимой нежности. Она чувствовала подушечками пальцев грубую ткань рубашки на его спине и приятный рельеф внушительных мышц. На миг в голове промелькнула мысль, что именно таким и должен быть настоящий мужчина: крупный и сильный, в чьих объятиях чувствуешь себя в полной безопасности; с открытым сердцем и доброй, не лишённой ласки душой. Его яркие голубые глаза умели уговаривать и светились постоянной радостью, будто вот-вот ожидали какую-нибудь шутку. Но то, как он прижимал к себе... Боже, на пару секунд она забыла, кто она такая. Забыла, где находится и отделилась от собственного тела. Казалось, эти тёплые руки обнимают именно душу и ничто другое. Именно её израненное шрамами сердце.

У краешка уха кто-то мягко прошептал:

– Всё будет хорошо, Влада. Рома погиб, и его уже не вернуть, но ты можешь сделать ему приятно, – ладонь Джонни стала поглаживать пепельно-русые волосы. – Не думаю, что он подставился под удар для того, чтобы всю оставшуюся жизнь ты скорбела о нём, и она превратилась в череду серых картин. Он же любил тебя?

Влада, не отрывая лица от клетчатой рубашки, коротко всхлипнула:

– Да. И я его тоже любила. Наверное, чуть ли не сильнее всех на свете.

– Поэтому сделай так, чтобы там, на небесах, он не огорчился, смотря на тебя. Иди дальше и отпусти прошлое. Не стоит его забывать, не надо. Уважай его, но не позволяй ему определять твоё будущее. Понимаешь, о чём я?

В ответ она ещё сильнее прижалась к Джонни. До сих пор глаза её были закрыты, но всё равно одной слезинке удалось сорваться с края и скатиться по щеке. Очень тихо, чуть ли не одними губами Влада сказала:

– Спасибо.

– Да не за что.

В опустевшем магазине женской одежды, в самом центре главного зала, обнимаясь, стояли мужчина и женщина. Он был одет просто и по-рабочему, она же будто сошла со многих мечтаний тысяч модельеров. Лицо её было спрятано занавесом собственных волос, пепельный оттенок которых поражал совей магической притягательностью. Тело слегка трясло, но сильные руки мужчины успокаивали её и остужали бушующий внутри огонь. Только они вдвоём были живыми гостями этого торгового центра, и только между ними в эту секунду проскочила первая искра.

Счастливо-горькая улыбка заиграла на лице у Влады.

Глава 27

We shall overcome

– Сейчас будет больно.

Он приложил пропитанный перекисью ватный диск к её порезу под самой скулой и тут же услышал, как она застонала, хоть и стискивала зубы от боли.

– Потерпи ещё чуть-чуть, Кать. Я почти убрал всю кровь. Тебе, похоже, задела лицевую артерию, но я не уверен. Но выглядит хреново. У тебя, наверное, останется шрам и...

– Заткнись, пожалуйста, и сделай уже всё побыстрее. Я сейчас сойду с ума от той хрени, которую ты мне влил.

Они находились в главном зале аптеки, у самой её кассы. Помещение было огромным, и казалось, бесконечным прилавки с лекарствами не знали конца, будто они образовывали запутывающий мозг лабиринт. Через чистые, добросовестно вымытые уже мёртвой уборщицей окна на серые плитки падали ясные лучи уходящего солнца. Они освещали светлую кожу Кати и переливались разными оттенками на её рыхлых распущенных волосах. Руки Жени и в особенности его пальцы были запачканы алой, ещё не успевшей высохнуть кровью. И пока он обрабатывал раны, не мешая ему и тихо наблюдая в сторонке, послушно сидел Рэндж, стоячие ушки которого всегда были наготове услышать любой подозри-

тельный звук.

– Ложись на спину.

– Зачем?

– На спину ляг, пожалуйста, и задери голову вверх. Порез, похоже, глубокий, и если я тебе его сейчас как следует не продезинфицирую, то туда сможет забраться какая-нибудь инфекция. – Он стоял на коленях, она сидела на полу, прильнув спиной к прилавку. Их глаза были расположены на одном уровне, и на миг Женя вновь уловил в её взгляде то, что проскочило в тёмных зрачках, когда он взял её за руку и не захотел отпускать. Что-то похожее на искреннее удивление и недоверие, что уже стало основным принципом выживания в этом мире. Но теперь в серых глазах бледной искрой вспыхнуло что-то ещё, и верная интуиция подсказала Жене, что это был первый намёк на встречное движение, на слабую попытку поверить в добрые намерения – невероятно осторожную и робкую.

Не сказав ни слова, Катя подвинулась чуть вперёд и легла на спину, закинув подбородок высоко вверх. Чья-то ладонь аккуратно взяла её голову за затылок и сразу же утонула в волосах. Шея напряглась до предела, и проклятая боль, тупая и ноющая, никак не хотела сходить ниже правой скулы. Она буквально убивала по одной все оставшиеся там нервные клетки, и каждая из них истошно вопила, когда попадала под раздачу. Поток крови прекратил литься из Кати водопадом, но всё же она шумной рекой протекала в висках и

отдавала медным привкусом стали во рту.

– Расслабься. Нужно, чтобы мышцы пришли в спокойное состояние. Я держу твою голову, так что ты не упадёшь, не бойся. – Смочив правой рукой ещё один ватный диск перекисью, Женя положил его Кате на бедро и, подтянув к себе рюкзак, спросил. – Полотенце дать?

– Зачем?

– Чтобы ты его зажала ртом. Будет больно, и тебе захочется покричать. Поэтому лучше зажми его меж зубов, хорошо?

– Я надеюсь, ты не вытирал им жопу?

Женя рассмеялся, не в силах удержаться. Спустя пару секунд он зашёлся кашлем и когда справился с ним, то продолжил смеяться. Провожая последние смешинки, он не мог заставить себя не улыбаться и сказал:

– Похоже, тем придуркам не удалось выбить из тебя чувство юмора. – Он свернул полотенце примитивной трубочкой и сжал в кисти. – Широко открой рот, пожалуйста. – Положил его ей на лицо, свесив края по разные стороны от головы. – А теперь можешь сомкнуть челюсть и держать так, пока всё не закончится.

Катя посмотрела на него снизу вверх, и теперь в её глазах было больше доверия, но царствующий там страх всё равно никуда не делся. Он поглощал рождающийся в зрачках свет своей непроглядной тьмой и покрывал пеленой сомнения всё, что вроде бы не представляло собой опасности. Внезапно появившийся внутри огонёк начал растапливать серый

лёд, но удавалось ему это очень тяжело.

Но всё же первые капли стали стекать и падать в самый центр тёплого огня.

Катя зажала полотенце зубами и закрыла глаза, вновь напрягши всё тело и шею в том числе. Держа её за голову и чувствуя, как устаёт бицепс на левой руке, Женя мягко проговорил:

– Постарайся расслабиться, чтобы рана стала чуть шире.

Она так и поступила и уже через пару секунд мерно дышала, наполняя лёгкие слегка прохладным воздухом уходящего дня и подступающего вечера. Новая белая майка обтянула её торс, будто бы хотела подчеркнуть изящество этой женской фигуры. Слегка мокрая от пота грудь, на полукружиях которой ещё виднелись не отёртые пятна крови, медленно поднималась вверх и опускалась вниз. Кожа на выпирающих ключицах блестела и играла с солнечными лучами, пока неровный, уродливый порез на шее был поглощён во мраке.

Рэндж лёг и, уткнув морду в лапы, тихо заскулил. Он лежал у самого входа, у самой открытой нараспашку двери, так что когда ветер решал заглянуть в аптеку, то в первую очередь его встречала чёрная шерсть и принимала на себя прохладные порывы. Сам Рэндж наблюдал за Женей и его трясущимися руками, совладать с которыми становилось всё тяжелее и тяжелее.

– Приготовься, сейчас будет больно. – Он взял ватный

диск и с нажимом прошёлся им по ране. Капли крови брызнули из неё, когда Катя завопила в полотенце, сжимая его зубами. Тёмно-красная линия мгновенно превратилась в пузырьчато-белую, которая безостановочно увеличивалась. Жена взял сухой диск и вытер края пореза вместе с самой поверхностью, после чего вновь залил всё перекисью. Голова под ним резко запрокинулась назад, и истошный крик боли вырвался из постоянно вздымающейся груди. Рука Кати с силой вцепилась в его руку ниже сгиба локтя и никак не желала разжимать пальцы. Так утопающие хватаются за своих спасителей.

– Потерпи, ещё совсем немного. – Белая пена продолжала выходить из-под вспоротой кожи и растекалась по всей шее. Небольшие сгустки крови пытались пробиться наружу, но терпели поражение и тонули в поднимающихся наверх пузырьках. – Последний раз заливаю. – Он снова вытер всё ватным диском и повторил процедуру, стараясь не обращать внимания на жалобные стоны, заглушаемые лишь одним полотенцем.

Наконец Катя откинула его и с нескрываемым гневом сказала:

– Надо было тому ублюдку яйца оторвать перед тем, как он сдох! И заставить жрать их, пока они у него из задницы не полезут!

– Лежи спокойно. Я сейчас заклею всё пластырями, а ты запрокинь голову насколько можешь. Надо, чтобы кожа была

натянутой.

– Пластыри?! – Её брови сместились друг к другу домиком. – А бинтов разве нет?

– Есть, но я не знаю, как правильно бинтовать шею, поэтому обойдёмся только пластырями.

– О Господи... – Она запрокинула голову и закрыла глаза. – Только постарайся меня не убить, ладно?

Он постарался.

***

Когда Женя закончил с порезом, он убедился, что не оставил открытой ни одну часть раны, после чего опустил голову Кати на пол, перестав её поддерживать. Серые глаза вопросительно взглянули на него, как бы спрашивая: «Уже всё?»

– Мне нужно осмотреть твой живот. – Он смотрел на неё, тщательно обдумывая следующие слова. – Я задеру твою майку чуточку вверх. Ты не против?

На пару секунд между ними повисла тишина, и взгляды их сцепились друг с другом, выискивая что-то спрятанное в глубинах чужих зрачков. Наконец Катя перестала молчать и произнесла лишь одно простое слово:

– Хорошо.

Женя схватился пальцами за края белой майки и сразу же почувствовал, какая она влажная. Медленно потянул их вверх, к самым грудям. Перед ним открылся плоский, находящийся в постоянном движении живот, и он был настолько горячим, что даже на расстоянии ощущался идущий от

него пыл. Еле видимые линии рёбер выглядывали из-под низа бюстгальтера, и Жене еле удалось сдержать взгляд на этом месте, не позволяя ему скользить дальше. Он сконцентрировался на гематоме. На огромном, будто расплывающемся пятне тёмных оттенков с лёгкой примесью фиолетового. Оно покрыло собой большую часть правой талии – именно то место, что подверглось удару железной трубой. Это, без сомнений, была гематома, но главным вопросом оставался всё тот же самый: что скрывалось под ней? Выстроенные в ряд кости или их осколки и жалкие огрызки, которые при желании в любой момент могут впиться в одно из лёгких.

– Ты на мои сиськи пялишься?

– Нет, на синяк твой. Так, слушай меня сейчас очень внимательно. Я буду ощупывать каждое твоё ребро, чтобы убедиться, что всё в порядке, – он с сомнением посмотрел на пострадавший живот, – и если тебе вдруг станет больно, ты тут же говори, хорошо?

Она молча кивнула и вновь закрыла глаза. То был хороший знак. Знак, говорящий о том, что она готова пойти навстречу и даже сделала первые шаги, пусть и невероятно робкие и крошечные. В ней зарождался слабый призрачный доверия. Со временем его контуры становились всё чётче, но могли миглом рассыпаться в прах, стоило сияющему свету померкнуть и окунуться во тьму. И Женя старался поддерживать внутри себя этот свет, не давая ему потускнеть.

Он прошёлся пальцами по всем её рёбрам, один раз слу-

чайно задев чашечку бюстгальтера. Особенно осторожно он надавливал на кожу в области этого отвратительного тёмного пятна и резко остановился, когда услышал сдавленный стон.

– Вот здесь, – Катя тяжело выдохнула и, набрав в лёгкие побольше свежего воздуха, открыла глаза. – Вот где ты сейчас трогал, там и болит сильнее всего.

Она посмотрела на него снизу вверх, и внезапно он увидел перед собой лицо не взрослой молодой девушки, что уже успела родить ребёнка и потерять его, а юную девчонку, в глазах которой сквозил отчаянный страх. Страх неизбежного и чего-то более ужасного, чем то, что ей уже удалось пережить. Стремящиеся к зрачку кровеносные сосуды образовывали красные узоры тонких паутинок, а ясные радужки переливались яркостью серого, такого таинственного цвета. Её скулы вновь воинственно прорезались, но никакой агрессии от неё не исходило. Странная аура окутала всё её тело и не пропускала наружу то, что мельком проглядывалось в зрачках. Что только начинало обретать силу.

– Так что там?

Женя вернулся в реальность, и тут же его мозг заработал во всю мощь.

– Перелома у тебя нет, это точно. Трещины... – Он немного замялся. – Насчёт них не уверен, но вроде с этим тоже всё хорошо. Только ушиб и повреждение мягких тканей. Он, похоже, ударил тебя чуть выше нижних рёбер и если бы взял повыше, то попал бы по груди.

– Тогда бы он пожалел, что родился, – она слегка подогнула колени и упёрлась руками в пол. – Можно уже вставать?

– Да, конечно. У тебя, в принципе, нет ничего серьёзного, так что...

– Ага, ничего серьёзного. – Катя поднялась и потрогала заклеенный пластырем порез. – Чуть не сдохла, подумаешь! А так-то фигня, да, с кем не бывает!

– Тебе следует сказать нам «спасибо». – Женя встал с колен, подошёл к полотенцу и вытер об него руки. – Мне и Рэнджу. Хоть ты и вонзила свои ногти мне в шею, я сейчас сидел здесь с тобой и с трепетом ухаживал уже за тобой. Я не хочу нового скандала, Кать, но должен сказать, что тебе стоит научиться быть благодарной. Мы, считай, отобрали две чужих жизни, чтобы сохранить твою.

– А зачем ты это сделал? – Её глаза вдруг заблестели. – Зачем ты спас меня, а? Может, мне лучше было бы, если бы ты дал им завершить своё дело! – Она перешла на крик и начала приближаться, делая медленные шаги навстречу. – Ты спросил, чего хочу я? Спросил?!

– Я не мог поступить иначе...

– Да мог ты, мог! Ты просто не захотел, вот и всё! А на то, чего хочу я, тебе насрать! Ты...

Он закрыл её рот ладонью, а другой обвил спину и ухватился за талию, прижав к себе и не позволяя ей уйти. Он чувствовал давление её груди на свою и ощущал обжигающее ладонь дыхание. Катя резко дёрнулась, но всё так же остава-

лась в захвате, и теперь на Женю смотрели два пропитанных яростью глаза. С их краёв сорвались слёзы. Прямо как вчера, когда оба они стояли у магазина, а она была прижата им к машине, с заткнутым ртом. Только тогда за ними подсматривали лишь пустые глазницы мёртвых водителей и пешеходов, а теперь за их действиями наблюдал Рэндж, наострив уши и подняв голову.

– Послушай меня. И постарайся на этот раз не зарядить мне между ног. – Он чуть ослабил хватку, но был готов в любой момент сдержать её тело, если оно хоть ещё один раз дёрнется.

Но оно будто замерло, застыв во времени, и лишь слабая тряска её рук выдавало нестерпимое волнение.

Смотря прямо в серые глаза, Женя продолжил:

– Мы должны об этом поговорить, понимаешь? Должны. О твоём сыне и о тебе. – На миг все мышцы её лица разом напряглись. – Сейчас я тебя отпущу, и мы начнём разговор, только уже спокойнее, чем вчера. Идёт? – Катя еле заметно кивнула, после чего он освободил ей рот, и она тут же отшвырнулась, сплюнув на пол накопившиеся слюни.

– Я не буду говорить тебе «спасибо» и уж тем более обсуждать с тобой моего сына. Ты добьёшься того, что я опять возьму и уйду, и в следующий раз, когда вздумаешь спасти меня, я сама выстрелю себе в голову, понял?

– Ты не уйдёшь. – Женя вновь посмотрел ей в глаза и смог сдержать взгляд. – Я тебя не отпущу.

Пару секунд она молча тарасилась на него, а потом залилась смехом, который изо всех сил старался быть похожим на искренний. Но на деле же он сквозил натянутостью и фальшью, нотки которой резали слух. Это был смех человека, что пытался им скрыть что-то тайное. Что-то такое, выход на свет чего мог причинить очень, очень много боли.

Когда смех иссяк, Катя спросила:

– Ты не отпустишь меня? – Она упёрла руки в бока и выставляла грудь вперёд. Светло-русые волосы слегка прикрыли её лицо и... признаться, в этот момент она была до безумия сексуальна. – А ты кто такой, дружок? Какого хера ты тут распоряжаешься мной? Влез не в своё дело, а теперь ещё и не позволяешь мне уйти, да? Тебе ещё восемнадцати нет, а мне уже тридцать два, так что жизнь я повидала побольше твоего. И не командуй тут. Имей уважение к старшим.

– К старшим? – Удивлённый смешок сорвался с его губ, после чего они расплылись в улыбке – слегка издевательской и дразнящей. Женя чувствовал, как накаляется вокруг воздух, как растёт в его венах напряжение, и ощущал биение собственного сердца в горле. Но на этот раз он намеревался довести дело до конца и выяснить, что же всё-таки скрывается под этим серым, таким, казалось бы, не растопляемым льдом.

Он двинулся вперёд, сделав первый шаг.

– Ты же ведёшь себя как подросток. Избегаешь той темы, о которой следует поговорить.

– Да с чего ты это взял?!

– Взгляни на свои руки! – Спокойствие мигом улетучилось, и его место заняла злость. – Они все перебинтованы! И знаешь, что это? А я тебе скажу что.

– Заткн. . .

– Это ты, Кать. Ты резала себя, но так и не довела дело до конца. Потому что слаба. Ты не в силах справиться со смертью Миши и винишь себя, будто в этом есть хоть капля твоей вины. – Он не знал, говорит правду или нет, но чувствовал – чувствовал *интуитивно*, – что идёт в правильном направлении, и широко раскрытые от ужаса глаза лишь подтверждали это. – Если ты и в правду его любила, то не стала бы. . .

– ЗАКРОЙ СВОЙ, СУКА, РОТ, ИЛИ Я ВЫРВУ ТЕБЯ ЯЗЫК!

– Давай! – Женя встал перед ней и развёл руки в стороны, полностью открыв ей своё тело. Сзади послышались спешные шажочки мягких подушечек по кафелю, всё приближающиеся и приближающиеся. Рэндж учуял запах опасности и сел совсем рядышком, продолжая наблюдать и не вмешиваясь. – Можешь ударить меня, но сына тебе это не вернёт. Его уже ничто не вернёт.

Мощный удар прилетел ему под дых, и весь воздух рывком вырвался из сжавшихся лёгких. Женя согнулся пополам и рухнул на четвереньки, держась одной рукой за нижние рёбра. На пару секунд мир покрыли кружащиеся в танце чёрные точки, и только когда всё окружение вновь приняло

привычные контуры, Женя поднялся и, показав Рэнджу жестом сидеть на месте, посмотрел на Катю.

– Неплохо. Даже очень неплохо, – дыхание медленно восстанавливалось, и теперь он уже мог говорить спокойно, не боясь задохнуться. – Но Миша всё ещё мёртв. Этим ты его не вернула. И никогда не вернёшь.

За долю секунды он заметил, что она замахнулась, и схватил её запястье, с силой сжав его. Катя лишь слегка поджала губы от пронизывающей боли, но продолжала твёрдо стоять на ногах и не сводить взгляда с нацеленных на неё карих глаз.

– Хватит тебе убегать от проблемы. Ты грызёшь и грызёшь себя, но понимаешь, что это неправильно. Почему ты не покончила с собой, а перебинтовала руки?

– Потому что хотела поскорее встретить тебя и отправить в ад.

Улыбка заиграла на его лице.

– Поздравляю, милая, ты уже меня встретила. А в аду меня не примут – я дружу с дьяволом. – Он сильнее сжал её запястье, и лишь пара небольших усилий отделяла его от перелома, но Катя всё так же не позволяла ни одной мышце дёрнуться на своём лице. Её свободная ладонь сжималась в кулак, и длинные ногти впивались в нежную кожу. – Поверь мне, я тебя не отпущу, так что мы с тобой либо терпим друг друга, либо кто-то из нас ночью задушит другого.

– Ты мне не хозяин.

– Я тебе не хозяин и не хочу им быть. Я... – Он разжал

ладонь и сделал маленький шаг назад. – Я хочу быть тебе другом.

Услышав последнее слово, Катя рассмеялась, прикрыв рот руками, будто пыталась сдержать льющийся наружу смех. Её плечи слегка подрагивали, и оставшиеся на груди капли крови отражали блики заглядывающего в аптеку солнца. День сменялся вечером, уступая место прохладным сумеркам. Шепчущийся с кем-то ветерок свободно разгуливал по улице, и казалось, весь мир отдыхал от бесконечной человеческой суеты, что наконец совсем недавно закончилась. И только мелкие вошки копошились на мёртвом теле уже не дышащей планеты. Каждая из них по-своему встретила новую реальность и приняла, либо же отвергла её. Многие проблемы тут же улетучились под крылом апокалипсиса, оставшись в призрачном прошлом – таком нереальном и далёком. Но что так и не желало выходить из головы, выбираться из самых потайных уголков души и полностью показать себя – так это страхи. Страхи глубокие и насквозь пропитанные опытом жизни – этой жестокой суки, отбирающей всё самое ценное.

Страхи, страхи и только страхи. Они приобрелись раньше, но сейчас – когда человек стал предоставлен сам себе, когда все людские пороки освободились от оков и начали выливаться наружу, – именно в этот момент сложнее всего было поверить в то, чего всегда так страшился. Так боялся и избегал, а теперь оно светится дружелюбным светом, будто

своим сиянием подманивает к себе.

Будто своим сиянием пытается обмануть.

Катя перестала смеяться и, не снимая улыбки с лица, посмотрела Жене в глаза.

– Кем ты сказал? Другом? – Она быстро закивала, и только бы слепой не заметил, как затряслись её напряжённые губы. – Другом, да? А хочешь прикол? Я тебе расскажу один секрет, который разрушит всю твою беззаботную наивность. Дружбы не бывает. Её просто нет. Как, в прочем, и любви. – Она развела руки в стороны и пропустила краткий, но на этот раз искренний смешок. – Тебя либо используют, либо трахают и используют. А потом бросают как шалаву, не попрощавшись и даже не оставив грёбанных денег!

Серые глаза вновь заблестели, и вскоре тоненькими ручейками из них полились кристально чистые слёзы.

– Ты не станешь мне другом. Ты меня используешь точно так же, как все. Думаешь, я этого не знаю? Не понимаю? Я прожила вдвое больше твоего и такого дерьма насмотрелась в этой жизни, что лучше бы ослепла. Так что не говори мне о каких-то там добрых намерениях или другой херне, в которую сам веришь.

– Ты же любила Мишу? – Его голос прозвучал резко и контрастно на фоне безмолвной тишины, и произнесённые им слова повисли в воздухе, требуя ответа. – Ты же испытывала к нему любовь, так ведь? Как и он к тебе. Так почему тогда кто-то другой не может полюбить тебя? Если это чув-

ство всё же существует.

Она молча смотрела на него, вдыхая раскалённый между ними воздух. На шее тоненькой верёвочкой натянулась вена, и Женя буквально чувствовал жар, исходящий от Кати. Впервые её щёки тронула краска, и теперь уже острые скулы не казались ему такими грозными. Он не заметил, как чёт вскинулся вверх её подбородок и как несколько светлых прядей волос упали ей на лицо. Всё его внимание, весь его мир уместился в эти чёрные омуты глубоких зрачков, обрамленных поясом серого, непробиваемого льда.

Почти непробиваемого.

– Я его любила. – Голос Кати слабо прохрипел и чуть не утонул в тишине, но с каждым следующим словом её речь набирала силу и становилась всё громче. – Любила больше всех на свете и хотела... – Она тяжело вздохнула, после чего подняла взгляд и посмотрела прямо на Женю. Только сейчас он заметил, как покраснели её глаза и как много блестящих дорожек под ними собралось. – Я хотела воспитать его достойным мужчиной, а не мудаком, каким был его отец. Я хотела сына, понимаешь?! Сына! И его у меня забрали!

Катя закрыла лицо руками и отвернулась, уже не сдерживая сотрясающие тело всхлипы. Пара стонов пробилась через приглушённое рыдание, и только когда она отошла от Жени, от его грязных слов и от всего проклятого мира в целом, уткнулась головой в стену и тихо проговорила:

– К чёрту тебя. Тебя и всех остальных. Раз ты уже убил

человека, то, пожалуйста, прошу тебя... – её шея повернулась, и из-под светлого занавеса волос блеснули яркие глаза. – Убей меня. Если ты и вправду желаешь мне добра, тогда это будет самый милосердный поступок. Ты поступишь как герой. Спасёшь меня, ты же этого хотел? Совершишь подвиг. Спасёшь от мучений в этом аду. И сделаешь меня счастливой.

Он молчал, тщательно обдумывая её слова. Каждый вдох обжигал пересушенные стенки горла, а сердце больно било по травмированным рёбрам, будто желало сломать их и вырваться на свободу. Покинуть тело и улететь туда, к чему зовёт душа.

– Убив тебя, я не сделаю тебя счастливой.

– Сделаешь, – она полностью повернулась к нему и убрала от лица руки, в котором сейчас не было ничего красивого. Лишь гримаса боли и маска вечного страдания, которую покрыли шрамы, оставленные жизнью. – Ещё как сделаешь. У меня на это не хватает духу. Здесь-то ты прав, – искренний, пробирающий до мурашек смех разнёсся по залу аптеки. – Я слишком слаба для этого. Поэтому и прошу тебя, Жень.

Катя впервые назвала его по имени, и грудь от этого непроизвольно сжалась, когда он увидел такую тёплую и невероятно уставшую улыбку на её лице. Но больше всего поражало то, как медленно и не спеша серый лёд превращался в серое море, тая в текущие слёзы.

– Я не стану тебя убивать, Катя. Даже не проси.

– Придётся. Ты обязан это сделать, и знаешь почему? Потому что ты и твой дружок отобрали у меня шанс увидеться с сыном. Ты думаешь, я бы не смогла дать отпор тем двум придуркам? Я не хотела, чтобы они трахнули меня, поэтому и взбесила их, чтобы они сначала прикончили меня, а потом уже делали с моим телом всё, что только захотят. Но тут вмешался ты! – Она подошла ближе. – И спас мою задницу, хоть я этого и не просила. Вчера, когда я ушла от тебя, я, наверное, была самым счастливым человеком на планете! И была бы им сейчас, если бы ты не вернул меня в ад.

– Ты врёшь, – Женья сам сделал шаг навстречу. Теперь они стояли чуть ли не вплотную друг к другу. – Я видел, как ты смотрела на меня после того, как я сказал, что волнуюсь за тебя. Видел твой взгляд, и даже не думай говорить, что ты в тот момент не хотела остаться.

– Не хотела, поэтому и ушла.

– А зачем же ты тогда остановилась и обернулась? Обычно когда люди уходят, они делают это быстро и без остановок, не пялясь друг на друга по полчаса.

– Как мой муж, да? Тоже свалил, оставив одну грёбанную записку на столе. И как ты вешал мне лапшу на уши и откровенно пиздел, что волнуется за меня и готов оберегать всю жизнь! И знаешь, что в итоге? – Она выдержала небольшую паузу, после чего искренне, но с такой заметной печалью в голосе рассмеялась. – Он нашёл сиськи получше моих и ушёл к ним, а меня оставил с Мишей одну. И оставил кое-

что ещё. Уродливый шрам на моём теле. Показать?

– Не над...

Но она вздёрнула майку и слегка спустила вниз джинсы, оголив правое бедро. На светлой коже неровной линией простирался заживший порез, который будто бы тянулся к её промежности. И когда Катя сказала, что он был уродливым, то не пошла против истины, а даже наоборот – преуменьшила правду. Шрам был ужасен, и от одного взгляда на него Жене стало не по себе. Он отвёл глаза и чуть отошёл назад, стараясь не смотреть на противный отпечаток мужчины, пожизненно оставленный на таком красивом женском теле.

– Это он ножом, – Катя вернула джинсы на место. – Я устроила ему скандал после того, как узнала, что он кувыркается с моей подругой. Дружба же ведь, да? Ты же про это говоришь, Жень? – Никогда прежде он не видел, чтобы человек мог и плакать, и смеяться одновременно. – Максим вернулся домой, и я сразу накинулась на этого козла. Была готова выцарапать ему глаза и убить прямо там. Я знала, что буду в неадеквате, поэтому и заперла Мишу в комнате, чтобы он не видел ничего этого.

– Как давно это было?

Она молчала, явно думая, отвечать или нет. Но поток слов уже начал литься из неё рекой, и теперь его невозможно было остановить, так что Катя сглотнула свои сопли и, вытерев глаза ладонью, продолжила:

– Год назад. В июне. У меня как раз был отпуск, и я стала

замечать аромат чужих духов в нашей квартире. Ну и в общем... Я бы его, наверное, и в правду убила бы, но он успел схватиться за нож и полоснуть им по мне. Я, должно быть, выглядела совсем безумной, потому что он с таким криком выбежал наружу, после того, как мои ногти впились ему в шею. Той ночью эта тварь так и не появилась, но зато пришла на следующую, извинился, нёс какую-то там херню про любовь и чувства и по итогу отвёз меня в больницу. И как только мне всё зашили, я харкнула этому ублюдку в лицо и сломала ему нос. И ушла, а он продолжал валяться и стонать на полу.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– А ты не понял? Мне становится легче. Всё равно я скоро умру, так что небольшое откровение мне не помешает.

– Я не стану тебя убивать.

– Ты спас мне жизнь, – Катя подошла вплотную и упёрлась своей грудью в его, глядя снизу вверх в омуты глубоких карих глаз. – Но на самом деле сделал только хуже – обрёк меня на мучения. Но ты можешь это исправить, если на самом деле хочешь совершить добрый поступок. Я прошу тебя, – она прошептала ему на ухо, – убей меня. Я сама не могу этого сделать, так хоть ты помоги мне. Пожалуйста.

Её волосы щекотливо коснулись его лица, и сейчас он ясно ощущал на своей шее обжигающее, горячее, неравномерное дыхание. Он чувствовал, как бьётся её сердце чуть ли не в унисон с его собственным, лишь слегка запаздывая. Сла-

бый ток электрическим разрядом прошёлся по телу, возбуждив и обострив все органы чувств. Мир разом стал ярче, и даже знакомая тишина показалась слишком громкой, слишком пугающей. И когда Катя чуть отпрянула от Жени, он уже не мог оторвать взгляда от её глаз. Потому что теперь они были полностью обнажены. Они светились искренностью и полыхали. Но вот только пламя, что разбавляло темноту внутри её зрачков, медленно потухало и стремилось вовсе исчезнуть, превратившись в осыпавшийся пепел.

Он видел в её глазах непомерную усталость. Видел нарастающий призрак безумия, перемешанный с горьким привкусом пережитого горя. В них скрывалось сквозное отчаяние, и как только Женя заметил его, ему по-настоящему стало жалко эту женщину. Тоненькие красные ветви тянулись к радужкам, переплетаясь друг с другом. Крупные капли слёз продолжали вытекать одна за другой. И теперь никакой занавес, никакая пелена не застилала истинную Катю, сбросившую последнюю маску здесь, в опустевшем зале аптеки. Хоть на ней и была одежда, но она всё равно стояла обнажённой. Обнажённой в своих чувствах. Каждый шрам был на виду. Каждый порез и каждое пятно, что оставила ей жизнь. Всё это открылось в её глазах – таких покрасневших и ярко блестящих. Порой именно они говорят красноречивее любого языка и искреннее большинства слов, потому что являются зеркалом души человека.

– Я не буду тебя убивать.

– Значит, ты такой же слабак, – Катя отошла от него и, повернувшись к выходу, поправила волосы. – Ты ничем не отличаешься от Максима. Такой же урод.

Она направилась к двери. Рефлекторно поднесла руку к ушибленному боку, но тут же отпустила её, стиснув зубы от ноющей боли. Лучи вечернего солнца скользнули по светлым прядям волос как по выброшенному на берег янтарию. Уверенная походка, с которой она шла, могла заставить отступить даже самого непроницаемого мужчину. Её острые скулы ясно говорили, что эта женщина не остановится ни перед чем, пока не добьётся своей цели.

И целью этой являлось поскорее увидеться с сыном.

Женя пошёл вслед за ней и уже чуть ли не догнал, но остановился, увидев, как подскочил Рэндж и в два счёта перекрыл своим крупным телом дверной проём. Катя замерла и уставилась на огромного пса, что сел перед ней, смотря прямо в глаза и чуть наклонив голову набок. Его лапы крепко держались на прохладном кафеле, а широкая грудь была выставлена вперёд, явно говоря, что никто на свете не пройдёт мимо без разрешения. Стоячие ушки улавливали каждый, абсолютно каждый звук, а чёрная шерсть грозно переливалась в лучах кроваво-оранжевого солнца. Рэндж твёрдо стоял на своём и не собирался выпускать Катю, пока того не захочет хозяин.

Но он чувствовал витающий вокруг Жени аромат. Такой запах возникал у мужчины, который надолго провожал де-

вушку на вокзале или в аэропорту.

– Я забыл вам познакомить. Это Рэндж, и у него довольно особенный характер.

– Я заметила. – Она чуть развернулась и проговорила: – Прикажи ему уйти с дороги.

– Не думаю, что он меня послушает. Он хорошо всё чувствует и, видимо, понимает, что тебе нельзя уходить. Кстати, именно он привёл нас обоих к тебе. Так что я ему доверяю, и сейчас он, похоже, поступает правильно.

– Правильно? – Катя полностью повернулась к Жене, и тот заметил, как смешиваются меж собой падающие на грудь слёзы с оставшимися на них каплями крови. – Правильно, говоришь? Вы не выпускаете меня наружу, превратив в заложницу! – Трясущиеся губы сжались в тонкую бледную линию. – Твою мать, ты же спас меня! Так спаси по-настоящему! ДАЙ МНЕ ВЫЙТИ ОТСЮДА! – Она вцепилась в его футболку, и теперь лишь пара сантиметров отделяла их лица друг от друга. – Прошу, дай мне спокойно найти свою смерть. Не вмешивайся. Иначе с собой я заберу и тебя, понял? Дай мне увидеться с сыном. Пожалуйста.

Последнее слово она еле слышно прошептала, после чего судорожно вздохнула. И уже когда слегка отпрянула, почувствовала ладони на своей спине и ощутила странное тепло, что будто окутало собой её тело. Мышцы разом напряглись, но тут же расслабились, когда мягкий голос над ухом начал тихо говорить:

– Прости. Прости, но я правда не могу отобрать у тебя жизнь, но послушай... – Тишина скрасила недолгую паузу и прервалась. – Я могу спасти тебя. Я и Рэндж. Мы можем доказать тебе, что дружба существует, просто останься с нами. Я сейчас скажу неприятную вещь, но ты должна её услышать.

– Не надо. Ты достаточно наговорил, и вообще отпусти мен...

Но ещё сильнее прижал её к себе, не без удовольствия отметив, что она поддалась.

– Миша возненавидит тебя всей душой, если узнает, что ты покончила с собой из-за него. Твой сын будет не любить тебя, а ненавидеть. Ты разве этого хочешь? Хочешь остаться полностью одной, даже без любви своего ребёнка?

Катя не ответила, и именно её молчание значило очень много.

Женя продолжил:

– Родитель всегда должен быть примером для ребёнка. У меня такого примера не было, но он был у Миши. И если ты веришь, что он сейчас смотрит на тебя, то не огорчай его, а найди в себе силы идти дальше. На земле много говнюков, да, но также и немало хороших людей, которые могут заставить поверить в дружбу и добро.

– А потом обмануть, да? – Ужасный всхлип раздался из-под скрывающих лицо волос, прогнав по спине лёгкий холодок. – Обмануть и бросить как скотину.

– Я тебя не брошу. – Он ожидал от неё ответной фразы,

но она ничего не сказала и сама его обняла. Прижалась всем телом и уткнулась лбом ему в грудь, пытаясь справиться с безумной тряской в руках.

– В последний раз кому-то доверяюсь. Но если ты меня обманешь... – Катя проглотила накопившиеся сопли. – Если ты меня обманешь, я лично сниму с твоей головы скальп.

Женя только улыбнулся и, удивляясь своему внутреннему спокойствию, провёл ладонями по её спине, спускаясь к бёдрам, но все же доходя до них. Чувствуя жар кожи через белую ткань майки, он тихо сказал:

– Я тебя не обману. Я не знаю, каким был Максим, но я не он.

– Мы знакомы около суток.

– И за это время в твоих глазах я увидел всё.

Катя подняла голову и пристально всмотрелась в него, пытаясь контролировать дрожащие губы. Наконец она пропустила короткий всхлип и проговорила:

– Заткнись и обними меня крепче.

Он так и поступил, навсегда запомнив этот неверящий, в чём-то сомневающийся взгляд её прекрасных серых глаз.

***

– Прости за тот раз, когда я ударила тебя возле магазина.

Женя сделал глоток вина и, ощутив его послевкусие во рту, сказал:

– Да ничего, мне не привыкать. Но удар у тебя хороший. Не завидую твоему муж... – Он замолчал, и пунцовая краска

тут же слегка дотронулась до щёк. – Чёрт, извини. Я не хотел.

– Здесь ты как раз в точку попал. Той скотине не позавидуешь, даже если сам будешь по уши в дерьме. Я до сих пор иногда жалею, что не прикончила его сразу, а дала убежать.

– Ну... – Женя негромко рассмеялся и, увидев вопросительный взгляд Кати, тут же объяснил: – Хищники же тоже иногда не сразу убивают свою жертву. Они сначала ранят и пускают будущий обед на самотёк, пока он сам не упадёт в собственную лужу крови. И добро пожаловать на трапезу! Вся еда готова! Осталось только подойти и взять!

– То есть ты думаешь, что он сейчас мёртв?

– Не знаю. Может, мёртв, а может, живее всех живых. Ты сама-то как хочешь считать?

– Я надеюсь, его схватил сердечный приступ, когда он трахал эту суку Юлю, а потом у них у обоих на следующее утро вместо лиц были черепа, а вместо глаз – пустые глазницы.

На миг перед Женей предстала одетая в халат медсестра, что сидела за стойкой и наблюдала, как он пьёт воду из кувшина. Вспомнил две глубокие ямы на том месте, где должны были быть глаза. Вновь ощутил накативший тогда ужас, парализовавший всё тело. Ужас, вызванный тем, что из каждой чуть приоткрытой двери на него смотрели сотни и сотни глаз. Миллион голосов перешёптывались друг с другом и хихикали за спиной, пока чьё-то неровное дыхание щекотало волосы на самом загривке.

Женя улыбнулся и взял бутылку из-под вина. Долил его в

уже опустевший бокал Кати и, пролив пару капель на землю, поднял свой перед грудью.

– Звучит противно, но за это всё равно стоит выпить.

– Согласна.

Они чокнулись и прильнули к бокалам.

Над их головами тёмным покрывалом простиралась ночь. На чистом небе замерцали звёзды, и каждая старалась сиять ярче другой. Воздух... такой приятный и невероятно свежий в этом парке, который был закрыт в ту роковую ночь. Десятки аллей и сотни тропинок пустовали в гордом одиночестве, и только сгрудившиеся вверху листья тихо переговаривались о чём-то с гуляющим повсюду ветром. Лучшее место для ночёвки, сна и отдыха. И, естественно, отыскал его именно Рэндж.

Он привел Женю с Катей к закрытым воротам парка и тут же пролез под ними, после чего один раз гавкнул и мотнул головой вверх.

– Это он имеет в виду, что нам нужно перелезть.

Уже через несколько секунд они стояли на газоне, табличка на котором гласила, что ***ПРОГУЛИВАЮЩИЕСЯ ПО ГАЗОНУ БУДУТ ОБЯЗАНЫ ВЫПЛАТИТЬ ШТРАФ В РАЗМЕРЕ 5000 РУБЛЕЙ.***

Прочитав это, Катя прошлась по карманам своих джинсов.

– Чёрт, а я как раз кошелёк дома забыла. Похоже, придётся ублажать охранника.

Женя улыбнулся и зашагал по тропинке.

– Пошли, убожательница.

Чуть позже они остановились по центру небольшой аллеи из стройных берёзок.

– Я же говорил, что не зря палатку взял. Тяжёлая, правда, но зато сейчас устроимся хорошо. – Он снял с плеча огромную сумку, что всё это время тащил на себе, и посмотрел на Катю. – Поможешь разложить?

Та кивнула, и по прошествии десяти минут пыhtений они устало сели у самого входа в их новое логово и вытащили из рюкзака всю еду, которую только успели понабирать в магазине. Каждый ел молча, любуясь простирающейся впереди тропой, очерченной зелёными кронами деревьев. Женя время от времени подкидывал Рэнджу различные вкусности, и тот буквально ловил их на лету, после чего почмокивал и просил добавки. На окутанной тишиной аллее, усевшись своеобразным треугольником, ужинали юный парень, чьё лицо можно было спутать с маской смерти в бледном сиянии тысячи звёзд, молодая девушка, на плечах которой теперь была серая толстовка, согревающая тело от ночного ветра, и крупный чёрный пёс, обнюхивающий каждую травинку и каждый кустик.

Наконец он подошёл к Кате и улёгся ей на колени, вытянув лапы и положив на них свою мордашку. Увидев это, Женя рассмеялся и потрепал Рэнджа за уши.

– Ах ты засранец! Подхалим-то какой! Хорошо устроился,

я смотрю.

– Да ладно, я не против. – Её ладонь утонула в шерсти и стала медленно-медленно её поглаживать, попутно делая расслабляющий массаж. Яркие оранжевые глаза сначала слегка сощурились, потом превратились в узкие щёлочки, а позже и вовсе закрылись. Только тихое сопение Рэнджа разбавляло тишину и даже умиляло. – Засыпает, видишь? Всё-таки он хороший, зря я про него тогда наговорила.

– Да мы вообще много чего друг про друга наговорили, так что не бери в голову. Если бы я волновался каждый раз, когда оскорбил бы кого-то или послал куда подальше, то, скорее всего, я бы уже давно прокормил всех червей Санкт-Петербурга из своего гробика.

– Я бы тогда уже сто лет стучалась в ворота ада.

– Почему именно ада?

– Ну... – Катя ненадолго задумалась, и как только некий образ сверкнул в её голове, она искренне рассмеялась. – В раю мне точно не место, а в аду меня будут бояться, потому что я сама их всех там замучаю. Ты говорил, что вроде как дружишь с дьяволом. Что это значит?

– Что я не святой. Далеко не святой. Иногда совершал подлые поступки, да, было и такое. Но, как видишь, сейчас я стараюсь поступать правильно и...

– ...именно так ты и делаешь. Спасибо тебе. – Она посмотрела на него, и при взгляде в её серые глаза Женя снова почувствовал, как невольно сжалась грудь. – Пока мы ходи-

ли по всем этим магазинам, я думала над тем, что ты говорил. И поняла кое-что. Что ты был прав. Меня, честно, задели твои слова про то, что Миша возненавидит меня, если я... если я покончу с собой. Господи, никогда не думала, что скажу это, но я, похоже, была не права. Ошибалась. И за это прошу простить меня.

После её слов наступило молчание. Оно длилось минуту, другую, и уже после третьей Катя не выдержала и спросила:

– Может, ты скажешь что-нибудь?

– Да скажу, скажу, – Женя наполнил лёгкие ночным воздухом и медленно выдохнул его. – Я просто слегка удивлён, что ты попросила прощения. Не похоже это на тебя.

– Ты меня плохо знаешь.

– Тоже верно. Но вот зато он знает. – Женя указал на спящего Рэнджа и отпил вина. – Он как-то чувствует всю эту ауру человека на энергетическом уровне и как раз почувствовал, что у тебя она хорошая. А я ему доверяю, так что не думаю, что здесь он ошибся.

– Спасибо. – Катя слегка улыбнулась и уже забыла, что искренняя, настоящая улыбка может приносить столько удовольствия. – А зачем ты взял гитару?

Он повернулся и увидел прислонившуюся к дереву гитару, аккуратно сложенную в чехол, забранную (ворованную) из магазина музыкальных инструментов. Она приглянулась ему ещё с улицы, соблазнительно подмигивая своими струнами через огромное стекло. И теперь она здесь, покорно

ждала своего часа, чтобы красиво зазвучать и одарить мир прекрасной музыкой, скрасив его загробное молчание чем-то волшебным.

Чем-то человеческим.

– Я могу сыграть одну песню, если хочешь. По правде говоря, только её я играть и умею.

Серые глаза внезапно загорелись.

– Давай!

Женя встал, дошёл до чехла, вытащил гитару и вернулся обратно, усевшись на прежнее место. Он провёл рукой по её поверхности и прошёлся пальцами по струнам, несколько раз поморщившись. Рэндж резко поднял голову, но убедившись, что всё в порядке, сразу же положил её на ноги Кате и тяжело вздохнул.

– Надо только её настроить. Подождёшь?

– Конечно. У меня вон, есть тут работёнка, – она кивком указала на засыпающее чудо, весило которое, судя по ощущениям, целую тонну. – Когда мы с тобой познакомились, Рэнджа не было рядом.

– Да, я с ним встретился потом. После нашего расставания. Сейчас, погоди. – Первая струна громко зазвенела, и Женя тут же стал крутить колку, полностью сосредоточившись на звуке. Так он проделал со всеми струнами и после последней удовлетворённо сделал бой. – Вообще он сожрать меня хотел, представляешь? Сам нашёл меня и начал в темноте подкрадываться, пока я уже не сообразил включить свет

и дать этому монстру чего-нибудь поесть.

– И вы подружились?

– Ну как видишь. Он умный, чертяга, так что от него мало что скроешь, но...

– Сыграй песню. – Катя осторожно перебила его и после небольшой паузы продолжила: – Я хочу услышать, как ты поёшь. Не думай, я не странная, просто я с детства почему-то получаю удовольствие, когда слушаю, как кто-то поёт. Причём только живую.

– Ну, шампуни в ванной на моё пение не жаловались, поэтому надеюсь, что тебя не вырвет с первых аккордов.

И из-под его пальцев хлынула музыка. Это была песня «We shall Overcome» группы All Good Things. И когда он запел, вместе с начальными словами его душа отделилась от тела и улетела куда-то вверх, к звёздам. Его голос был полон решимости воина, но в то же время и нежности любовника. Покорные струны переливались волшебством и заставляли бледнеть окружающий мир, создавая новый – такой прекрасный и загадочный одновременно. Катя смотрела на звёзды, но не видела их. И пока её ладони поглаживали убаюканного Рэнджа, сама она находилась в другом месте, уходить из которого так не хотелось. Один раз Женя мельком взглянул на неё и с приятным удивлением заметил, как немножечко покраснели её щёчки.

На какое-то время все они втроём слились во что-то целое, во что-то единое. Каждый из них это почувствовал, но

не проронил ни слова и продолжал наслаждаться моментом. Иногда самое ценное, что мы можем сделать в конкретный момент – это именно насладиться им.

Когда голос Жени смолк, а струны гитары затихли, ещё несколько секунд в воздухе витал опьяняющий аромат волшебства, и только потом он растворился, но всё же слегка осел прозрачной дымкой в сознании каждого. Катя открыла глаза и, не в силах сдерживать улыбку, сказала:

– Это было восхитительно...

– Тихо! – Он резко накрыл её плечо своей ладонью и сжал его, заставив замолчать. – Посмотри на небо.

Она посмотрела.

На тёмно-синем потолке мира сияли тысячи и тысячи звёзд, подобно белой гирлянде, которой кто-то укрыл купол над всей планетой. Но в оцепенение приводили не звёзды. В оцепенение приводило то, что находилось под ними.

Всё пространство над головой заняли светлячки. Они затмили своим сиянием небо и с каждой секундой преумножали его, прогоняя ночь и возвращая день. Они совершенно бесшумно висели в воздухе и смотрели вниз, на двух людей, что задрали головы вверх. Их строю не было конца. Жёлтые огоньки расстилались по всему горизонту, и казалось, будто огибали весь земной шар. Каждый из них плотно прижимался к другому, создавая прочную сетку, пробить которую не представлялось возможным. И каждый из них пожирал всю троицу своими маленькими чёрными глазками. На Же-

ню мощной волной накатило ощущение, что за ним наблюдают сотни мертвецов из приоткрытых дверей, Катю обдало жаром, и перед её глазами возник окровавленный, еле дышащий и зовущий маму кулёк, а Рэндж жалобно заскулил, спрятав морду под лапами.

Через эти чёрные глазки на них смотрел сам Сатана и будто бы посмеивался, предвкушая начало весёлой игры.

– Мне страшно. – Катя еле сдерживала растущую внутри панику, и чтобы не дать ей вырваться на свободу, она нашла ладонь Жени и сцепила его пальцы со своими.

– Мне тоже. – Он сильнее сжал её ладонь и почувствовал окровавленные бинты.

И только когда светлячки стали разлетаться и очищать небо, они увидели на нём ярко-красную, огненную звезду.

Звезду, что родилась после апокалипсиса.

5 декабря 2019 года – 8 мая 2020 года

Даниил Реснянский